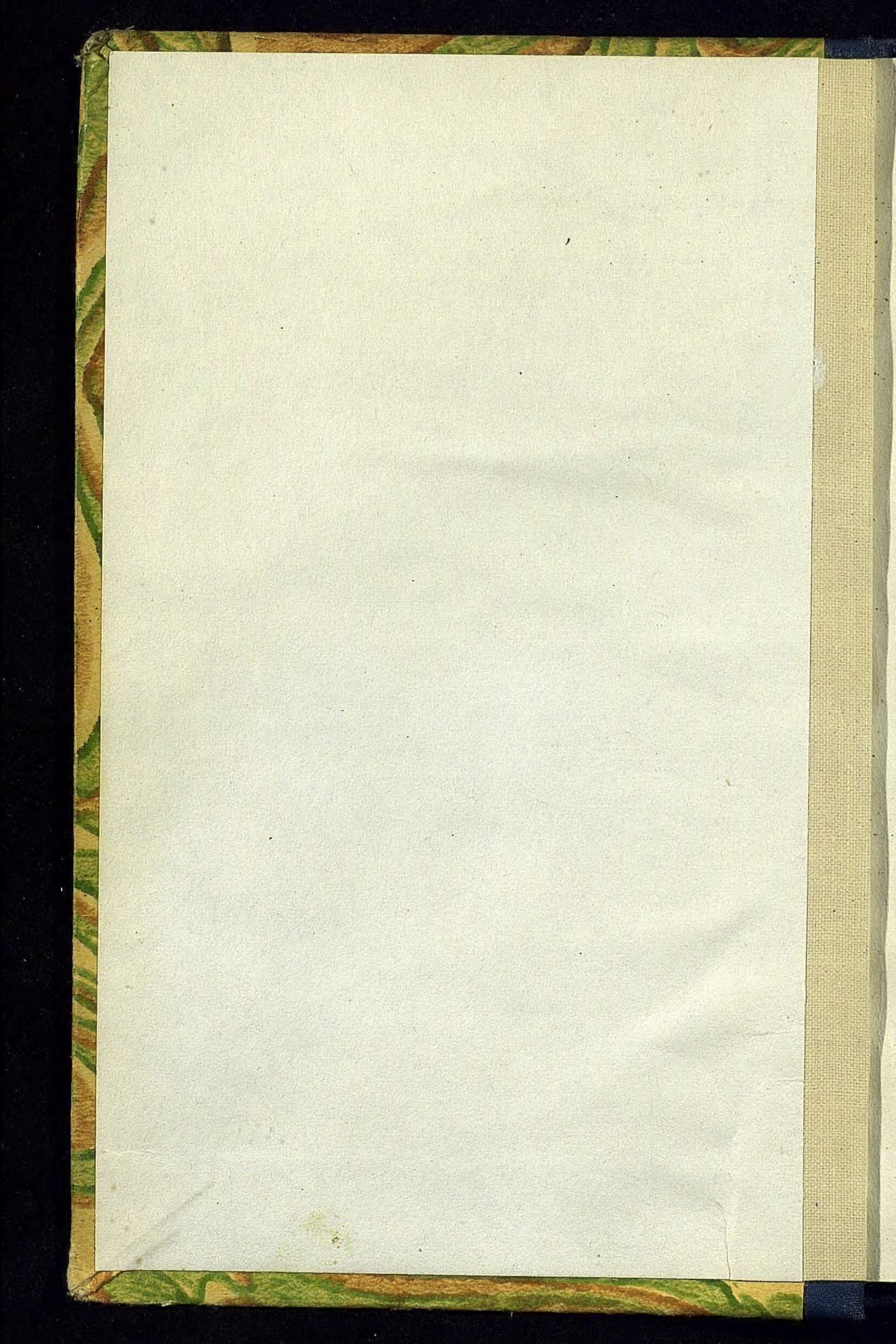
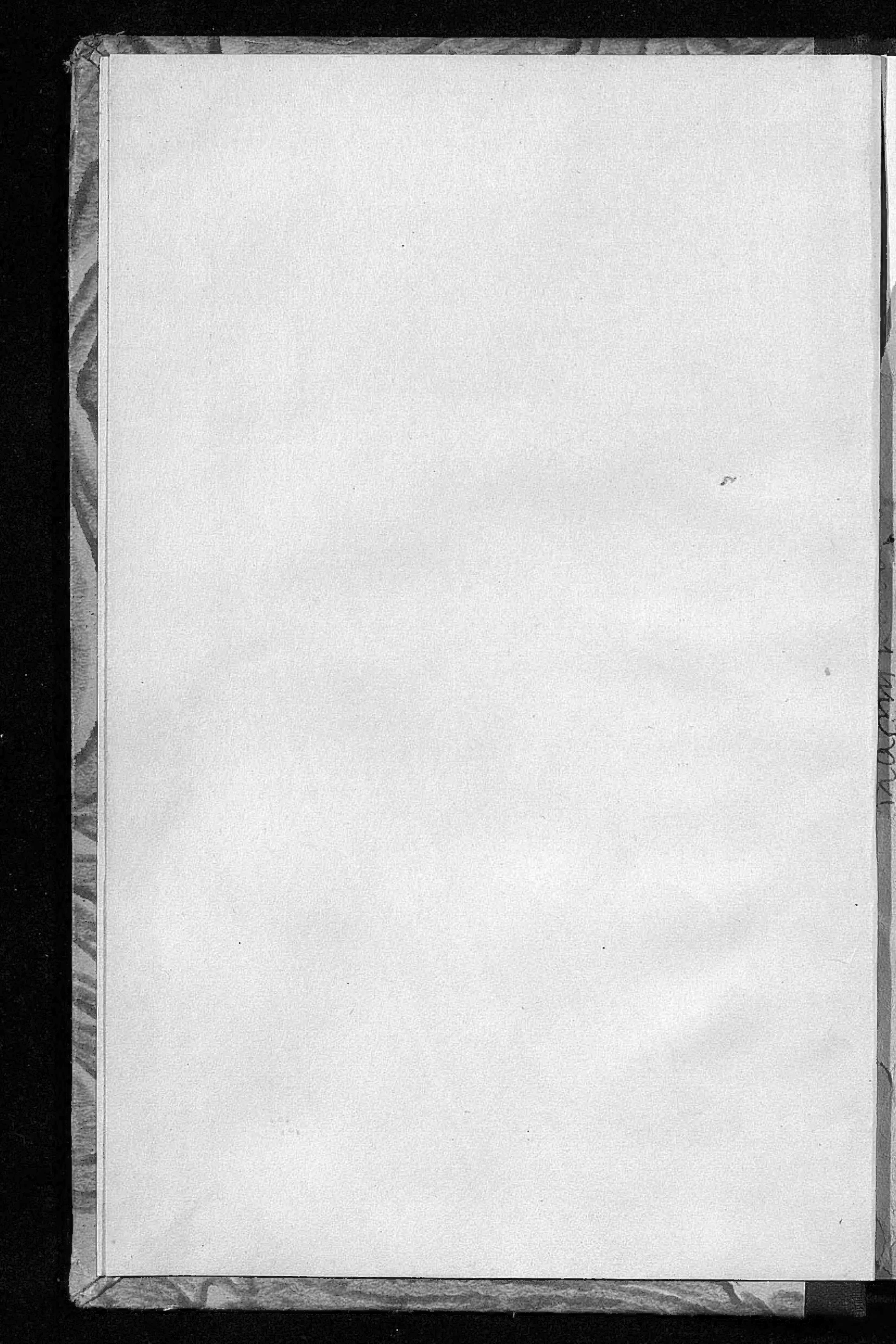
Флеер М.
Рабочее движение в Росси

М. Г. ФЛЕЕР

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ В ГОДЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

«ПРИБОЙ» — ЛЕНИНГРАД

М. Г. ФЛЕЕР

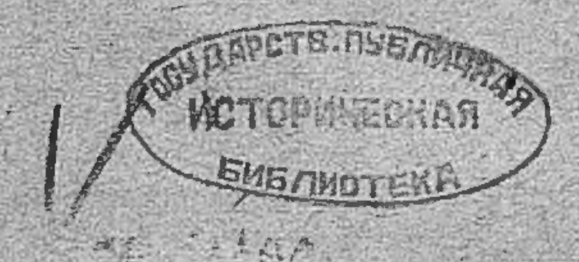
РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

В ГОДЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ»
ЛЕНИНГРАД

1926

Ленинградский Гублит № 15.336. Тираж 4.120 экз.— 8 л. Заказ № 1075.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Истории рабочего движения в годы войны до сих пор уделялось сравнительно мало внимания. Из работ исследовательского характера можно указать только недавно вышедший труд Б. Граве («К истории классовой борьбы в России. В годы империалистической войны». Гиз. 1926 г. VIII + 414 стр.; при цитатах указывается фамилия автора), являющийся, по справедливому замечанию самого автора, одной из первых попыток систематизации материала, и подобную же двухтомную работу Ив. Меницкого («Революционное движение военных годов 1914 — 1917». Том I. Первый год войны. Москва. VIII + 444 + IV стр. Том II. Конец 1915 года. Москва. 315 + III стр. Издание Комм. Академии. 1924—1925 г.г.; при цитатах указывается фамилия автора).

Немного сделано и в области издания источников по истории рабочего движения военной эпохи. Здесь можно назвать только следующие издания: сборник военных прокламаций РСДРП — издание, к сожалению, остановившееся на первом выпуске («Памятники агитационной литературы РСДРП». Том VI (1914—1917). Период войны. Вып. I. Прокламации 1914 г. Гиз. 1923 г. XXIV + 346 стр.; при цитатах — «Памятники»), сборник архивных материалов Центрархива («Материалы по истории рабочего движения в России» под общей редакцией А. Лозовского. Рабочее движение в годы войны. Подготовил к печати М. Г. Флеер. Москва. Издание «Вопросы Труда». 1925 г. 364 стр.; при цитатах — «Сборник Центрархива»), и, наконец, хрестоматия Центрального Истпарта («Революция и РКП [б] в материалах и документах». Том VII. Эпоха империалистической войны [июль 1914 — февраль 1917 г.г.] Гиз. 1924 г. VII + 350 стр.).

Сравнительно мало появилось и воспоминаний активных деятелей рабочего движения эпохи войны. Особенно цен-

ными среди этих воспоминаний являются книги А. Шляпникова, снабженные к тому же большим количеством материала («Канун семнадцатого года. Воспоминания и документы о рабочем движении и революционном подполье за 1914 — 1916 г.г.» Часть I. Издание 2-ое. Гиз. 1923 г. 300 стр.; часть II. Издание 3-ье. Гиз. 1923 г. 180 страниц; того же автора «Семнадцатый год». Книга 1. Январь, февраль и три дня марта. Гиз. 1923 г., 348 стр.; при цитатах указывается фамилия автора и название книги). Воспоминания других участников рабочего движения (ссылки на них имеются в тексте работы) дают также чрезвычайно значительный, непосредственно вводящий в курс событий, материал, но, к сожалению, таких воспоминаний вышло пока крайне мало.

Таков почти исчерпывающий список важнейших работ по истории рабочего движения в годы войны.

Предлагаемый очерк, не претендуя уже по самому своему размеру на исследование всех многогранных сторон рабочего движения в бурный предреволюционный период, стремится обрисовать основные явления героической борьбы пролетариата в условиях каторжного военного режима, — идейное и организационное формирование пролетариата (глава первая), правовое и экономическое его положение (главы вторая и третья) и, наконец, массовое движение пролетариата в годы войны, приведшее его к победоносной революции (глава четвертая). Если в указанных здесь рамках автору удалось познакомить массового читателя с важнейшими сторонами рабочего движения в годы войны, — его задача пополнить существующую литературу популярным, основанным однако на изучении первоисточников, очерком могла бы считаться исполненной.

Тем же целям ввести читателя в непосредственный круг идей и вопросов, волновавших пролетариат в годы войны, ввести читателя в самую атмосферу минувшей эпохи борьбы служат приложения — серия важнейших прокламаций большевистских организаций Петрограда, Москвы и провинции.

М. Флеер.

Ленинград.
2 апреля 1926 года.

I.

Начавшийся в 1912 г., после длительной полосы злейшей реакции, новый подъем рабочего движения к июлю 1914 г. достиг наивысшего напряжения.

В этот месяц стачечное движение выразилось в следующих цифрах[1].

	Число забастовок.	Число участников.	Общая продолжительность забастовок в рабочих днях.
Экономические забастовки .	364	105.700	1.484.384
Политические забастовки . .	587	226.587	640.218
Всего . . .	951	332.287	2.124.602

Июльское 1914 года движение, таким образом, приближается к октябрьскому движению 1905 года, давшему 481.364 участника стачек.

Сравнивая июльское движение с 1905 годом, большевистская «Трудовая Правда» (№ 33, от 5 июля 1914 г.) писала: «Каковы будут результаты борьбы, теперь предсказать трудно. Но даже и в худшем случае стачки сделают свое дело: они опять сплотят разрозненных пролетариев

[1] Цифровые сведения о забастовочном движении взяты из материалов фабричной инспекции.

в одну боевую семью — в армию труда. Пусть даже первый приступ будет отбит, но такая героическая борьба не проходит даром. Она сплачивает разрозненные силы рабочих и этим придает им могучую силу для новой борьбы. Стачки этого года показывают, что период спячки и апатии миновал уже бесповоротно».

Как и в 1905 году, июльское 1914 года движение носило очень бурный характер, сопровождалось вооруженными столкновениями рабочих с полицией, баррикадами, и непосредственный переход забастовок к вооруженному восстанию был естественен и неизбежен. Движение достигло наивысшего напряжения, удар, занесенный над самодержавием, должен был привести к решительному концу. 19 июля 1914 года была объявлена всеобщая мобилизация, и удар этот был о т с р о ч е н, именно был отсрочен, потому что та сила, которая должна была нанести его, не могла ни распылиться, ни исчезнуть.

Рабочий класс России в июле 1914 г. вплотную подошел к открытой борьбе с самодержавием. Против самодержавной власти стояли организованные, спаянные единой волей к победе, учитывающие положение врага и сознающие свои интересы, боевые кадры пролетариата. И организованность, и ненависть к врагу, и точное осознание своих интересов — все это, оформленное и отточенное всей прошлой борьбой, объективно существовало в рабочем классе и ни при каких условиях, повторяем, исчезнуть не могло. Только близоруким представителям самодержавной власти, подобно, например, морскому министру Григоровичу, могло казаться, что почти полное падение стачечного движения с указанной выше высоты в первые месяцы войны — знаменует желательное для них «отрезвление рабочего контингента», «здоровое и бодрое» отношение его к войне [1]. Ничего подобного, конечно, не было. Рабочий класс до конца остался верен себе. И в его молчании люди из лагеря Григоровича очень скоро перестали видеть «здоровое и бодрое» отношение пролетариата к войне, а распознали в нем затишье перед новой грозной бурей — собирание и организацию сил, создание боевых кадров будущей рабочей армии [2].

---

[1] Письмо Григоровича от 28 апреля 1915 г. см. в Сборнике Центрархива, стр. 11.

[2] См. письмо Хвостова от 2 ноября 1915 г. в Сборнике Центрархива, стр. 12.

К тому же и «молчание» это было далеко не абсолютным. Объявление войны рабочий класс Петрограда встретил демонстрациями против войны [1], и затем самое молчание рабочего класса в атмосфере воинствующего шовинизма, пользующегося всяческим случаем шумно продемонстрировать свое воинственное настроение, свою поддержку ведущему войну самодержавному правительству, самое молчание это в такой обстановке было ярким протестом против войны [2].

Война не могла, конечно, разрушить, а тем более уничтожить неудержимую тягу, неудержимое стремление рабочего, привыкшего жить и бороться в коллективе, к организации, могла только обострить волю к борьбе за свои интересы. Но под влиянием войны разрушились внешние организационные связи, что и отразилось на временном затишье в рабочем движении. И до войны правительственная борьба с рабочим движением в основном имела целью разрушить, разложить революционные рабочие организации. Война колоссально усилила эту разрушительную силу. Из хорошо спаянной цепи мобилизация, репрессии, эвакуации вырвали самые нужные звенья; военные кордоны, окопы, разделившие страны, оккупации воздвигли стены между руководящими органами рабочих организаций и периферией.

Разрушение организационных связей, произведенное войной, чувствовалось везде и всюду, в большей или меньшей степени на протяжении всей войны. С особой силой создала война отрыв России от руководящего штаба рабочего движения за границей. «Самое больное место теперь, — писал В. И. Ленин в сентябре 1916 г. А. Г. Шляпникову [3], отправлявшемуся в Россию, — слабость связи между нами и руководящими рабочими в России. Никакой переписки!! Никого, кроме Джемса [4], а теперь и его нет!! Так нельзя. Ни издания листовок, ни транспорта, ни спевки насчет про-

---

[1] См. «Социал-Демократ» от 12 декабря 1914 г., № 35.

[2] А. Г. Шляпников, работавший в первые месяцы войны на заводе Эриксон, в своих воспоминаниях («Канун 17 года», ч. I, стр. 38) пишет: «По мере развития военных действий, усиливалась и работа патриотов. Шовинизм буржуазии и ее газетных лакеев доходил до неистовства и погромов. Черносотенные громилы добавляли к немцу еще и „жида“, и националистическая вражда прививалась систематически. Не поддавались этому лишь рабочие круги. Это я наблюдал не только на Выборгской стороне, но и в других районах».

[3] Ленинский Сборник, т. II, стр. 279.

[4] А. И. Елизарова, арестованная в то время в Петрограде.

кламаций, ни посылки их проектов и проч. и проч., нельзя поставить без правильной конспиративной переписки. В этом гвоздь!». И, давая инструкции А. Г. Шляпникову, В. И. Ленин пишет далее:

«Числом связей в каждом городе измеряется успех поездки!!

«Две-три связи минимум в каждом городе с руководящими рабочими, т. е. чтобы они писали сами, сами овладели конспиративной перепиской (не боги горшки обжигают), сами приготовили для себя каждый по 1—2 „наследника“ на случай провала. Не доверять этого интеллигенции одной. Не доверять. Это смогут и должны делать руководящие рабочие. Без этого нельзя установить преемственность и цельность работы, а это главное» [1].

Война разрушила, впрочем, не только организационные связи между центральными органами партии за границей и рабочими массами России, но на первых порах затруднила общение партийных организаций и деятелей за рубежом. В. И. Ленин, рассказывая о том, как сложилась фомулировка взглядов партии на войну, выразившихся в манифесте «Война и Российская социал-демократия», говорит, что при общении с отдельными группами партии приходилось преодолевать «громадные трудности восстановления организационных связей, прерванных войной». «Только в половине октября удалось восстановить связи и сформулировать точку зрения Центрального Комитета партии» [2].

Не лучше обстояло дело и внутри России, где связи были затруднены не только между отдельными городами, но даже в пределах города между отдельными организациями и работниками.

Такая оторванность пролетарских организаций друг от друга и от центральных органов партии не помешала им, руководимым верным классовым чутьем, найти правильный путь. Манифест Центрального Комитета партии отмечал:

---

[1] О том, как трудно было поддерживать связи с Россией из-за рубежа, доставлять в Россию выходившие за границей издания, свидетельствует рассказ А. Г. Шляпникова («Канун 17 года», ч. I, стр. 52). «Социал-Демократ» в Петербург доставлялся в выдолбленных каблуках и подошвах обуви, куда входило (в каждую пару) до 20 номеров. Позднее, осенью 1915 г., литература усилиями того же Шляпникова переправлялась с помощью шведских и финских социал-демократов, отнюдь не регулярно, через северную границу Финляндии.

[2] «Положение и задачи Социалистического Интернационала». Собр. сочин., т. XIII, стр. 15.

«И, несмотря на удесятеренный гнет царского правительства, товарищи-рабочие России уже издают первые нелегальные воззвания против войны, исполняя долг перед демократией и Интернационалом».

Эти листовки [1], изданные в первые дни войны не только в Петербурге и Москве, но и в Баку, Киеве, Костроме, Самаре, Смоленске, Харькове и ряде других городов, до того, как стала известной в России точка зрения на войну Центрального Комитета [2], быть-может, в недостаточно развитой еще форме ее предвосхитили.

Местные комитеты в России, выступив с лозунгом «Долой войну!», вместе с тем отчетливо выдвинули и тот основной «единственно правильный пролетарский лозунг», который всесторонне был развит в манифесте Центрального Комитета, — «превращение современной империалистской войны в гражданскую войну» — в войну против царского самодержавия, помещиков и капиталистов.

Отсутствие колебаний в этом направлении, четкая, полностью отражающая интересы пролетариата линия, взятая в вопросе о войне партийными организациями большевиков, способствовали укреплению их влияния в рабочей среде. Партия в невыносимо тяжелых военных условиях работала в самой гуще рабочего класса, создавая в нем стройную, сильную организацию, черпая непосредственно из среды рабочего класса свои активные силы. После ареста думской фракции большевиков В. И. Ленин писал: «Работа нашей партии теперь стала во 100 раз труднее. И все же мы ее поведем! „Правда“ воспитала тысячи сознательных рабочих, из которых, вопреки всем трудностям, подберется снова коллектив руководителей — русский ЦК партии» [3].

Эти ожидания оправдались в полной мере. Позднее, при первых известиях о возрождении рабочего движения в России, В. И. Ленин радостно отметил: «Ясно, что передо-

---

[1] См. приложения.

[2] Тезисы В. И. Ленина были получены в Петрограде, по словам А. Г. Шляпникова («Канун 17-го года», ч. I, стр. 37), в августе 1914 года в Москву привезла их Мария Ильинична Ульянова в октябре 1914 года. Манифест «Война и Российская социал-демократия» впервые появился в № 33 «Социал-Демократа», вышедшем в ноябре 1914 г. Манифест см. в Собрании сочинений В. И. Ленина, т. XIII, стр. 5—12, тезисы — «Памятники», стр. 4—6.

[3] Из письма к А. Г. Шляпникову от 28 ноября 1914 г. Ленинский Сборник, т. II, стр. 211.

вой слой правдистов-рабочих, эта опора нашей партии, уцелел, несмотря на страшные опустошения в его рядах» [1].

И, действительно, удары на партийные рабочие организации сыпались беспощадные со стороны всех охранительных властей самодержавия. В одном только Петрограде, начиная с конца декабря 1915 г. и кончая ноябрем 1916 г., было произведено восемь массовых разгромов центральных организаций партии, сопровождавшихся арестами 104 человек.

Эти правительственные (департамента полиции) подсчеты касаются только «наиболее серьезных ликвидаций», помимо которых, по словам охранного отделения, «производились частичные, время от времени повторявшиеся, ликвидации более ограниченных размеров, имевшие своим назначением изъятие отдельных активных партийных работников». И все же, несмотря на эти периодические, казалось, окончательные разгромы, деятельность партии в Петрограде захватывала все более и более широкие слои пролетариата. Подводя итоги одному из очень значительных разгромов партии, произведенному в феврале 1916 г., и отмечая, что после этой «ликвидации» «работа подполья сразу упала», охранное отделение констатирует (отношение департаменту полиции от 12 июля 1916 г., № 205), что с течением времени, «как и после прежних ликвидаций», «работа подполья снова ожила». «Среди большевиков, — повествует охранка, — особенно сильно разбитых ликвидацией, снова образовался руководящий коллектив, именующийся „Петербургским Комитетом РСДРП“, и при усилиях последнего, несмотря на ряд последовавших частичных ликвидаций, работа большевиков все продолжала расти и шириться. Следствием напряженной работы Петербургского Комитета явилось возрождение районных комитетов и прочная связь с заводами, руководительство стачечным движением, возбудителями же к последнему были — выпуск ряда подпольных листовок и частые массовки на открытом воздухе, чему сильно способствует летний период года».

В другом своем докладе (от 2 августа 1916 года) охранное отделение снова и еще более решительно отмечает усиление влияния и рост большевистской организации того же времени, являющейся «весьма серьезной и опасной для обще-

[1] Из письма к А. Г. Шляпникову от 23 августа 1915 г. Ленинский Сборник, т. II, стр. 240.

ственного спокойствия и государственного порядка». Желая ликвидировать эту деятельность, охранка в ночь с 20 на 21 июля 1916 г. обыскала 120 человек, причастных к деятельности Петербургского Комитета. «Результаты ликвидации,— радуется охранное отделение, — оказались отвечающими намеченной задаче, и в число арестованных попали почти целиком: весь руководящий коллектив с исполнительной комиссией, бюро Центрального Комитета РСДРП и все наиболее активные и видные большевистские деятели столицы. Благодаря изложенному, работа подполья оборвалась, связи оказались потерянными, и для налаживания разрушенного социал-демократам большевикам придется приложить весьма большие усилия при полном отсутствии пригодных к работе сил».

Радость охранного отделения была однако преждевременной. Спустя два месяца, в октябрьском движении то же охранное отделение принуждено было отметить руководящую роль так недавно, казалось охранке, окончательно разгромленного Петербургского Комитета. И после каждого очередного разгрома кратковременная радость охранки сменялась тревогой перед все возрастающим влиянием партийных организаций, неизменно показывающих «правительственным властям свою живучесть» (отношение охранного отделения от 2 января 1917 г., за № 3057) [1].

Партийная организация в Петербурге, бывшая, по несомненно справедливому определению А. Г. Шляпникова, «фактически руководящим органом и для провинции» [2], неуклонно растет.

Объективный показатель ее роста — рост партийной техники. Если подытожить деятельность большевистских организаций в Петрограде в этом направлении, то получим следующую таблицу выпущенных в годы войны листовок [3].

---

[1] Приведенные здесь выдержки из докладов охранного отделения см. в деле деп. полиции, ос. отд. № 5, ч. 57—1916 г.

[2] «Канун 17 года», ч. I, стр. 137.

[3] Таблица составлена на основании следующих, несомненно не дающих исчерпывающую регистрацию всех выпущенных изданий, источников: «Памятники»; А. Шляпников. «Канун 17 года». Части 1 и 2; Юр. Новин. «О прокламациях петербургских большевиков и междурайонцев 1914 — 1917», «Кр. Летопись» № 2 (11), стр. 158 — 162; перечень прокламаций, помещенный в «Сборнике Социал-Демократа» 1916 г. № 2 и перепечатанный в хрестоматии «Революция и РКП (б),» т. VII, стр. 247 — 248.

	1914 (июль-дек.)	1915	1916	1917 (янв. фев.)	Всего.
Петербургский Комитет . . .	6	15	29	6	56
Бюро ЦК.	—	—	—	2	2
Районные, заводские и профессиональные партийные комитеты	—	8	5	—	13
Объединенный комитет с.-д. фракций высших учебных заведений Петрограда . .	2	2	1	—	5
Всего .	8	25	35	8	76

Таблица дает наглядное представление о росте и укреплении партийной организации, о проникновении ее в самую толщу рабочей массы. Действительно, если взять одни только издания Петербургского Комитета, то мы увидим, что в 1914 г. на месяц в среднем приходилось 1 издание, в 1915 г. — 1,25, в 1916 г. — 2,41 и, наконец, в 1917 г. — 3. Помимо увеличения числа изданий, увеличился и самый объем их. Так, в 1915 г. организация сумела выпустить только один номер периодического издания «Пролетарский Голос», тогда как в 1916 г. вышли три номера его в значительно увеличенном размере. В 1916 г., кроме того, Петербургский Комитет начал печатание брошюр, выпустив брошюру А. Коллонтай: «Кому нужна война?» в двух изданиях — печатном и гектографированном.

К концу 1916 г. улучшилась, наконец, значительно и техника.

За один только месяц с середины октября по середину ноября 1916 г. Петербургский Комитет выпустил следующие прокламации (таблицу см. на стр. 13)[1].

Тот же неуклонный рост партийных организаций происходил и в Москве, где работа была крайне затруднена благодаря особенно развитой московской охранкой провокации. И все же, несмотря на следующие один за другим провалы, организация растет.

[1] См. «Пролетарский Голос» № 4 — «Красн. Летопись» № 1 (10), стр. 165.

	Колич. экз.
1) О продовольственном кризисе	4.000
2) О стачках	4.000
3) О суде над матросами	2.500
4) О локаутах	1.500
5) По поводу годовщины ареста большевиков-депутатов	7.500
6) О Государственной Думе	8.000
Итого	27.500

Начальник московского охранного отделения, определяя настроение партийных и рабочих кругов в Москве в первые месяцы войны как состояние относительного затишья, заявляет, что «с конца 1914 г. в с.-д. „большевистской“ среде стало замечаться стремление к организованности и сплочению разрозненных пролетарских масс»[1]. Та же докладная записка говорит, что к весне создались тесные связи между московскими большевиками и «временно видимо выполнявшим функции ЦК» Петербургским Комитетом, делегировавшим в Москву и другие города своих представителей (Вера Степ. Арнольд, Вячеслав Мих. Скрябин-Молотов), имевших «поручение воссоздать партийные организации в ряде других городов, связав их как между собою, так и с Петроградом».

Приезд Арнольд «несколько расшевелил с.-д. деятелей»; приехавшему же затем Скрябину-Молотову, при содействии местных партийных деятелей, удалось сорганизовать в различных районах Москвы несколько самостоятельных с.-д. большевистских групп. «К этому же времени относится и получение в Москве ряда листовок издания „Петрогр. Комитета РСДРП“, частью получивших распространение и влиявших в сторону сорганизованности масс».

[1] Меницкий, т. II, стр. 250—256.

«Связавшись друг с другом, — говорит Меницкий [1], — эти группы [2] поставили вопрос о создании одного руководящего центра и решили в этих целях созвать конференцию этих групп, а также и других, поскольку это представится возможным».

Конференцию предполагалось созвать 7 июня 1915 г., все подготовительные работы были сделаны, но накануне, 6 июня, охранка арестовала главных деятелей во главе с Молотовым, и организационная работа по созданию руководящего центра была временно задержана. Однако, тогда же новое оживление деятельности большевистских организаций Москвы было вызвано возникновением «Тверской группы РСДРП» — так назвалась группа латышей-большевиков. Тверская группа проявила очень активную деятельность; в состав ее входило, в последнее перед ликвидацией время (сент. 1915 г.), до 100 чел.; она завязала связи с Харьковом, Самарой, Иваново-Вознесенском, оборудовала подпольную типографию и выпустила три листовки по 10.000 экземпляров каждая.

«Деятельность этой латышской (Тверск. группы РСДРП) группы в значительной степени способствовала оживлению деятельности и других московских марксистских групп, временно, после произведенной ликвидации, почти бездействовавших, почему опять возник вопрос об объединении, а в связи с этим о созыве общегородской конференции для избрания московского с.-д. Комитета» [3].

И хотя, благодаря провалам, конференция никак не могла собраться и сколько-нибудь прочный единый центр в Москве не создался, деятельность отдельных групп все развивалась.

К лету 1916 г. «рабочие все больше и больше из своих рядов выдвигают новых и новых людей, которых необходимо было объединить в партийные группы» (воспоминания Т. Сапронова). «Еженедельно, а иногда в неделю два раза, происходят совещания отдельных работников и групп. На-

---

[1] Том I, стр. 236.

[2] Группы, руководимые Скрябиным («организованная группа с.-д.»), Альперовичем («организационная комиссия», затем также «Центральная руководящая группа»), Егоровым («Центральная руководящая группа»), Борисовым («марксистский кружок» в Симоновском районе), Цивцивадзе (особый с.-д. кружок) и др.

[3] Из доклада Мартынова (начальника московского охранного отделения), Меницкий, т. II, стр. 255.

ступившая весна содействует рабочим организациям, которые выносят свою деятельность из рабочих каморок на простор в подмосковные леса». В 1917 г. «охранка уже не успевает справляться со все нарастающим рабочим движением. Московский Комитет, вопреки ее желанию, существует, и даже начинает восстанавливаться областная связь»[1].

Работа в провинции также заметно оживляется. «Замечается повсеместное оживление деятельности в с.-д. кругах,—говорит цитированный выше доклад Мартынова,— выражающееся в восстановлении старых и создании новых партийных организаций и выпуске листовок». По сведениям охранного отделения, в сентябре 1915 г. состоялась общегородская конференция в Твери, вынесшая ряд резолюций, тогда же в сентябре, по почину Петербургского Комитета, был поставлен на очередь вопрос о созыве общерусской с.-д. конференции большевистских групп.

Самая постановка этого вопроса в порядок ближайшей деятельности свидетельствует о несомненном упрочении местных организаций и об объединении их. К ноябрю 1916 г. Петербургскому Комитету удалось завязать регулярные сношения с Москвой, Нижним-Новгородом, Киевом, Тулой, Воронежем, Донецким бассейном и некоторыми заводами Урала и Сибири[2].

Итак, несмотря на всяческие «ликвидации», партийные организации не только не исчезали, а неуклонно развивались и росли. На этот рост и развитие партии, прежде всего, оказала влияние война, явившаяся «могучим ускорителем», по выражению В. И. Ленина, революционного процесса. Правильная линия, вполне отражающая настроения и интересы рабочего класса, взятая партией по отношению к войне, объединяла под ее знаменем все действенные силы пролетариата. Отсюда из рабочих рядов и являлись на смену арестованным и высланным все новые и новые деятели партии, и само собой разумеется, что никакими усилиями охранки нельзя было остановить этого притока свежих сил.

Под знамена партии, сказали мы, собирались все действенные силы пролетариата, именно, подчеркиваем, действенные силы, и в этом сказалась другая сторона влияния войны, как «могучего ускорителя» революционного процесса.

---

[1] Т. Сапронов. «Из истории рабочего движения» Гиз. 1925 г., стр. 112, 122.

[2] Шляпников. «Канун 17 года», ч. I, стр. 279.

Война, в полной мере выявив истинные стремления и цели всех классов, и отколов от пролетариата оппортунистические слои, способствовала созданию единства в среде рабочего класса.

«Единство пролетариата, — писал В. И. Ленин [1], — есть величайшее оружие его в борьбе за социалистическую революцию. Из этой бесспорной истины столь же бесспорно вытекает, что, когда к пролетарской партии примыкают в значительном числе мелкобуржуазные элементы, способные мешать борьбе за социалистическую революцию, единство с такими элементами вредно и губительно для дела пролетариата».

Эти чуждые, мелкобуржуазные, оппортунистические элементы, накопившиеся в десятилетия мирной эпохи внутри социалистических партий, «в мирное время ведут свою буржуазную работу тайком, ютясь внутри рабочих партий, а в эпохи кризиса сразу оказываются открытыми союзниками всей объединенной буржуазии, от консервативной до самой радикальной и демократической, от свободомыслящей до религиозной и клерикальной».

«Единство пролетарской борьбы, — определяет В. И. Ленин задачи партии в той же статье, — за социалистическую революцию требует теперь, после 1914 г., безусловного отделения рабочих партий от партий оппортунистов».

Война способствовала такому отделению. Вместо старых делений и группировок, на первый план выдвигается группировка по основному вопросу, поставленному войной, а именно: деление на «интернационалистов» и «социал-патриотов» [2].

Особенно резкая грань между этими группами обнаружилась по вопросу об участии рабочих совместно с буржуазией в работах на так называемую оборону. После разгрома — из-за недостатка снарядов — летом 1915 г. русской армии, промышленная буржуазия в России берет в свои руки военное снабжение. К этому именно времени относится организация военно-промышленных комитетов (учреждены 27 августа 1915 г.), обслуживающих военное ведомство объединений промышленников, во главе с центральным органом — Центральным военно-промышленным комитетом. Тогда же, в августе 1915 г., создалось и политическое пред-

---

[1] «Что же дальше?» Собр. сочинений, т. XIII, стр. 31 и след.
[2] См. Собр. сочинений В. И. Ленина, т. XIII, стр. 65.

ставительство объединений промышленной буржуазии в лице так называемого прогрессивного блока в Государственной Думе. В состав блока вошли думские партии от националистов до кадет включительно. Вне блока остались представители мелкой буржуазии—думские меньшевики и трудовики, относившиеся, впрочем, к образованию блока сочувственно. Сам блок, повидимому, считал возможным вхождение их в свой состав. О подготовительных шагах к такому «расширению блока налево» не без основания, очевидно, говорит лидер блока националист В. В. Шульгин [1], правильно оценивающий позднейшее, после Февральской революции, вхождение меньшевиков и трудовиков во Временный Комитет Государственной Думы как такое «расширение блока налево».

Организация прогрессивного блока являлась несомненно первым этапом к захвату власти буржуазией. В этом захвате власти не было, конечно, места для каких-нибудь посягательств на царскую монархию. Дело сводилось к созданию буржуазного министерства, по определению первого пункта программы прогрессивного блока, «объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны и согласившихся с законодательными учреждениями относительно выполнения в ближайший срок определенной программы». Относительно программы блока, не разбирая ее по существу, можно сказать словами листовки Петербургского Комитета: «Либералы и либеральные рабочие политики, когда у них не хватает пороху, охотно рядятся перед народом в решительных борцов за народное дело» [2].

Для успешного ведения войны и развития военной промышленности буржуазии нужно было во что бы то ни стало сохранить гражданский мир в стране, нужно было сохранить единый фронт с рабочим классом, буржуазии нужна была, по выражению М. Н. Покровского, «смычка с рабочими». Проявление такой «смычки» мы находим в стремлениях буржуазии привлечь рабочих к участию в военно-промышленных комитетах, в провоцировании в рабочей среде выступлений «для поддержки Государственной Думы», вернее — для поддержки прогрессивного блока в его борьбе за власть.

Позднее (в январе 1917 г.), после ареста рабочей группы, сами промышленники — Центральный военно-промышлен-

---

[1] «Дни». Изд. «Прибоя» 1925 г., стр. 110.
[2] «Пролетарская Революция», 1923 г., № 1, стр. 271—273.

ный комитет в разъяснении от 31 января 1917 г. по поводу правительственного сообщения заявлял [1], что он «чрезвычайно дорожил участием в нем рабочих элементов страны», ибо «полная политическая обособленность рабочих и принципиальное их отчуждение от всяких общений с так называемыми буржуазными элементами представляет, несомненно, серьезную опасность для нормального политического развития страны, для поддержания в ней внутреннего спокойствия, столь необходимого для борьбы с внешним врагом».

Вокруг участия рабочих в военно-промышленных комитетах, поддержки с их стороны Гос. Думы и разгорелась та борьба, которая в итоге, отколов от пролетариата мелкобуржуазные, мешающие развитию революционного процесса, элементы, создала единство пролетарских сил.

Взгляд большевиков на участие рабочих в военно-промышленных комитетах был кратко формулирован В. И. Лениным [2]:

«Мы — против участия в военно-промышленных комитетах, помогающих вести империалистскую, реакционную войну. Мы — за использование выборной кампании, например за участие на первой стадии выборов, т о л ь к о в агитационных и организационных целях».

К моменту выборной кампании в рабочую группу военно-промышленного комитета партийная организация большевиков в Петрограде уже достаточно окрепла для того, чтобы развить энергичную агитацию против вхождения рабочих в комитеты, и, несмотря на то, что работать приходилось в нелегальных условиях, организации удалось одержать полную победу над оборонческими кругами, использовавшими все возможности широкой легальной агитации.

Выборная кампания имела исключительно большое значение. «Эта кампания, — справедливо оценивает значение выборов А. Г. Шляпников [3], — впервые за время войны открыто и легально ставила перед рабочими вопросы внутренней и международной политики царизма. И рабочие не преминули широко использовать открывшуюся возможность. Партийные организации стремились всеми способами

---

[1] Разъяснение Центрального военно-промышленного комитета напечатано у А. Г. Шляпникова «17-ый год», стр. 280—283.

[2] «Несколько тезисов». Собрание сочинений, т. XIII, стр. 207.

[3] «Канун 17-го года», ч. 1, стр. 103.

продлить избирательную кампанию. На заводах устраивались собрания, на которых происходила встреча двух мировоззрений: революционного интернационализма, знавшего одно только отечество рабочего класса — социалистический строй, и другого — примиренческого оборончества, находившего „отечество" рабочих даже в условиях царизма».

И еще задолго до дня выборов (27 сентября 1915 г.) рабочий класс Петрограда, руководимый Петербургским Комитетом, сказал свое слово на ряде крупнейших заводов, приняв наказ Петербургского Комитета, категорически отвергавший участие в выборах и выставлявший ряд революционных требований. Собрание уполномоченных 27 сент. только подытожило эти настроения рабочих масс Петрограда, отказавшись от участия в военно-промышленном комитете и приняв резолюцию, выработанную Петербургским Комитетом.

Эта резолюция резко и определенно развивает положения революционной социал-демократии. «Интернациональная, пролетарская классовая борьба, — говорится в ней, — против интернационального, империалистического истребления народов — таков социалистический завет настоящего часа. Главный враг каждого народа — в его собственной стране, враг русского народа, это — царское самодержавие, крепостники-помещики, империалистическая буржуазия... Лозунг: „Долой войну!" пролетариат должен осмыслить и углубить кличем: „Да здравствует социальная революция!"».

После провала выборов в Петрограде, такие же результаты дали попытки привлечения рабочих в военно-промышленные комитеты в Самаре, Нижнем-Новгороде и других городах.

«Перед нами ставится вопрос об участии в военно-промышленном комитете, — писал комитет Харьковской организации РСДРП в листовке от декабря 1915 года [1]. — Наши петербургские товарищи-рабочие в разрешении этого вопроса оказались на высоте своего призвания: они, выявив лицо истинно-революционного пролетариата, показали пример высокого служения международным принципам. Они громко заявили сознательному пролетариату всей России, что участие в этом „комитете", в этой помойной яме, где собрались представители капитала, будет изменой интернационалистическому знамени пролетариата».

---

[1] Дело деп. полиции 6 делопр., № 158—1916 г.

«Рабочие должны приложить все усилия, — продолжает Харьковский комитет, — к созданию и укреплению своих организаций, а не идти на поводу у своего правительства и буржуазии — этого злейшего врага пролетариата. Для рабочих важно, чтобы в каждый момент они могли быть готовыми поднять красное знамя революции, которая необходимо должна вспыхнуть. Теперь же, помня, что современный европейский пожар разгорелся в интересах буржуазии, а не пролетариата, помня свои лозунги: „Долой войну“ и прочее, рабочие должны громогласно заявить об отказе участвовать в каких бы то ни было учреждениях, способствующих войне, а следовательно и в военно-промышленном комитете».

Перед таким отпором со стороны рабочего класса буржуазия, однако, не остановилась и, при поддержке социал-шовинистов, допуская всяческие неправильности при выборах, суживая возможность обсуждения вопроса об участии в военно-промышленных комитетах на заводах при выборах выборщиков, создавала при военно-промышленных комитетах организации, которые по названию только могли считаться «рабочими группами». Такая группа, прежде всего, образовалась в Москве, где были мобилизованы все силы, чтобы достигнуть желательных для буржуазии результатов.

«Успех» в Москве окрылил надеждами буржуазию, и на 29-ое ноября 1915 г. Центральный военно-промышленный комитет, при поддержке группы ликвидаторов во главе с рабочим завода Эриксон, впоследствии министром труда последнего состава Временного Правительства К. А. Гвоздевым, назначил новые выборы. В какой обстановке происходили эти выборы, рассказывает А. Г. Шляпников [1]: «Охранное отделение старалось обеспечить „свободу“ гвоздевской компании. У некоторых товарищей были произведены обыски. Из выборщиков было изъято к этому времени не менее 5 человек».

На заседании 29 ноября рабочие-выборщики большевики огласили следующее заявление:

«Мы, рабочие-выборщики заводов и фабрик, считаем своим пролетарским долгом заявить следующее:

«1) Созванное сегодня вторично собрание выборщиков считаем попыткой фальсифицировать мнение петербургского пролетариата. Являясь результатом частных хлопот отдельной кучки рабочих, оно не в праве решать тот вопрос,

---

[1] «Канун 17-го года», ч. 1, стр. 111.

который однажды уже решен и одобрен рабочими массами на заводах.

«2) Петербургский пролетариат и по сей день сохраняет свою прежнюю позицию самого резкого осуждения мировой войны и ставит своей задачей в этот критический для буржуазного общества момент расчищение широкой дороги классовой борьбе пролетариата за его конечные цели.

«3) Петербургский пролетариат попрежнему считает невозможным входить в те организации буржуазии и дворянства, которые ставят своей целью спасение русской монархии на костях миллионов крестьян и рабочих, тем более, что Центральный военно-промышленный комитет в своих постановлениях обнаружил явное стремление сжать в кулак классовое движение пролетариата, дезорганизовать его и лишить его присущей ему солидарности.

«4) В виду того, что кучке самозванцев удалось все-таки сторговаться с буржуазией и созвать сегодняшнее собрание, мы заявляем, что считаем изменниками всех, способствовавших этой закулисной сделке, и поведем с ними упорную борьбу во всех слоях рабочих масс, где изменникам не должно быть места» [1].

После прочтения заявления большевики покинули собрание, и оставшиеся ликвидаторы организовали «рабочую группу» при Центральном военно-промышленном комитете.

«Буржуазная печать, замолчавшая результаты собрания 27 сентября, приветствует торжествующими возгласами совершившееся предательство, — писал Петербургский Комитет большевиков в листовке от 1 декабря 1915 г. — Она видит в нем победу шовинизма и старается оповестить весь мир о том, что отныне и российский пролетариат встал на защиту отечества и желает спасать романовскую монархию вместе с черносотенцами и либералами. Прибавляя к бесконечному ряду подлогов, ею совершенных, еще новый, российская либеральная пресса старается выдать самозванцев и авантюристов за действительных выразителей воли рабочего класса. В ответ на это пролетариат должен решительно заявить:

«Руки прочь! Красные знамена революционного социализма попрежнему широко развернуты и не дрогнули в мощных руках российского пролетариата. Как и в войну 1904 — 1905 г.г., он чужд шовинизма и выкрикам националистов

[1] Шляпников. «Канун 17-го года», ч. 1, стр. 112—113.

противопоставляет свой лозунг: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“» [1].

Листовка заканчивается лозунгом: «Да здравствует гражданская война!».

Оценивая итоги выборной кампании, В. И. Ленин писал [2]:

«Оказалось, что есть два, всего только два течения: одно — революционно-интернационалистское, действительно пролетарское, организованное нашей партией, оно было против обороны. Другое — «оборонческое» или социал-шовинистское, было блоком «нашедельцев» (т.-е. главного ядра ликвидаторов), плехановцев, народников и беспартийных, при чем весь этот блок поддерживала вся буржуазная печать и все черносотенцы в России, доказав тем буржуазную, а не пролетарскую сущность политики этого блока».

Вполне исчерпывающую оценку деятельности рабочей группы в военно-промышленном комитете дает сам Центральный военно-промышленный комитет в приведенном выше разъяснении. Протестуя против разгрома рабочей группы, наносящего «тяжелый удар делу национальной обороны», Центральный военно-промышленный комитет указывал, что «группа и отдельные члены ее оказывали комитету самое деятельное содействие по предупреждению стачечного движения в среде рабочих, занятых в предприятиях, работающих на оборону. При этом группа решительно высказывалась против всяких эксцессов, на которые подчас толкали рабочую массу некоторые элементы . . . Эта совместная деятельность группы и Центрального военно-промышленного комитета не только не носила революционного характера, но, напротив, имела целью создание условий для спокойной работы на оборону».

К этому перечню «заслуг» рабочей группы необходимо прибавить еще одну — агитацию среди рабочего класса в пользу поддержки Государственной Думы.

«Представителям группы, — говорит один из видных ее деятелей, Евг. Маевский [3], — приходилось при этом уси-

[1] Шляпников. «Канун 17-го года», ч. 1, стр. 135.

[2] Собрание сочинений, т. XIII, стр. 217.

[3] «Канун революции. Из истории рабочего движения накануне революции 1917 года. Деятельность рабочего представительства при Центральном военно-промышленном комитете (по материалам)». С предисловием Евг. Маевского. Петроград. Издание Петр. комитета с.-д. меньшевиков-оборонцев. 1918 г., стр. 5—6, 7.

ленно бороться против бойкотизма и индифферентизма по отношению к Думе и ее деятельности, поддерживаемых и раздуваемых в рабочей среде большевистской агитацией». «Сторонники группы, — продолжает Маевский, — убеждали рабочих в необходимости, во имя революции, координировать свои усилия с усилиями некоторых кругов прогрессивной буржуазии». Однако, как признается сам Маевский, эти попытки рабочей группы двинуть рабочих Петрограда на поддержку Думы «имели мало успеха».

В истории вопроса об отношении к Думе рабочих Петрограда необходимо отметить ноябрьские 1916 года и февральские 1917 года выступления. В ноябре 1916 года, в ответ на агитацию за поддержку Думы, все районы столицы обошла и была принята на многочисленных собраниях рабочих заводов и фабрик следующая резолюция, выработанная Петербургским Комитетом:

«Мы, рабочие ......, обсудив свое отношение к выступлению Государственной Думы, считаем необходимым заявить: с самого начала войны мы находим, что единственный правильный путь для того, чтобы ввергнутый в войну народ не погиб, состоит в борьбе за прекращение войны. Затяжной характер войны разоблачил тех, кому выгодно ее продолжение, — клике капиталистов и помещиков с их правительствами во главе. Поэтому борьба за прекращение войны требует от нас усилий, направленных к низвержению царского правительства. Политические партии заинтересованных в войне классов, в лице Государственной Думы, стремясь использовать движение народных масс против правительства с целью дележа с ним власти, бессильны принести народу облегчение, так как их заветное желание — продолжать войну до конца.

«Находясь под влиянием буржуазии, шовинистические группы рабочих, обращаясь с призывом к борьбе за создание „п р а в и т е л ь с т в а с п а с е н и я с т р а н ы“, вносят новую попытку ослабить движение революционного пролетариата. Господствующие классы готовы спасать страну от внешней опасности с тем, чтобы беспощадно давить восстающие к свободе массы народные внутри страны. Лозунг „спасения страны“, скрывая действительные намерения тех, кому он на руку, является новой ложью и оправданием этого кровопролития и всех его ужасов. Только переход власти от низверженного царского правительства в руки рабочих и крестьянской бедноты в лице В р е м е н н о г о Р е в о л ю-

ционного Правительства обеспечит через созыв Учредительного Собрания возможность осуществить политическую свободу и положить конец этой войне. Исходя из этого, мы выражаем готовность отдать свои силы на борьбу, к которой зовет нас РСДРП во имя провозглашенных ею лозунгов»[1].

Такое же отрицательное отношение к выступлениям на поддержку Думы обнаружил петроградский пролетариат в феврале 1917 года. К дню открытия Думы 14 февраля деятели рабочей группы, думские меньшевики и народники агитировали за устройство демонстраций, которые должны были помочь буржуазии в ее борьбе с царским правительством.

Однако, и на этот раз агитация за «использование Гос. Думы для массового революционного оказательства» (так Евг. Маевский скромно называет агитацию за поддержку Гос. Думы) не удалась гвоздевцам, и А. Г. Шляпников[2], проведший день 14 февраля на улицах, не заметил «массового движения» пролетариата к Думе, не увидел «массовой поддержки» ее, на которую рассчитывала буржуазия.

Так потерпела крах деятельность оппортунистов «во имя революции» и рабочие Петрограда, оставшись преданными революционному знамени, в те же февральские дни выступали и боролись под лозунгом: «Долой войну!».

Война — «могучий ускоритель» революционного процесса, отмечая все половинчатое, чуждое, мешающее пролетариату и его классовым интересам, создавала то единство пролетариата, которое обеспечивало ему победу в борьбе за социалистическую революцию. Росли и крепли боевые пролетарские организации.

Война, разоблачив истинные стремления всех классов общества, поставив пролетариат в тягчайшие правовые и экономические условия, и в этом отношении также оказала могучее влияние на ускорение революционного процесса.

Поскольку же создавалось единство в рядах пролетариата, поскольку спаялся он организационно, — тот, отсроченный войной, удар, который был занесен над сгнившей царской властью и который должен был еще в июле 1914 г. покончить с нею, наконец опустился и разрушил до основания старый строй.

---

[1] Шляпников. «Канун 17-го года», ч. II, стр. 14—15.
[2] «17-ый год», ч. I, стр. 56—57.

II.

Война отнюдь не сказалась отрицательным образом на правовом положении господствующих классов. Война, наоборот, выдвинула на первый план промышленную буржуазию, поддерживаемую военными кругами и союзниками, видевшими в ней, не без основания, оплот ожесточенной борьбы с Германией за общие для всех союзников империалистические интересы. Промышленная буржуазия, извлекавшая из военной промышленности бешеные прибыли во все время войны, играет первенствующее экономическое значение, несомненно усиливает свое политическое влияние. Война не обездолила и представителей реакционного торгового капитала, поставленного войной не в столь выгодные условия. Поддерживаемый царским правительством и сам поддерживающий его, торговый капитал имел полную возможность и в военных условиях с обычным успехом добиваться защиты своих прав и привилегий. И только рабочему классу война принесла не частичную, а полную урезку его общественных прав, и до того урезанных до последней степени.

Прежде всего, царское правительство позаботилось лишить рабочий класс его представительства в Государственной Думе, потому что эти **пять** большевистских депутатов представляли для него постоянную угрозу, потому что эти **пять** большевистских депутатов «блистали не краснобайством, не „вхожестью“ в буржуазные интеллигентские салоны, не деловой ловкостью „европейского“ адвоката и парламентария, а связями с рабочими массами, самоотверженной работой в этих массах, выполнением скромных, невидных, тяжелых, неблагодарных, особенно опасных функций нелегального пропагандиста и организатора. Подняться выше — к званию влиятельного в „обществе“ депутата или министра — таков **на деле** был смысл „европейского“

(читай: лакейского) „социалистического“ парламентаризма. Спуститься ниже, помочь просветить и объединить эксплуатируемых и угнетенных — вот какой лозунг выдвинут образами Муранова и Петровского»[1].

Думская большевистская «пятерка» — Г. Петровский, М. Муранов, А. Бадаев, Н. Шагов и Ф. Самойлов — была арестована 4 ноября 1914 года на совещании с партийными работниками. Расправа с рабочими депутатами подготовлялась правительством, конечно, давно. «Давно русское правительство, — говорит выпущенная в феврале 1915 г. к суду над депутатами листовка Петербургского Комитета[2], — точило зубы на рабочее представительство в Думе. Давно бы разделалось оно с ним, если бы за ним не стоял рабочий класс России, готовый защищать своих депутатов всеми средствами. Это и заставило царских опричников терпеть жестокие удары ненавистного им рабочего представительства, постоянно раскрывавшего его антинародную политику и разоблачавшего лживые обещания и темные дела правительства, опозорившего себя вековой борьбой с освободительными стремлениями русского народа... Только война и военное положение, железными тисками сжимающие пролетариат и демократию, дали правительству возможность совершить гнусную расправу над избранниками рабочих, самоотверженно стоящих настраже их святейших интересов»[3].

Осведомленное о деятельности депутатов, об октябрьских и ноябрьских совещаниях партийных деятелей с их участием, через втесавшихся на эти совещания провокаторов А. Романова и Шурканова, царское правительство спешило расправиться с «пятеркой», сделавшейся «в связи с разгромом партийных организаций на местах единым организационным центром активных партийных организаций и рабочего движения»[4]. 10 февраля 1915 года состоялся суд над депутатами и близкими к ним деятелями (Л. Б. Каменев, В. Н. Яковлев, Ф. Линде, Ив. Воронин и др.). Обвиненные

---

[1] В. И. Ленин. «Что доказал суд над РСДРфракцией?» Собр. сочинений, т. XIII, стр. 54.

[2] «История РКП(б) в документах». Ленгиз. 1926 г. Том I, стр. 672—673.

[3] Листовка большевистского «Объединенного Комитета РСД фракций высших учебных заведений Петрограда», выпущенная после ареста депутатов в начале ноября 1914 года. «Памятники агитационной литературы РСДРП.» Том VI, вып. I, стр. 110.

[4] Воспоминания А. Бадаева в «Красной Летописи» № 1/10; в том же № помещены материалы о «пятерке» Юр. Новина и А. Митревича.

в принадлежности к РСДРП(б) депутаты вместе с Каменевым, Яковлевым, Линде и Ворониным были приговорены к ссылке на поселение[1]. Царское правительство покончило с рабочим представительством в Думе, но вместе с тем арест депутатов, суд над ними имел огромное воспитательное значение, с корнем вырвал, поскольку они существовали еще в рабочей среде, всякие иллюзии о классовом единении, защите отечества. Благодаря процессу, рабочие «лучше поймут, — писал В. И. Ленин в вышеупомянутой статье, — свои задачи, задачи рабочей партии в отличие от ликвидаторов и социал-шовинистов». И, кроме того, в гнетущих условиях военного положения арест и суд над депутатами, впервые непосредственно поставив перед рабочим классом основные выдвинутые войной вопросы и ознакомив самые широкие круги пролетариата с точкой зрения на эти вопросы революционной, большевистской социал-демократии, явились первыми этапами объединения распыленных войной пролетарских сил, а все последующие во время войны «даты похищения царским правительством рабочего представительства»[2] (4 ноября — арест и 10 февраля — суд), находившие широкий отклик в пролетарских кругах, способствовали укреплению этого объединения.

Царское правительство, лишив пролетариат представительства в Думе, поспешило отменить для рабочего класса и другие законодательные нормы, обеспечивающие его право печати, собраний, союзов, борьбы за улучшение экономического положения, даже такие нормы, которые в суженном, урезанном до последней возможности виде принципиально все же допускались царскими законами и формально во время войны отменены не были. Не были в частности отменены временные правила о периодической печати 18 марта 1906 г., но всякие попытки на основании этих правил поставить рабочее издание влекли за собой не только немедленное закрытие его, часто до выхода еще издания в свет, но и сопровождались полицейскими налетами на типографии, арестами и высылками редакторов и сотрудников. Любопытные цифровые сведения, ярко отражающие бесправное положение рабочей печати в годы войны, можно

---

[1] Отчет о суде над депутатами, приведенный полностью в журнале «Право» 1915 г., №№ 8—11, в извлечениях напечатан в хрестоматии «Революция и РКП (б)», т. VII, стр. 179—188.

[2] По выражению листовки Петербургского Комитета от 4 ноября 1916 г. — А. Шляпников. «Канун 17-го года», часть I, стр. 252.

получить на основании данных, приведенных в статье Ш. М. Левина «Социалистическая печать во время империалистической войны»[1]. Если суммировать сообщаемые в статье сведения о 34 изданиях, — эта цифра почти исчерпывает всю выходившую во время войны рабочую печать, — то получим следующие цифровые итоги:

Из 34 изданий не осуществилось — 7 изданий (3 — в виду насилий военной цензуры, 2 — вследствие репрессий против участников и 1 — из-за отказа типографии печатать опасную газету), вышло в свет — 27 изданий, из них 22 издания было закрыто (по сведениям статьи Ш. Левина, едва ли полным, в 6 случаях редакторы и сотрудники подверглись репрессиям, 1 издание прекратилось вследствие ареста редакции и 1 — в виду призыва редактора на военную службу).

О том, с каким трудом удавалось выходить в свет этим изданиям, свидетельствует следующая таблица о количестве выпущенных ими номеров:

Один номер выпустили	5 изданий.
От двух до трех номеров	6 изданий.
От шести до десяти номеров	6 изданий.
Свыше двадцати номеров	5 изданий.

Последняя, сравнительно большая цифра относится по преимуществу к профессиональной и кооперативной прессе, отличавшейся некоторой устойчивостью, в то время как сколько-нибудь длительное существование для общеполитического рабочего органа, даже руководимого представителями умеренных социалистических направлений, в военных условиях представлялось почти невозможным, а в Петрограде и совершенно безнадежным. Общеполитические рабочие издания появляются поэтому в большинстве случаев в провинции, иногда очень отдаленной [2], где предполагается меньшая бдительность властей. Однако, и здесь условия издания, хотя и не в такой, как в Петрограде, степени, остаются все же крайне тяжелыми.

Приведенные выше цифровые сведения дают общую картину бесправного положения рабочей печати. В дополнение не лишне будет в качестве иллюстрации привести следующий конкретный случай отнюдь не исключитель-

[1] «Красный Архив», 1923 г., том II, стр. 200—225.

[2] Из 14 зарегистрированных Ш. Левиным провинциальных изданий — 5 изданий приходится на Сибирь (Иркутск и Чита).

ного, а самого обычного финала рабочей газеты, в данном случае к тому же довольно умеренного направления. Так, например, прекратила свое существование харьковская газета «Начало», расправа с которой послужила материалом для думского запроса [1]. «В ночь на 1 июня текущего (1916) года, накануне выхода второго номера издающейся в Харькове рабочей газеты «Начало», — рассказывает запрос, — в редакцию газеты и в типографию, в которой она печатается, явилась полиция и, произведя обыск, забрав весь литературный материал, рассыпав готовый уже набор, арестовала редактора-издателя газеты С. О. Романенко». Полиция, не имея на то никакого законного права, «под угрозой закрытия типографии потребовала от владельца ее выдачи подписки в том, что он будет извещать полицию каждый раз, когда начнется работа по набору или печатанию газеты», — несомненно для того, чтобы не опоздать явиться и произвести очередной разгром. При таких условиях газета, не будучи даже официально закрытой, принуждена была прекратить свое существование.

Само собой разумеется, что издательские попытки антиоборонческих направлений и тем более попытки большевистские встречали особенно яростное преследование властей. За время войны возникло поэтому всего только четыре большевистских издания: организованная П. А. Лебедевым, Г. И. Оппоковым (А. Ломов) и В. П. Антоновым общеполитическая еженедельная рабочая газета в Саратове «Наша Газета», выпустившая с августа по ноябрь 1915 г. 10 номеров, рабочий журнал в Кинешме «Наше Слово», выходивший при участии Д. Малютина, Н. Подвойского, М. С. Ольминского (№ 1 вышел 24 января 1917 г.), и два специальных журнала — в Петрограде ежемесячные «Вопросы Страхования» (за время войны вышло 24 №№), редактировавшиеся З. Т. Фаберкевичем, Н. И. Подвойским, Р. Арским, К. С. Еремеевым и А. Винокуровым, и в Москве — «Голос Печатного Труда» (с 15 ноября 1916 г. по 30 января 1917 г. вышло 3 №№) при ближайшем участии М. Ольминского.

О том, с каким трудом удалось поставить и тем более вести эти издания, рассказывают участники их в своих воспоминаниях [2].

---

[1] Стенографический отчет Гос. Думы 4-го созыва IV сессии, заседание 54, 10 июня 1916 года, столб. 5170—5174.

[2] О «Нашей Газете» — В. П. Антонов-Саратовский. «Под стягом пролетарской борьбы». Том I. ГИЗ. 1925 г. (глава о «Нашей Газете» —

В основе существования большевистских легальных изданий лежала постоянная и упорная борьба с введенной с самого начала войны 20 июля 1914 г. военной цензурой, официально ставившей цели охраны военной тайны, а фактически занятой наблюдением за печатью, главным образом — по вопросам внутренней и тем более, конечно, рабочей политики. «На заседании (редакционном), — вспоминает В. П. Антонов, — мы прежде всего решили, в интересах сохранения газеты, подбирать материал таким образом, чтобы цензура не могла очень сильно придраться, т.-е. нужно было ставить дело так, чтобы весь номер говорил о нашем направлении, а не какая-нибудь отдельная статья». Однако, несмотря на эти усилия, «уже с третьего номера полицейская атмосфера над нами, — говорит далее В. П. Антонов, — стала сгущаться: появились наблюдатели около типографии, и цензор все свирепее кромсал газету». Из десяти выпущенных №№ два были конфискованы, а «другие выходили с довольно частыми цензурными пробелами». На 10-м № «Наша Газета» была закрыта, а вскоре руководители газеты, сделавшие безрезультатные попытки поставить новое издание, были высланы из Саратова в Иркутск.

С таким же трудом удавалось издавать и «Вопросы Страхования». «Обычно номера выходили с белыми местами. Часто вместо целых статей были белые листы» (воспоминания А. Винокурова). Для тех, кому не приходилось видеть эти немногие «допущенные правительством» номера журнала с многочисленными цензорскими изъятиями, оставившими след в виде разъединяющих текст белых полос, достаточно указать, что цензорские изъятия в военных номерах журнала в общей сложности дают около трех номеров журнала, а в некоторых номерах (№ 10 за 1916 год) они составляют около одной трети всего журнала. Как велики были цензорские издевательства над журналом, показывает следующий типичный пример. В заметке, посвященной годовому отчету за 1915 год больничной кассы заводов Г. А. Лесснера, изданному с разрешения всяческих цензур, цензор вымарал все отчетные цифры о заболеваемости и увечьях рабочих,

---

стр. 18—29); о «Нашем Слове» — воспоминания Д. Малютина и Н. Подвойского («Пролетарская Революция» 1925 г. № 1 (36), стр. 232—240); о «Вопросах Страхования» — А. Винокуров, в сборнике: «Из эпохи „Звезды“ и „Правды“» (ГИЗ, 1921 г., стр. 176—179); о «Голосе Печатного Труда» — воспоминания Г. Лелевича («Пролетарская Революция» 1923 г., № 4 (16), стр. 81—93).

и статья таким образом появилась в печати лишенная всякого смысла. Журнал закрылся в ноябре 1916 года «вследствие ареста большей части редакции по доносу Черномазова» (воспоминания А. Винокурова).

История возникновения и существования другого большевистского органа периода войны — «Голоса Печатного Труда» точно так же полна преследованиями властей. Задуманный в марте 1916 года правлением Общества рабочих печатного дела журнал предполагал выйти в августе того же года, но перед самым выходом в свет редактор И. П. Бодров был арестован и выслан из Москвы. На подыскание и утверждение нового редактора потребовалось немало времени, и первый № вышел вместо августа только в ноябре 1916 года. Второй №, помеченный 23 декабря, был конфискован. Журнал прекратился на третьем №, вышедшем 30 января 1917 года, вследствие противодействий втершегося в редакцию провокатора Барышникова. Само собой разумеется, что и «Голос Печатного Труда» столь же энергично, как и его петроградский и саратовский собратья, резался военной цензурой.

Оценивая значение легальной большевистской печати во время войны, необходимо отметить, что, несмотря на малое количество изданий, нерегулярность их выхода, крайнюю стесненность цензурных условий, — значение их было очень велико. Эти издания имели прежде всего большое организационное значение. Они оформляли распыленные силы и способствовали их объединению, при чем влияние их не ограничивалось тем городом, в котором выходило издание, а распространялось далеко за пределами его. Стоит только просмотреть список пожертвований на издание, например, в «Голосе Печатного Труда», корреспонденции, переписку с читателями (почтовый ящик), чтобы понять, какое огромное объединяющее значение имели эти органы. Москва связывается с Баку, Киевом, Иркутском, Саратовом («Голос Печатного Труда»), Саратов с Астраханью, Витебском, Петроградом, Одессой, Новгородом и рядом других городов («Наша Газета»), Петроград («Вопросы Страхования») приобретает всероссийские связи.

Моральное значение большевистских изданий было также огромно. Появления их ждали с нетерпением. Они поднимали боевое настроение в рабочей среде. «Саратовские рабочие, — рассказывает В. П. Антонов, — ждали первого номера («Нашей Газеты») с необычайным волнением. По

нескольку раз в день забегали они в типографию посмотреть, как идет работа. Когда же началось действительно печатание, группа рабочих во главе со Степановым дежурила до 4 часов ночи; трясущимися от волнения руками ребята подхватывали еще влажные номера, пахнущие свежей краской листы, складывали на переломе и, запихнув за пазуху, с вороватым оглядом уходили в сероватые сумерки брезжущего утра».

Рабочий Б—ин в своем безыскусственном стихотворном приветствии «Голосу Печатного Труда»[1] очень удачно передает настроение пролетариата и его отношение к своему изданию:

Привет тебе, светильник тьмы
И голос звучный пробужденья!
Лучей рассвета жаждем мы,
Как узник дня освобожденья.
Ты дорог нам в глуши суровой,
Ты путеводный нам оплот,
С тобою зло и гнет тяжелый
Стряхнет измученный народ.
И путь твой — ясную дорогу
Мы рады грудью встретить — зов,
Любовь и братство и свободу
Взамен прошедших ряд веков.
И наш привет: борись, мужайся,
Не мало нас еще в живых!
Звучи, звучи и раздавайся
В подвалах темных и сырых!

И, конечно, чем острее была тяга к смелому печатному слову, тем несноснее становились гнетущие цепи насилия, которыми связывал царский строй пролетариат, давил беспощадно всякое проявление рабочей самодеятельности и, прежде всего и раньше всего, боевую рабочую печать. В условиях царского режима, усиленного военным террором, правовое положение рабочего класса в области печати — значило: единичные рабочие издания, безнадежно борющиеся за свое право на существование со сворой цензоров, полиции, провокаторов, жестоко расплачивающиеся за свое появление в свет массовыми репрессиями, направленными против всех прикосновенных к этим изданиям.

Столь же безнадежно стоит вопрос и с рабочими организациями. На них также правительство, использовав в пол-

[1] Помещено в № 2 (см. «Пролетарскую Революцию», 1923 г., № 4 (16), стр. 281).

ной мере военный аппарат, обрушилось со всей силой административных репрессий. Законы 4 марта 1906 г. о профессиональных обществах и 23 июня 1912 г. о больничных кассах нарушались правительством совершенно открыто. В отношении к больничным кассам политика правительства выразилась прежде всего в сокращении числа существующих больничных касс, затруднениях при открытии новых. Так на 1 января 1916 г., т.-е. спустя четыре года после издания закона, было открыто всего только 1.987 больничных касс вместо предположенных по закону 3.198. Существование больничных касс сопровождалось массовыми обысками, арестами секретарей, служебного персонала, а иногда и всех присутствовавших во время обыска в помещении кассы, как то было, например, в ноябре 1916 г. на Путиловском заводе, когда при обыске больничной кассы было арестовано 24 человека.

Тяжелый урон вследствие арестов понесло рабочее представительство и в Страховом Совете, где из 15 представителей осталось 4, и в Петроградских Столичном и Губернском Присутствиях, где из 12 рабочих представителей осталось только два.

Однако, при всем том, «в этот наиболее тяжелый период для рабочего класса везде в больничных кассах происходила борьба между уполномоченными рабочих и назначенцами промышленников. Уполномоченные рабочих, проникнутые рабочими страховыми требованиями, твердо отстаивали интересы рабочих, стремясь расширить рамки хозяйских уставов, устанавливая высшие размеры пособий, расширяя самостоятельность рабочих, делая попытки к страховому объединению рабочих» [1].

Департамент полиции в докладной записке от ноября 1915 г. [2] также констатирует, что «наблюдаемая за последнее время в среде рабочего населения тенденция в сторону изоляции своей деятельности от какого бы то ни было давления власти и предпринимателей сказывается и здесь (в страховом движении) в виде поворота в сторону чистого самоуправления». «Тенденция в сторону отделения деятельности касс, — заявляет записка департамента полиции, — от воздействия фабрикантов видна на всех без исключения рабочих собраниях по этому вопросу». Таким образом, и опу-

[1] А. Винокуров. «Рабочее страховое движение». Сборник «Из эпохи „Звезды“ и „Правды“». ГИЗ, 1921 г., стр. 176—177.

[2] Сборник Центрархива, стр. 220—228.

стошаемые правительственными набегами больничные кассы были в годы войны одним из отправных пунктов в борьбе рабочего класса. Страховое движение, руководимое и в годы войны большевиками, приобретало серьезное политическое значение, потому что, как правильно отмечает резолюция того времени рабочих завода Эриксон, «общие условия и от страховых деятелей требуют участия в разрешении вопросов не только общественного, но и политического значения, ибо первые есть результат условий чисто политического порядка»[1].

Что касается профессиональных союзов, то в большинстве случаев они просто не допускались властями, которые, не имея даже на то формального права, издавали категорические распоряжения о запрещении — без каких-либо мотивировок и причин — всех рабочих организаций. Такое распоряжение, в частности, было сделано в самом начале войны верховным главнокомандующим Николаем Николаевичем петроградскому градоначальнику кн. Оболенскому и, конечно, проводилось местными властями с неуклонной последовательностью. В стремлении окончательно ликвидировать профессиональные организации принял участие и первый департамент Правительствующего Сената, «разъяснивший» в 1915 г., что членами профессиональных союзов могут быть только те лица, которые действительно заняты работами в предприятиях. Этим искажающим основной смысл профессиональных организаций «разъяснением» были оставлены за бортом профессиональных союзов безработные, увечные, больные и пр., для которых поддержка союза как раз особенно необходима, и, кроме того, дана возможность предпринимателям путем увольнения основателей союза разрушать профессиональные организации, препятствовать их возникновению.

Подводя итог деятельности в этом направлении охранительных властей за первый год войны, департамент полиции в приведенной ноябрьской записке, констатируя «пробуждение интереса к профессиональным организациям», рост сделанных на открытие обществ заявок, энергию лиц, ходатайствующих об открытии обществ, с удовлетворением заявляет, что «до сих пор в Петрограде не возобновилась работа ни одного профессионального союза, и во всё время войны функ-

[1] Резолюция помещена в упомянутой выше ноябрьской записке департамента полиции.

ционирует только профессиональное общество служащих фармацевтов».

Совершенно естественно поэтому, что власти, зарегистрировав устав союза рабочих-металлистов, закрыли его до созыва первого организационного общего собрания, деятельность союза «Печатник» была сорвана на первом организационном собрании вмешательством полиции, а, разрешая устав клуба рабочих Выборгской стороны, полиция одновременно издала приказ домовладельцам не сдавать клубу квартир [1].

В тех же местах, где не было издано такого массового приказа о закрытии, как например в Москве, «немногочисленные легальные рабочие организации, в силу из месяца в месяц продолжающихся арестов и высылок всех сколько-нибудь активных работников, еле существовали» [2]. Но при всем том, даже и эти «еле существовавшие» рабочие организации имели в военных условиях огромное значение не той частью своей деятельности, которую официально «по уставу» вели они под постоянным вмешательством и угрозой запрета со стороны администрации, а деятельностью, разворачиваемой ими нелегально, по объединению, сплочению разрозненных пролетарских сил. Работа в профессиональных организациях Москвы с этой стороны заслуживает особенного внимания. В Москве, как и везде, война на первых порах разложила все организации, распылила все связи. В гнуснейшей обстановке воинствующего шовинизма «рабочие профессиональные союзы были закрыты, были произведены массовые аресты, лучшие работники из рабочих организаций вырваны, рабочая печать задушена, руки рабочих связаны, рот зажат». «Большинство (рабочих) было безусловно против войны», но «без организации, без рабочей печати, рабочим Москвы, разбитым, оторванным от других городов, оторванным от своего центра, трудно было в той или иной форме реагировать на происходившие события» [3].

Первые начала организационных связей в Москве дали именно легальные профессиональные союзы. Дело началось с малого. 31 августа 1914 года открыл свои действия ле-

---

[1] Стенографические отчеты Госуд. Думы по запросам №№ 236 (8 декабря 1916 г.) и 242 (14 февраля 1917 г.).

[2] Ив. Меницкий. «Революционное движение военных годов.» Том II, стр. 139.

[3] Т. Сапронов. «Из истории рабочего движения». ГИЗ. 1925 г.

3*

гальный профсоюз «Общество архитектурно-строительных рабочих», организованный маляром Т. Сапроновым, написавшим очень обстоятельные воспоминания о профсоюзной деятельности в годы войны в Москве. Открывшийся союз строительных рабочих, конечно, имел в виду отнюдь не скромную в условиях военного самодержавия профработу. Уже на втором заседании правления союза (4 сентября 1914 года) был решен вопрос о связи с другими обществами для создания нелегального Центрального Бюро профсоюзов, которое тогда же, в сентябре, и образовалось, объединив 10 профсоюзов. Центральное Бюро, имевшее в начале большевистское большинство, а с февраля 1915 г. составленное исключительно из большевиков, было тогда же реорганизовано в с.-д. городской район, образовавший инициативную марксистскую группу с целью организации партийных ячеек в профсоюзах, установления связи с существующими партийными группами в высших учебных заведениях и в отдельных предприятиях, а затем и восстановления Московского Комитета партии. Организация существовала, однако, не долго и в тот же февраль 1915 г. была разгромлена. Вследствие арестов и мобилизаций новое Центральное Бюро долго не могло создаться, но зерна организации были уже заложены, и с лета 1915 г., как отмечает Т. Сапронов, рабочее движение уже не вмещается «в рамках нелегальных маленьких ячеек и вполне естественно расширяло сферу своего влияния», «начинается собирание партийных сил, сколачивание ячеек на фабриках и заводах», группы вырастают, как грибы после дождя. Начатая таким образом в профсоюзных рамках борьба за организацию выходит на широкую дорогу общегородского объединения, борьбу за общегородской комитет.

Суммируя значение рабочих организаций в годы войны, необходимо отметить, таким образом, следующее. Привыкший жить в коллективе рабочий класс обнаруживал непреодолимую тягу к организации, и малейшая возможность в этом отношении использовалась для более интенсивной борьбы с самодержавием путем расширения легальных рамок нелегальными целями. Все противодействия, которые ставились самодержавием на пути стремлений пролетариата к организации, и тем более огульное запрещение таковых организаций — обостряли класовую борьбу, накопляли ненависть к господствующим классам, к существующему правительству. И кроме того, «разгром открытых организаций, —

писал Петербургский Комитет в листовке в 1916 г., — вызвал усиленный приток членов в ряды нелегальных организаций рабочей партии. Нет теперь завода, где бы не велись толки о необходимости укрепления и расширения партийных заводских организаций».

Лишив рабочий класс рабочего представительства в Государственной Думе, рабочей печати, организаций, правительство и промышленники повели определенную линию к ухудшению условий труда рабочего. Почин в этом направлении был сделан правительством. Высочайше утвержденным 9 марта 1915 года положением Совета Министров от 3 марта того же года и затем высочайше утвержденным 19 октября 1915 г. положением Совета Министров от 5 и 29 сентября были отменены сначала некоторые, касающиеся труда малолетних, подростков и женщин, ограничения, а затем вторым постановлением были отменены все главнейшие ограничения беспредельной эксплуатации, которые были известны русскому закону.

Охрана труда царскими законами была, конечно, минимальной. В статьях 64, 65, 68, 74, 75, 76, 194—200 Устава о промышленном труде (Свод Зак., т. XI, ч. 2, изд. 1913 г.), отмененных приведенными положениями в виду того, что «неукоснительное соблюдение их крайне неблагоприятно отражается на работе», устанавливалось рабочее время для взрослых, мужчин и женщин, и для подростков (от 15 до 17 лет) в одиннадцать с половиной часов, при ночных работах — в десять часов, а для малолетних (от 12 до 15 лет) — восемь часов, постановлялось, что сверхурочные работы «допускаются не иначе, как по особому соглашению заведующего промышленным заведением с рабочим», запрещалось применение труда малолетних, подростков и женщин при ночных работах (от 9 час. вечера до 5 час. утра), малолетних — во всех предприятиях, подростков — в предприятиях текстильных, женщин — в предприятиях текстильных, на горных заводах и промыслах и на работах внутри рудников. Кроме того, в приведенных статьях запрещалось допускать малолетних к работам в особо вредных для их здоровья предприятиях, при чем установление категории вредных предприятий и предельного возраста не допускаемых на эти работы малолетних производилось главным по фабричным и горным делам присутствием. Таковы были те немногие законы, которыми охраняло труд рабочих царское правительство. И эти ограни-

чения казались правительству и промышленникам чересчур большими. Правительство отменило стесняющие промышленников законы, а об остальном позаботились сами промышленники. Ухудшение условий труда отмечает даже и департамент полиции в цитированной выше докладной записке. «Повышение интенсивности труда, — говорится в записке, — в виду необходимости возможно скорого выполнения правительственных заказов, и связанные с этим сверхурочные работы, а также работы в праздничные дни, затем наплыв из деревни малоопытных рабочих, естественно, увеличили количество несчастных случаев».

В частности, удлинение рабочего дня путем широкого применения сверхурочных работ было доведено до ужасающих размеров. «Вопросы Страхования» (1916 г. № 5) приводят следующую таблицу по отдельным цехам Сормовского (Нижегородской губ.) завода о продолжительности рабочего времени и заработке рабочих, составленную на основании расчетных книжек и относящуюся к первой половине 1916 года.

Цех.	Число норм. дней в месяц.	Сверхур. дней в месяц.	Всего дней.	Общий заработок.	Военная доплата.	Всего заработок.
Железо-прокатн. . . .	24	24 3/4	48 3/4	51,86	7,32	59,18
Деревообдел.	26	16	42	42,00	4,20	46,20
Электрич.	31	24 3/4	55 3/4	60,30	7,44	67,74
Арматурно-снарядный .	8 1/2	2 3/4	11 1/4	4,91	1,12	6,03
Мастерская зарядных ящиков	26	21	47	63,45	7,05	70,50
Чугунно-литейный . . .	23	13	36	27,95	3,60	31,55
Модельный	23	16 1/2	49 1/2	18,75	3,75	22,50
Котельный	19 3/4	15 3/4	35 1/2	28,08	5,62	33,70
Водопроводный	13	13 1/2	26 1/2	37,10	—	37,10

Насколько всеобще и значительно было ухудшение условий труда русского пролетариата, показывают косвенным путем цифры забастовок, посредством которых рабо-

чий класс боролся с ухудшением своего правового положения на заводе. Положение это из месяца в месяц ухудшалось, вызывая все большее и большее количество забастовок, как видно из следующей таблицы забастовок, направленных на улучшение условий быта и труда рабочих (таблица составлена на основании, конечно преуменьшенных, сведений фабричной инспекции)[1]:

	Число забастовок.	Количество участников.
1914 г. с августа	6	1.402
1915 г.	157	125.168
1916 г.	161	144.135
Всего	324	270.705

В 1905 году число забастовок, связанных с условиями быта и труда, составляло 1,5% к общему числу забастовок, а число участников их — 3,4% к общему числу, в военные же годы эти забастовки составляют 12,89% к общему числу, а число участников — 16,25%. Такое увеличение числа бытовых забастовок, не требующее особых пояснений, свидетельствует красноречиво, в какой степени ухудшились условия труда в годы войны.

Регистрируя количество забастовок, фабричная инспекция вовсе не входила в те бытовые условия, которые вызывали эти забастовки, и только революция в единичных случаях при обследовании быта рабочих местными организациями приоткрыла завесу той безграничной эксплуатации рабочих, которая при поддержке правительства применялась промышленниками. Такое обследование, в частности, производилось в Орловской губернии на предприятиях акционерного общества Мальцевских заводов, владеющего площадью в 155.500 десятин в двух смежных уездах Орловской и Калужской губерний с 13 заводами и

[1] Материалы фабричной инспекции о забастовочном движении см. в Сборнике Центрархива, стр. 19 — 204.

9 фабриками (из них — 5 чугунно-литейных, 1 машиностроительный, 1 вагоностроительный, 1 цементный, 5 лесопильных, 4 стекольных, 1 хрустальная и 1 бутылочная) и железной дорогой общим протяжением в 290 верст.

Деятельность этого-то богатейшего предприятия и обследовали в апреле 1917 года представители Орловского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, представители рабочих организаций на Мальцевских заводах и фабричные инспектора[1]. Поводом для обследования послужил происшедший на одной из Мальцевских фабрик «беспорядок» — арест рабочим комитетом Дятьковской хрустальной фабрики некоторых служащих управления. Прежде чем перейти к результатам произведенного обследования, необходимо коротко познакомить с рабочим движением на Мальцевских заводах в годы войны, поскольку это движение выявилось в забастовках, зарегистрированных фабричной инспекцией. Движение это может быть представлено в следующей таблице:

Предприятие.	Время.	Причины забастовки.	Количество участников.	Продолжительность.	Результат.
Дятьковская хрустальная фабрика . .	1914 VIII	Уменьшение зар. платы .	120	1	Безрез.
То же	1915 I	Недовольство лицами администрации	192	7	Расчет рабочих.
Чернятинская стекольная фабрика . .	1916 I	Отсутствие продовольствия в фабр. лавке . . .	754	1	Частичн. удовлетв. требований.
То же	1916 VII	То же	125	2	Удовлетв.
То же	1916 XII	Рабочее время.	80	2	Безрез.

[1] Протокол обследования см. в деле Главного Управления по делам милиции 1917 г., II отд., № 15, ч. 41.

Таким образом, за все время войны на Мальцевских заводах было п я т ь забастовок, с общим числом 1.271 участников, бастовавших в общей сложности 2.628 рабочих дней, при чем из пяти забастовок только одна окончилась полным удовлетворением требований бастовавших и одна — частичным. Такие ничтожные размеры рабочего движения на Мальцевских заводах находят объяснение в вопиющей эксплуатации рабочих, полном их порабощении, практиковавшемся управлением акционерного общества, которое, по выражению протокола обследования, «эксплуатирует свои предприятия с узко коммерческими приемами, совершенно не интересуясь улучшением материального и духовного быта обслуживающего его предприятия рабочего люда». «Кабальная система, — рассказывает далее тот же протокол, — проводится обществом планомерно: раскинувшись на пространстве 120 верст, общество никому не позволяет возить продукты по своей железнодорожной линии, монополизируя в своих руках пропитание рабочих и их семей, очень притом скудное. Как особенно яркий штрих, рисующий полную „планомерность" системы акц. общества, следует указать, что, отпуская, хотя и ничтожную, порцию пропитания из своих лавок семейным с их детьми, общество с 12-летнего возраста детей перестает отпускать на их долю продукты, вынуждая тем самым детей становиться на работу, и тогда уже отпускает им паек, как „работающим" на фабрике общества. Не следует думать, что отпускаются продукты бесплатно — все это в свое время вычитается из получки. Но отсутствие продуктов в голодном лесном Мальцевском районе вынуждает работать на пользу общества все население поголовно». Как работать — об этом повествуют отдельные места протокола. «Малолетние рабочие и работницы несут работы совершенно непосильные, и отношение к ним близко к истязанию: 10 — 12-летние девочки целый день таскают корзинку, в которой по взвешивании оказалось д в а пуда. При этом дети семилетнего возраста работают и в ночные смены». «Низкий уровень заработной платы (семья в пять душ зарабатывает 30 рублей) и условия жизни и быта рабочих привели рабочее население к физическому истощению в буквальном смысле, что бросается в глаза даже при поверхностном наблюдении». Благодаря плохому состоянию больницы и постановки врачебной помощи, «благодаря антисанитарному состоянию фабрик, огромный процент рабочих болен туберкулезом». «Ра-

бочие до того обнищали, — заканчивает отчет, — что выехать на другие заводы не в состоянии, а если бы кто и уехал, то месть общества довела бы семью такого рабочего до голодания, так как лавки общества немедленно прекращают в таких случаях отпуск продуктов».

В таком положении находились в годы войны рабочие, работавшего на оборону, акционерного общества Мальцевских заводов. Нет оснований думать, что Мальцевские заводы были печальным исключением, ибо правительство, отменяя всяческие стесняющие эксплуатацию нормы, поощряло в этом направлении отечественную промышленность. Нет оснований думать, что на Мальцевских заводах эксплуатация рабочих достигла последнего, непревзойденного другими предела. То, что творилось за стенами заводов, проходило мимо фабричной инспекции. Однако, в некоторых случаях не могла молчать и фабричная инспекция. Вот что рассказывает инспекция о положении 1.270 рабочих на 16 шелкомотательных фабриках города Нухи, Елисаветпольской губернии: «В течение одиннадцати с половиной часов в день рабочие заняты размоткою коконов, напряженно сидят на одном месте, пристально вглядываясь в тонкие нитки 30—40 разматываемых коконов; при этом руки работающих находятся в течение работы в горячей воде, на коже рук нередко появляются трещины, из которых сочится сукровица; зрение настолько напрягается, что у всех рабочих в большом количестве наблюдаются воспалительные процессы глаз. Благодаря столь тяжелым условиям жизни, рабочие к 45 годам становятся инвалидами. Среди рабочих имеется также весьма значительное число больных туберкулезом». И вот эти 1.270 человек рабочих, закабаленных на 16-ти шелкомотательных фабриках, в апреле 1915 года забастовали все поголовно. Забастовка продолжалась 14 дней и в результате «закончилась некоторыми уступками в пользу рабочих, как-то: увеличением поденной платы и сокращением рабочего дня — с одиннадцати с половиной до одиннадцати часов».

Таковы были условия труда рабочих в годы войны. Жить в таких условиях и не бороться было вне возможностей рабочего класса. Такие условия создавали волю к борьбе. Но, поскольку пролетариат брался за свое законное испытанное средство борьбы с эксплуатацией — стачку за улучшение своего положения, на него, выступавшего с законными

требованиями, обрушивался со всей силой принуждения правительственный аппарат и все объединенные силы промышленной буржуазии, давая рабочему классу наглядный урок того, что в строе самодержавно-капиталистическом правовое положение его, пролетария, есть положение раба.

Право стачек является естественным правом неизбежной и неустранимой борьбы пролетариата с капиталом за улучшение своего положения. Одинаковое экономическое и общественное положение, тождественные интересы, скопление большого числа рабочих в крупных промышленных центрах создают в массах пролетариата сознание солидарности, чувство товарищества, развитие которых не в силах задержать никакие репрессии. Буржуазия и капиталистические правительства, в виду полной безнадежности этих репрессий, в виду возбуждаемой, благодаря этим репрессиям, еще большей солидарности рабочих масс, в большинстве случаев под давлением пролетариата отказались от наказуемости за участие в забастовках. Даже отсталое, зверски враждебное рабочему классу, русское правительство указом от 2 декабря 1905 г. отменило статьи своих законов, карающие за участие в забастовке, мотивируя эту отмену тем, что «стачка, сама по себе, есть явление, органически связанное с экономическими условиями промышленной жизни, возможное всюду, где имеет применение наемный труд», что «стачки, возникающие на чисто экономической почве и проникнутые исключительно экономическими целями, не поддаются подавлению и пресечению мерами уголовного воздействия, как это доказывается опытом всех стран, пытавшихся бороться с указанным явлением путем уголовной репрессии». Однако, отказ от карательной системы русского правительства был, по его обычаю, неполный и лицемерный. Тот же указ, оставляя в силе уголовные статьи, карающие за порчу или уничтожение фабричного имущества во время забастовки (ст. 1358² Улож. о наказ.) и за насилия и угрозы со стороны стачечников по отношению к штрейкбрехерам (ст. 1358³ Улож. о нак.), кроме того, устанавливал уголовную ответственность за стачку «в предприятиях, общественно необходимых», «прекращение или приостановление деятельности коих угрожает безопасности государства или создает возможность общественного бедствия». За указанные «преступления» полагалось наказание в среднем от 4 месяцев до 1 года и 4 месяцев тюрьмы, а в случае, если царский суд обнаруживал наличность «сообщества», ставящего целью организовать стачку в обще-

ственно-необходимых предприятиях, наказание полагалось от 1 года 4 месяцев до 4 лет каторги.

Нет надобности говорить, что все приведенные законы нашли самое широкое применение в годы войны и общественно-необходимым предприятием стало считаться всякое предприятие, хотя бы косвенно связанное с военными поставками. Больше того, экономическая стачка стала почитаться властями за государственную измену. Московский градоначальник Климович в своем воззвании от 5 сентября 1915 года так именно и определяет экономическую забастовку. «Всякая забастовка, — говорит градоначальник, — неизбежно вызывая промедление в снабжении армии припасами, является явной помощью нашему врагу и есть не что иное, как злое предательство наших доблестных воинов и измена родине». С подобным же заявлением выступил и начальник Петроградского военного округа генерал Фролов, повышая своим приказом от 2 сентября 1915 г., изданным на основании военного положения, наказуемость за стачки до бессрочной каторги с преданием стачечников военному суду. Петербургский Комитет большевиков, посвятив этому приказу особую, обращенную к солдатам листовку от 12 сентября 1915 г., напоминал Фролову о деле полковника Мясоедова, о прикосновенности к германскому золоту того русского генерального штаба, к которому принадлежит и сам генерал Фролов. «Клевета на рабочий класс, что он бастует на германские деньги, — писала листовка, — пущена Фроловым только для того, чтобы вас (солдат) одурачить, сам он, конечно, хорошо знает, что, когда рабочие бастуют, то они жертвуют собой для дела свободы, что они получают не золото, а тюрьмы и локауты, что их семьи в это время голодают». Листовка обращается к солдатам с призывом к братскому союзу солдат и рабочих.

Привлечение рабочих к ответственности не только за забастовки, но даже за попытки организации их, предание их военному суду, массовые высылки [1] — сделались явлением заурядным. Всякое проявление рабочего движения используется властями как повод для заводоуправления «очиститься от неблагонадежного элемента». Так именно и формулировал начальник Петроградского военного округа кн. Ту-

[1] Репрессии продолжались и в ссылке. Ссыльным политическим рабочим, сообщает в октябре 1916 года газета «Сибирская Жизнь», не выдавалось по нескольку месяцев пособия; размер его был — 3 р. 60 к. в месяц.

манов на заседании петербургских заводчиков осенью 1915 года обязанности заводоуправлений по очищению рабочей массы от крамолы [1].

Увлечение арестами приняло столь широкий характер, что вызвало протест со стороны председателя Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства генерала Поливанова. В своем совершенно секретном, весьма срочном письме от 3 сентября 1915 года председателю Совета Министров И. Л. Горемыкину, Поливанов пишет, что одной из главных причин возникновения волнений и забастовок «являются производимые по ордерам охранной полиции многочисленные аресты в среде рабочих после каждой даже вполне допустимой сходки их». Генерал Поливанов выступил в защиту рабочих, конечно, не из особой любви к ним. Он понимал, что, чем сильнее репрессии, тем сильнее и противодействия, тем решительней становится борьба, он боялся арестов потому, что они порождают «враждебное отношение к представителям власти». К тому же забастовки больно били по правительству. Тот же Поливанов в другом письме (от 3 сентября 1915 г. за № 8141) по тому же поводу писал, что «каждый день забастовки на частных заводах, изготовляющих боевые припасы, стоит нам примерно одного (артиллерийского) парка» [2].

В системе правительственной борьбы с рабочим движением и с рабочим классом, аресты рабочих охранной полицией, и не только охранной полицией, а целым рядом властей, опекающих пролетариат [3], были не последним средством борьбы. Война развила аппетиты правительства и про-

---

[1] Шляпников. «Канун 17 года», ч. I, стр. 140.

[2] Дело канцелярии Совета Министров № 564—1915 г.

[3] Обилие властей, опекающих рабочий класс и наблюдающих за его настроением, заставило само правительство как-нибудь координировать деятельность этих властей. С этой целью в июне 1916 г. при министерстве внутренних дел было образовано «Совещание для объединения действий правительственных властей для предупреждения и прекращения забастовок». Это совещание, установив, что в области рабочего вопроса действуют следующие власти: общая полиция, жандармская полиция, фабричная и горная инспекции, губернатор, представители Особого совещания по обороне, уполномоченные морского и военного ведомств, приемщики на заводах, особо-уполномоченные центральным правительством лица, выработала систему взаимоотношения всех этих властей. Совет Министров утвердил предположения Совещания особым журналом 22 июля 1916 г. Заботы о координации действий различных властей несомненно свидетельствуют о желании правительства мобилизовать все силы для борьбы с рабочим движением.

мышленников. Им не на шутку стало казаться, что, применив к рабочему классу весь возможный в военных условиях аппарат принуждения, им удастся смирить раз навсегда бунтарский дух пролетариата. Только желанием такой окончательной расправы и порабощения рабочего класса и может объясниться введение во время войны той кабальной системы, которая проводилась под названием милитаризации промышленности.

Вопрос о милитаризации промышленности неоднократно поднимался как в правительственных, так и в промышленных кругах. Так 2 августа 1915 года за № 310 министерство торговли и промышленности внесло в Совет Министров соответствующее предложение. Начав его с того, что «порядки работ и заводский уклад, сложившиеся в условиях нормальной жизни, оказываются недостаточно соответствующими повышенным требованиям напряженной деятельности, обусловленной обстоятельствами военного времени», министерство предлагало «предоставить подлежащим министрам, военному и морскому, по соглашению с министром торговли и промышленности, объявлять промышленные предприятия, необходимые для обороны, на мобилизованном положении». «С осуществлением такой меры, — поясняет далее министерство, — завод в отношении порядка исполнения производящихся на нем работ ставился бы под ближайший надзор правительственных органов в лице особых уполномоченных заказывающих ведомств — военного и морского». «Личный состав предприятия (иными словами, рабочие), — проектирует министерство, — лишается права оставлять или прекращать работу или службу, кроме особо уважительных случаев, в законе предусмотренных», «заводоуправлениям предоставляется вводить обязательные сверхурочные работы служащих и рабочих» и ночные работы при участии женщин и подростков.

Предположения министерства торговли и промышленности в части, касающейся сверхурочных работ и применения труда подростков и женщин, были, как мы видели, осуществлены постановлениями Совета Министров от 5 и 29 сентября того же 1915 года в бо́льших даже размерах, чем того желало министерство, и были надлежащим образом использованы промышленниками. Что же касается прикрепления рабочих к предприятим, то правительство открыто, из боязни вызвать «принципиальный протест со стороны рабочего класса» и не подать «повод агитаторам к возбуждению все-

общей рабочей забастовки на идейной почве», сделать этого не решалось. Милитаризированы были заводы не открытым правительственным актом, а в обычной для самодержавия, скрытой и к тому же еще более тяжкой для рабочих форме.

Обсуждая на заседании 7 февраля 1916 г. мероприятия для предупреждения и прекращения фабричных забастовок, Совет Министров констатировал, что «происшедшие за последнее время события в рабочей жизни служат показательным признаком наличности забастовочного в рабочей среде движения, при чем быстрое в отдельных случаях развитие и широкие размеры забастовок свидетельствуют, конечно, об организованности рабочего класса». «Озабочиваясь принятием соответствующих мер по предупреждению и прекращению фабричных забастовок», Совет Министров выработал ряд таких мер по борьбе с ними. Здесь и усиление надзора за настроениями в рабочей среде, за появлением среди рабочих агитаторов и распространением на фабриках и заводах «преступных воззваний или иных изданий», и предписания, чтобы всякое нарушение порядка немедленно подавлялось, а лица, препятствующие правильному течению работ, привлекались бы к ответственности. Наибольшее же значение в цитируемом журнале Совета Министров имеет постановление относительно рабочих, призванных по мобилизации и получивших отсрочку явки по случаю работы на заводах, исполняющих срочные заказы военного ведомства. Эти рабочие — так называемые учетники — в случае забастовки подлежат немедленному зачислению в войска.

Таким образом, Совет Министров ввел и без формальной милитаризации заводов закрепощение рабочих путем угрозы отдачи в солдаты. И, действительно, бастовавшие рабочие отдавались в войска и направлялись обычно в дисциплинарные батальоны, как отправили, например, партию в несколько сот рабочей молодежи после февральской стачки в 1916 г. на Путиловском заводе в дисциплинарные батальоны в с. Медведь, Новгородской губ., несколько тысяч (7.500 из 14.000) рабочих завода Наваль в Николаеве и т. д. К отдаче рабочих в солдаты правительство скоро изобрело дополнение, давшее ему в сущности значительно больше, чем первоначальные проекты о милитаризации промышленности. Мобилизованные за забастовку рабочие возвращались на завод уже в качестве солдат. Впервые, очевидно, эта мера была применена во время забастовки на Тульских меднопрокатных и патронных заводах. Забастовка началась в январе 1916 года, принимало

в ней участие 12.116 рабочих. Бастовавшие добивались повышения заработной платы на 40 — 75%, установления минимальной платы для женщин и чернорабочих, удаления с завода некоторых лиц администрации, передачи лечения рабочих больничной кассе и т. д. Забастовка началась 20 января; 28 января администрация закрыла завод и объявила расчет рабочим. По ходатайству тульского губернатора через министра внутренних дел военный министр предложил тульскому уездному воинскому начальнику «немедленно, не давая обычного трехдневного срока для устройства домашних дел, призвать из числа бастовавших всех военнообязанных, сверстники коих уже зачислены в ряды войск, при чем тех из них, которых выберет заводская администрация, командировать на заводы, остальных же отправить в запасные батальоны, расположенные где-либо в пределах Московского военного округа, за исключением города Тулы» [1]. Мера эта, по сообщению губернатора, «произвела на рабочих сильное и отрезвляющее впечатление», и министр внутренних дел предлагал узаконить и распространить ее на все случаи забастовок военнообязанных.

Положение военнообязанного ставило рабочего в бесправное солдатское положение в отношениях с государственной властью, даже самыми низшими ее органами. Это положение в полной мере было использовано и промышленниками. Предприниматели превращали, — говорит А. Г. Шляпников [2], — «рабочих-солдат в крепостных», «сбавляли расценки и злоупотребляли сверхурочными». Что же касается мелких предпринимателей и подрядчиков, то им военное положение дало возможность «посредством участка избавлять себя от беспокойного элемента или от уплаты рабочим заработной платы».

Промышленники, вообще мало стесняясь, в полной мере не только использовали предоставленные им правительством возможности по эксплуатации рабочего класса, но и стремились с большим успехом расширить свои права в этом направлении. В то время, как рабочий класс был, как мы видели, лишен почти в полной мере права даже чисто-экономической организации, — промышленники создавали и укрепляли свои организации, направленные при поддержке

---

[1] Отношение министра внутренних дел от 3 марта 1916 г. председателю Совета Министров. Дело канцелярии Совета Министров № 564 — 1915 г.

[2] «Канун 17-го года», ч. 1, стр. 24.

правительства на борьбу с рабочими. Думский запрос о забастовочном движении рабочих от 14 июня 1916 года [1], составленный на основании полученного с мест фактического и документального материала, констатирует, что мощные союзы фабрикантов и заводчиков, опираясь на гражданские и военные власти, «ведут исключительно дерзкую, вызывающую политику по отношению к рабочим». «Самым сильным орудием в их руках является воспрещение рабочим военнообязанным права свободного перехода из предприятия в предприятие». «Угроза фронтом — последнее слово предпринимательской тактики — угроза, которую они, в конце концов, охотно реализируют». Кроме этих «военных» способов борьбы с рабочим классом, предприниматели не оставили во время войны и «мирных» способов борьбы с рабочим классом посредством так называемых «черных списков». Отдельные предприятия, входившие в состав Общества фабрикантов и заводчиков, при увольнении рабочих должны были сообщать списки уволенных неблагонадежных рабочих Обществу, которое, со своей стороны, сообщало эти списки фабрикам и заводам с запрещением принимать на работы уволенных рабочих. Этот метод борьбы с рабочим классом практиковался промышленниками и до войны, во время же войны «черные списки» получили правительственную поддержку, и рассылало их не само Общество фабрикантов и заводчиков, а военные власти с предписанием «к точному исполнению» и с возложением ответственности за неисполнение предписания на заведующих фабриками (циркуляр уполномоченного председателя Особого совещания по обороне и председателя заводского совещания по Московскому району ген.-майора Чердынцева) [2].

Таковым было, обрисованное к тому же в общих, отнюдь не исчерпывающих чертах, правовое положение рабочего класса в годы войны. Правительство и промышленники в своем стремлении создать и закрепить бесправное положение рабочего класса не останавливались ни перед какими мерами. Их ставка — терроризировать рабочий класс — была бита. Террористическая политика, разоблачив до конца все лицемерные заявления правящих классов и их правительства о защите отечества, единения и солидарности всех классов, обострила и ожесточила классовую борьбу и в конечном счете вела к быстрой и решительной победе революции.

[1] Сборник Центрархива, стр. 295 — 307.

[2] Там же, стр. 305.

III.

Война требовала от отсталой в экономическом отношении России, с дезорганизованным политикой царского правительства хозяйством, крайнего напряжения сил. Неимоверно возросший вследствие войны расходный бюджет государства подрывался еще и тем, что казна лишилась такого источника дохода, как винная монополия.

Государственное банкротство без принятия самых решительных мер обложения капитала и промышленности, освобожденных от налоговых тягот, при наличности винной монополии, при широко развитой, ложившейся всей своей тяжестью на мелком потребителе, системе косвенных налогов, казалось, было естественным выходом из положения, тем более естественным, что с самого начала войны вопль о защите отечества, об отечественной войне, на алтарь которой все без различия классы общества в полном единении и в полном согласии должны нести все свое достояние — этот вопль несся со страниц буржуазных газет. От того, в какой мере будет буржуазия участвовать в бедствиях войны, решался вопрос, в какой степени война ляжет на плечи трудящихся масс России. Между тем буржуазия была предупредительно освобождена от налоговых тягот.

В самом начале войны (2 сент. 1914 г.) министр финансов Барк внес «на уважение» Совета Министров, в виду вызванных войной огромных расходов и сокращения большей части доходных поступлений, свои предположения «о повышении ставок некоторых видов существующего обложения и о введении новых налогов». Нет надобности подробно останавливаться на анализе как этих предположений, так и позднейших, в очень большом количестве вносившихся и утверждавшихся Советом Министров и царем, нет надобности останавливаться потому, что, когда 2 сентября 1914 г. Совет Мини-

стров впервые начинал серию военных налогов, им была точно определена налоговая программа, положенная в основу всех дальнейших обложений. Совет Министров, констатируя, что «при исключительных обстоятельствах переживаемого времени, необходимо весьма значительное подкрепление средств государственного казначейства не только на расходы военного времени, но и на последующее погашение заключаемых ныне краткосрочных долговых обязательств», дает указание министру финансов, что «к тяготам дополнительного податного обложения неизбежно должны быть привлечены не только наиболее достаточные классы, но и возможно более широкие круги населения». Дальнейшие заключения, развивающие, дополняющие, усиливающие это общее положение, гласят:

«Не следует к тому же упускать из вида, что явившаяся следствием войны стесненность в экономической жизни страны наибольшей своей тяжестью ложится на зажиточные классы, временно испытывающие немалые материальные затруднения и, вследствие сего, едва ли располагающие в данное время сколько-нибудь значительными свободными наличными средствами. Поэтому возможность привлечения их к усиленному в пользу государства обложению, вполне достижимая при нормальных условиях государственной жизни, по необходимости ограничена сейчас довольно тесными пределами. В ином положении находятся более широкие круги населения, которые, при меньшей вообще обеспеченности, в условиях переживаемого времени не испытывают однако, в равной с более зажиточным классом степени, связанных с войною экономических затруднений». «В распоряжении трудящегося населения, — продолжает Совет Министров, — остались все те наличные свободные денежные средства, которые в прежние годы, при посредстве казенной винной монополии, поступали в доход казны», а потому введение налогов на «низшие классы населения», которые бы «до известной степени возместили хотя бы некоторую долю недопоступления питейного дохода, нельзя не признать вполне целесообразным» [1].

Такова была общая налоговая программа ведущего войну старого режима.

---

[1] Печатный «Особый журнал заседания Совета Министров» 2 сентября 1914 г., утвержденный царем 4 ноября 1914 г.

Как эта система отразилась на практике, свидетельствует следующая таблица поступления прямых и косвенных налогов за 1913—1916 г.г. [1]:

	1913		1914		1915		1916	
	Милл.руб.	% к общ. сумме доходов.	Милл.руб.	% к общ. сумме доходов.	Милл.руб.	% к общ. сумме доходов.	Милл.руб.	% к общ. сумме доходов.
Прямые налоги . . .	251	7,7	276	7,7	374	11,9	359	12,3
Косвенные налоги .	671	20,7	764	24,1	985	31,3	1.038	35,6

Таким образом, косвенные налоги, возросшие во время войны на 54,6%, составляли (в 1916 г.) 35,6% всех бюджетных поступлений, тогда как прямое обложение возросло на 42,4% и составляло 12,3% (в 1916 г.) остальных поступлений. Косвенное обложение, как известно, всей своей тяжестью ложится на широкого неимущего потребителя. В годы войны правительство, верное установленной системе обложения главным образом «низших классов населения», соответственным построением косвенных налогов это положение еще более усилило. Мало того, что устанавливались вновь и чрезмерно увеличивались ставки налогов на продукты именно широкого потребления (табак, гильзы, сахар, керосин, спички), но и самая система обложения имела в виду именно потребителя из «низших классов населеня». Так, вводя обложение табака (постановление от 30 июля 1914 г.), правительство устанавливало акциз на табак бедных — махорку — в 12 к. на фунт, а на прочие «благородные» табаки всего только 20 к. на ф. — незначительную в сущности прибавку к основной цене табака.

Налоговая система всей своей тяжестью ложилась на трудящихся, делая экономическое положение последних еще более тяжелым. Каково же было истинное положение зажиточных классов, в таких жалостливых тонах описанное в приведенных заключениях Совета Министров? Совсем иное положение русской промышленности рисуют сухие цифры официальных отчетов самих промышленных предприятий.

[1] Цитирую по книге Б. Граве, стр. 14.

цифры далеко не беспристрастные в виду обычных для подобных отчетов стремлений скрыть, преуменьшить получаемые доходы всякими отчислениями в запасные фонды, на расширение предприятий и т. п. ухищрениями заводской бухгалтерии. Однако, и в таком виде цифровой материал отчетов дает яркое представление о том, в каких грандиозных размерах обогащалась на войне русская промышленность. Так, Р. Арский в статье «Военные прибыли» («Летопись» 1917 г., кн. I, стр. 277 и след.) приводит список, «выбранных наугад и случайно», 28 промышленных предприятий, которые в 1913—1914 г., при основном капитале в 280 миллионов рублей, «заработали» около 50 миллионов рублей, т. е. получили около 16—17% чистой прибыли; подобные же 29 промышленных предприятий, с основным капиталом в 150 миллионов рублей, в 1914—1915 г. получили чистой прибыли около 60 миллионов рублей, т. е. нажили около 38%. Рост прибыли за военные годы представляется еще более показательным при сопоставлении доходов 1914 — 1915 и 1915 — 1916 г.г. с доходами довоенного 1913—1914 г., являвшегося к тому же весьма благоприятным для промышленности. Так, в следующей таблице (цитирую ее из вышеупомянутой статьи Р. Арского) показан рост прибыли в пяти крупных, работающих на оборону, предприятиях:

Название предприятий.	Чистая прибыль в миллионах рубл.		
	1913/1914 г.	1914/1915 г.	1915/1916 г.
О-во машиностроительного завода Гартмана . . .	1,04	1,67	2,06
Никополь-Мариупольский завод	4,08	5,36	6,60
Русское паровозостроительное и механическое о-во	0,64	1,05	2,30
О-во Тульских медно-прокатных и патронных заводов	2,88	8,39	15,51
Южно-Русское Днепровское металлическое о-во	9,64	8,45	12,11

И совершенно верно подытоживает приведенные цифры Р. Арский, говоря, что «ту головокружительную пляску миллионов, которая происходит сейчас, раньше невозможно было даже представить себе», что «никогда эта погоня за наживой, эта вакханалия обогащения не принимала таких грандиозных размеров, такой силы и размаха».

Так Минины 1914 — 1917 г.г. «жертвовали» своей собственностью на военные нужды. В такой же мере, как и материально, русская буржуазия принимала личное участие в войне. О том, как искусно буржуазия и правящие классы уклонялись от войны, в каких широких размерах практиковались эти уклонения, является общеизвестным, а потому можно вполне ограничиться следующим свидетельством военного министра Шуваева (его, «спешное в собственные руки», письмо председателю Совета Министров от 13/16 дек. 1916 г., за № 27285)[1], ибо кому же лучше всего знать, как не руководителю военного ведомства, об уклонениях от военной службы? Военный министр пишет: «Широкое предоставление отсрочек от призыва военнообязанным, как необходимым в тылу для работы на государственную оборону, так и для службы в различных учреждениях, на железных дорогах и проч., породило массу злоупотреблений». «Богатые купцы, — продолжает министр, — стали определяться простыми рабочими, десятниками на железные дороги, целые санитарные отряды комплектовали своих санитаров из студентов высших учебных заведений, миллионер принят конторщиком на железную дорогу и проч.», «стали образовываться целые предприятия с единственной целью укрыть военнообязанных от призыва. Открываются мастерские, получают заказы и, исходатайствовав освобождение своих рабочих, а главное — хозяев и их родственников от призыва, передают работы другим, а весь состав, пользуясь отсрочкою, в работах участия не принимает. Богатые люди приобретают суда, чтобы числиться в составе судовой их команды». Так русская буржуазия сражалась «до полной победы», и, если для нее «отсрочки» были привилегией, для рабочего класса эти отсрочки были новым, созданным войной, видом закрепощения.

Война, таким образом, обеспечила промышленникам и, как мы увидим, спекулирующим торговцам условия легкого обогащения, для трудящихся классов она не замедлила сказаться в ухудшении их экономического положе-

[1] Дело канцелярии Совета Министров № 564 — 1915 г.

ния, в основе которого лежала борьба с все усиливающейся дороговизной.

Дороговизна возникла вследствие войны, вследствие вызванного ею массового истребления и потребления продуктов. В военных условиях на нормальный рынок, на-ряду с нормальным потребителем, является ведущее войну государство с его военными и связанными с войной требованиями на всевозможные продукты. Рост цен создается уже и самым военным спросом, значительно превышающим предложение, и благодаря тому, что государство, имея в своих руках печатный денежный станок и безграничную возможность выпуска бумажных денег, беспредельно гонит цены вверх. Высокие цены создают высокую прибыль, ибо промышленники и торговцы, учитывая падение бумажных денег вследствие большой эмиссии, стремятся заранее получить спекулятивную прибыль, которая с лихвой застраховала бы их от падения валюты. Отсюда же создается стремление «попридержать» товар, рост цены на который обеспечен.

Дороговизна возникла одновременно с войной. По произведенной Союзом городов анкете [1], дороговизна в 70% больших и в 50% малых (с населением ниже 10.000) обследованных городов возникла с началом войны, к январю же 1915 года дороговизна коснулась уже всех больших городов и 85% малых. К июню 1915 года в 77% обследованных городов дороговизна соединяется с острой нуждой в продуктах первой необходимости.

По данным, собранным тем же Союзом городов, за два года войны рост цен по сравнению с нормальным временем в процентном отношении представляется в следующем виде [2]:

	Июль 1915 г. в %	Декабрь 1915 г. в %	Июнь 1916 г. в %
Мука пшеничная	21	54	64
„ ржаная	44	83	99
Сахар	31	46	47
Мясо	21	68	232
Масло	14	133	124
Соль	128	301	483
Миткаль	60	60	113
Керосин	13	20	30

[1] «Анкета о дороговизне 1915 г.». П. 1916 г.

[2] Цитирую по ежегоднику «Речи» на 1916 г.

Эти цифры являются, необходимо заметить, очень сильно преуменьшенными. Так, если мы обратимся к другим источникам, в частности к сведениям, сообщаемым фабричной инспекцией, то увидим, что цены в Костромской губ. даже в первые полгода войны возросли значительно больше, чем показано Союзом городов. К январю 1915 года по этим сведениям:

	%%
Мука пшеничная возросла на	60
„ ржаная „ „	39
Керосин „ „	33
Гречневая крупа „ „	58

Более значительное повышение, правда — относящееся к октябрю 1916 года, отмечает следующая таблица статистического отдела Ярославского губернского земства:

В процентном отношении цены за октябрь 1916 года против сентября 1914 года возросли:

	%%
Мука пшеничная на	142
„ ржаная на	97
Печеный черный хлеб на	116
Ситный самый дешевый на	162
Мясо на	260
Колбаса чайная-низший сорт на	400
Масло (в среднем) на	330
Масло льняное на	280
Картофель на	352
Капуста на	624
Керосин на	90
Дрова на	325

Эта таблица, сравнивающая октябрьские 1916 г. цены с успевшими уже возрасти ценами второго месяца войны (при сравнении, таким образом, с нормальными довоенными ценами процентное отношение еще бы более увеличилось) — эта таблица рисует более близкую к действительности картину дороговизны на продукты и предметы самого широкого потребления, цены на которые в среднем повысились на 250 — 300%.

Приведенные цифры относятся к официальным ценам на продукты, выдаваемые по определенной продовольственной норме в заводских лавках. Самая продовольственная норма, ее изменение в сторону, конечно, только уменьшения, использовалась промышленниками как скрытое средство понижe-

ния заработной платы, ибо продукты, которые в виду сокращения продовольственного пайка должны были покупаться на базарах, если они вообще имелись в продаже, стоили там уже вдвое дороже. Сокращения же продовольственного пайка в течение войны были очень значительны. Так в Сормове в октябре 1916 г. нормы месячного пайка были сокращены следующим образом [1]:

	Сокращение продовольственных норм.	
	Для одинокого рабочего в фунтах.	Для семейного рабочего с 4 иждивенцами в фунтах.
Мука ржаная на	10	36
Мука пшеничная на	10	35
Крупа на	4	13
Сахар „	2	$8^1/_4$
Соль „	—	$3^3/_4$

Недополучка, как видно из приведенной таблицы, является очень значительной, тем более значительной, что и самый паек, из которого делались эти вычеты, едва-едва давал полуголодное существование.

Конкретная обстановка не только уже дороговизны, но и «острой нужды» в самых необходимых предметах, о которой повествуют приведенные таблицы, находит отражение в следующих отрывках из официальных сообщений из провинции высших местных чинов о продовольственном положении во вторую половину 1916 года.

«Вследствие неподвоза керосина по железным дорогам, в южной и центральной России создалось критическое положение. В таких крупных городах, как Харьков, Полтава, Киев, Екатеринослав, Курск и т. д., совершенно истощились запасы керосина». «За отсутствием керосина особенно страдает беднейшее население, тысячами ожидающее очереди у складов для получения 1 — 2 фунтов керосина, что не

[1] Таблица составлена по сведениям журнала «Страхование рабочих», 1916 г., № 10.

всегда удается, так как, за отсутствием керосина, склады закрываются» (сообщение министерства торговли и промышленности от 1 декабря). На Мальцевских заводах «рабочие совершенно без хлеба, угрожает катастрофа, необходима доставка муки большой скоростью» (сообщение орловского губернатора от 4 ноября). «В Ревеле нет совершенно ни ржи, ни ржаной муки, нет также пшеничной муки, третью неделю город живет за счет интендантства, которое сегодня отпустило последние 20.000 пудов, их хватит на четыре дня. Грозит голод; прошу помощи» (ревельский городской голова от 23 ноября). «По сведениям от рудников и заводов горнопромышленного юга, наблюдается острый недостаток муки. Рабочее население рудников и заводов юга России в губерниях: Екатеринославской, Харьковской, Херсонской и области Войска Донского испытывает крайние продовольственные затруднения вследствие недостатка и дороговизны муки и мяса при соответственном недостатке и доровизне сахара, картофеля и других пищевых продуктов. Создавшееся положение вызывает опасность острых рабочих конфликтов на почве продовольственного вопроса» (сообщение председателя совета съездов горнопромышленников юга России от 24 августа 1916 года).

Проявленное местными властями беспокойство в связи с обострением продовольственного вопроса, само собой разумеется, объяснялось не желанием помочь несущим все тяготы трудящимся классам, а боязнью — не взорвалось бы, наконец, терпение их и не разразилась бы та катастрофа, которая уже несомненно чувствовалась. И центральное правительство, поставленное в тупик перед все возрастающей продовольственной разрухой, принуждено было обратить на нее свое внимание. В действиях правительства, в его «борьбе с дороговизной», все от начала до конца было сплошным лицемерием, ибо, начиная «борьбу», оно не перестало считать, что все «продовольственные неурядицы» объясняются «излишней, развившейся еще в период наших военных неудач, впечатлительностью» общественного мнения, которое «преувеличивает наблюдающиеся недостатки». Но и правительство не могло не видеть, что, в виду этих «преувеличенных недостатков», «в широких кругах населения с каждым днем все более и более крепнет классовая вражда, недовольство и озлобленность, заставляющие опасаться не только возникновения различного рода эксцессов, направленных против заподозренных в спекуляции дельцов и торговцев, но

и прямым, с течением времени, выступлений противоправительственного характера» (письмо председателя Совета Министров ген. Рузскому от 6 ноября 1916 г.)[1].

Вот в виду этих «прямых, с течением времени, выступлений противоправительственного характера», нужно было по крайней мере делать вид, что принимаются какие-то меры борьбы, делать вид потому, что на какие-нибудь решительные меры, затрагивающие интересы промышленников и торговцев, самодержавное правительство пойти, конечно, не могло. А потому принимались меры, обход которых был тут же обеспечен. Так, еще в 1915 году правительство вводило так называемые твердые цены, но на местах их проводили цензовые, купеческие думы, и в результате получалось, что обход твердых цен проявляется «в самых разнообразных формах» — путем ухудшения качества продуктов, отказов от продажи по таксе, сокрытия продуктов и т. д.

Таксировку продуктов так оценивает объединение цензовых дум — Союз городов — в вышеупомянутой анкете: «Приходится признать, — говорит анкета, — если и не полное бессилие такс в деле выполнения поставленных им задач, то, во всяком случае, довольно скромную роль их». Такое заявление цензового Союза городов представляется крайне ценным. Прежде всего, кому же, как не объединению купеческих дум, знать, как проводятся твердые цены на местах и как местные купцы обходят эти цены? А затем, выступая против твердых цен и всяких вообще мер по обузданию спекуляции, так как она есть только «использование благоприятной конъюнктуры в целях повышения нормы прибыли», Союз городов предлагает «отказаться от обычного взгляда на спекуляцию как на порождение исключительно злой воли». Подобные заявления до конца разоблачают самый Союз городов, подобно правительству неоднократно заявлявший о предпринимаемых им мерах борьбы со спекуляцией и дороговизной.

В 1916 году была установлена наказуемость за спекулятивное повышение цен (утвержденное царем положение Совета Министров от 8 сентября 1916 г.). Закон этот нашел очень откровенную оценку со стороны министерства промышленности и торговли еще в стадии обсуждения его в Совете Министров. «Я не могу, однако, не заметить, — писал

---

[1] Дело канцелярии Совета Министров № 564 — 1915 г.

по поводу законопроекта министр торговли и промышленности (от 27 июня 1916 г.), — что сами по себе эти меры (карательные) едва ли могут дать какие-либо результаты по борьбе с указанным злом. Постановления, карающие соглашение для возвышения цен на предметы продовольствия и необходимой потребности, существовали у нас и до сих пор, но фактически почти не применялись». Причина этого, по мнению министра, «лежит в самом существе дела», а именно — суд не в состоянии будет точно отличить объединения промышленников и торговцев, подлежащие наказаниям по закону, как ставящие целью возвышение цен, от «допустимых соединений (тех же промышленников и торговцев), властно диктуемых всем ходом экономического развития». Установление такой грани, — откровенно признается министр, «является чрезвычайно трудным». И, наконец, самое определение «непомерного возвышения цен» не дает точного критерия для установления этого признака. Это «затруднит вмешательство судебной власти, и ожидать такого вмешательства ее по собственной инициативе можно здесь столь же редко, как это до сих пор имело место по отношению к стачкам, направленным на повышение цен».

К этим откровенным, ставящим все точки над i, рассуждениям, вполне, конечно, оправдавшимся на практике применения долженствовавшего обуздать промышленников и торговцев закона, прибавить нечего. Можно только указать, что, и после введения закона, спекуляция в самой столице старого режима не только не сократилась, а видимо усилилась. Вот что писал 17 сентября 1916 года главнокомандующий северным фронтом ген. Рузский председателю Совета Министров о действиях спекулянтов в Петрограде: «Банки, крупные и мелкие спекулянты бесконтрольно и безнаказанно спекулируют во-всю. Нередки случаи, когда задержанные спекулянтами к выпуску на рынок продукты портятся и уничтожаются; потерь от этого они не несут, возмещая убыток на непомерно взвинченной цене таких продуктов, выпущенных в продажу, а население от этого терпит лишения». Это писалось, повторяем, после введения закона о наказуемости спекуляции, как писалось также после введения закона и вышеприведенное ответное письмо председателя Совета Министров, выступившего с защитой спекулянтов. Правительство боролось с дороговизной не мерами репрессий против промышленников и торговцев, а свойственными ему мерами — путем введения особых военнополицей-

ских команд «для беззамедлительного прекращения уличных беспорядков» голодающего народа[1].

Таким образом, дороговизна, несмотря на все меры «борьбы» старого правительства, имеет неуклонную тенденцию к повышению, и, как мы видели, к октябрю 1916 года цены на продукты первой необходимости возросли на 250—300%; также возвысились и цены на квартиры: «спекулятивное повышение означенных цен, достигавшее иногда совершенно недопустимых размеров», отмечает и министерство юстиции (15 октября 1916 г.).

В какой мере это возвышение отражалось на существовании рабочего класса, можно в полной мере представить только в связи с анализом заработной платы рабочих в годы войны. Прежде чем приступить к исследованию размеров этой платы, необходимо разбить легенды относительно исключительных, ложившихся непосильным бременем на российскую промышленность, военных ставок рабочих.

Фабричный инспектор 2 участка Орловской губернии представляет следующие сведения за 1913—1916 г.г.[2] относительно числа рабочих, годовой производительности, суммы выплаченного рабочим заработка и числа рабочих дней по Радицкому вагоностроительному заводу акц. о-ва Мальцевских заводов.

Годы.	Число рабочих.	Годовая производительность в руб.	Сумма выплач. рабочим заработка в руб.	Общее число дней, провед. на работе.
1913 . . .	1416	2.588.036	537.292,16	390.816
1914 . . .	1860	3.622.101	720.609,75	535.680
1915 . . .	1745	3.966.485	758.938,27	523.500
1916 . . .	1833	6.019.024	1.112.180,36	489.024

[1] Представление министерства внутренних дел от 3 июля 1916 г. Сборник Центрархива, стр. 9.

[2] Дело Главного Управления по делам милиции 1917 г., II отдел, № 15, ч. 41.

Исходя из приведенных данных, мы можем получить средний заработок рабочего в день, в год, ценность изготовленных одним рабочим изделий и, наконец, относительную заработную плату (т.-е. отношение заработной платы к ценности изготовленного продукта):

Годы.	Средний заработок в день в руб.	Средний заработок в год в руб.	Ценность изделий на 1 раб. в руб.	Относительная զараб. плата в %.
1913	1,37	379,44	1.827	20,76
1914	1,34	387,42	1.946	19,89
1915	1,44	434,92	2.273	19,13
1916	2,27	600,75	3.283	18,47

По стекольному производству (в участке — 3 стекольных фабрики, 1 хрустальная и 1 бутылочная, принадлежащих акц. о-ву Мальцевских заводов) те же данные представляются в следующем виде:

Годы.	Число рабочих.	Годовая производительность в руб.	Сумма выплаченного заработка в руб.	Общее число дней, проведенн. на работе.
1913 . . .	4.771	3.002.655	1.008.202	1.207.694
1914 . . .	4.513	2.762.261	920.560	1.133.028
1915 . . .	3.446	2.168.182	686.185	855.936
1916 . . .	2.976	3.278.394	757.576	690.508

Отсюда получаем итоговую таблицу по стекольному производству:

Годы.	Средн. заработ. раб. в день в руб.	Средн. заработок в год в руб.	Ценность изделий на 1 рабочего в руб.	Относит. заработн. плата в %%.
1913	0,83	211,31	629	33,57
1914	0,81	203,98	612	33,32
1915	0,80	199,12	629	31,64
1916	1,09	254,56	1.101	23,10

Приведенные цифры, необходимо заметить, являются еще сравнительно более благоприятными, ибо на двух, расположенных в том же участке Орловской губернии, сахарных заводах относительная заработная плата выражается в 5,7%. О чем же свидетельствуют эти «благоприятные» цифры отчета правительственного, не имеющего, следовательно, склонности к преувеличению, чиновника? Прежде всего о том, что заработная плата в годы войны не дает возможности для борьбы с дороговизной, ее незначительное повышение не обеспечивает по сравнению с ростом цен даже полуголодного существования рабочему классу. Затем приведенные таблицы повествуют — и повествуют с красноречивой убедительностью — о том, что промышленники, в данном случае богатейшее акционерное общество Мальцевских заводов, очень успешно «подрабатывают» на этом полуголодном существовании рабочего, получают значительную прибыль на недодаче заработной платы, ибо, если в 1913 году рабочий на Радицком заводе вырабатывает изделий на 1.827 руб. (на стекольных заводах — на 629 руб.), то в 1916 году он вырабатывает уже на 3.283 руб. (на стекольных производствах — 1.101 руб.), промышленники же не в полной мере возмещают этот излишек рабочему и оставляют себе в первом случае 2,29%, а во втором — 9,53% установленной в довоенной норме (1913 г.) доли заработной платы рабочего в ценности производимого им продукта.

Само собой разумеется, что положение на Мальцевских заводах было отнюдь не исключительным. Следующая таблица движения месячной заработной платы за годы войны исчерпывающе показывает, как велико было несоответствие

заработной платы с удовлетворением самых насущных жизненных потребностей рабочего [1]:

Периоды.	Заработок номинальный в бумажных рублях.		Заработ реальный в товарных руб.	
	Абсолютный.	Относительный.	Абсолютный.	Относительный.
1913 г.	22,0	100,0	22,0	100,0
1914 „ 1 полугодие . . .	22,1	100,4	22,1	100,4
1914 „ 2 „ . . .	22,2	100,9	20,5	93,2
1915 „ 1 „ . . .	24,1	119,5	20,1	91,1
1915 „ 2 „ . . .	29,5	134,0	21,1	95,9
1916 „ 1 „ . .	36,0	169,0	21,7	98,6
1916 „ 2 „ . . .	45,0	204,5	18,7	85,0

Итак, приведенная таблица, давая средние цифры, наглядно отмечает, как незначителен был сравнительно с ростом цен рост заработной платы, отставший во вторую половину 1916 г. на 50—100% от дороговизны; таблица показывает далее, что ко второй половине 1916 года 15% самых насущных потребностей пролетариата не могло быть удовлетворено из получаемого им заработка.

Необходимо заметить, что таблица рисует не худшее положение рабочего класса. Во многих местностях, как мы увидим из дальнейшего изложения, в частности в текстильном районе, заработная плата даже номинальная не только не повышается, но имеет тенденцию к понижению.

К чему вел описанный зажим рабочего класса, полная урезка его прав, лишение его минимальных условий сносного экономического существования? Все это вело к несомненному вымиранию рабочего класса. Сухие и вынужденно скупые цифры отчетов находившихся в сугубом зажиме больничных касс дают некоторое представление о тех последствиях, которые принесла пролетариату политика правительства и буржуазии. По отчетам общих больничных касс

[1] Цитирую таблицу по книге Б. Граве, стр. 53.

Самары, Смоленска, Витебска, Екатеринослава, % заболеваний к числу всех участников кассы в 1914 и 1915 г.г. представляется в следующем виде:

	1914 г. в %.	1915 г. в %.
Смоленск	36,12	68.3
Самара	27,76	61,65
Витебск	60,25	69,34
Екатеринослав (Трубочный и Брянский заводы) .	70,75	98,14

Приведенные цифры, по верному замечанию самарского отчета, «достаточно ясно говорят за себя сами», достаточно ясны и причины усиления заболеваемости рабочих в таких ужасающих размерах; их кратко и вместе с тем исчерпывающе суммирует тот же отчет: они лежат «в усиленном применении сверхурочных работ, увеличившемся применении женского и детского труда, плохой постановке медицинской помощи участникам касс предпринимателями, дороговизне предметов первой необходимости и других причинах, особенно резко сказывающихся благодаря войне».

Не менее показательные цифры сообщает и петроградская больничная касса заводов Лесснера. На основании данных отчетов этой кассы за 1914 и 1915 г.г. можно получить следующую таблицу заболеваний и увечий, приходящихся на 1.000 участников кассы, по полугодиям 1914 и 1915 г.г.

	Болезни.	Увечья.
1914 г. 1 полугодие	419	80
1914 „ 2 „	343[1]	100
1915 „ 1 „	566	157
1915 „ 2 „	507	155

[1] Цифру падения во вторую половину 1914 г. быть-может следует отнести к запрещению спиртных напитков; тем показательней тот гран-

Дополняющие приведенную таблицу цифры относительно увечий находим в журнале «Страхование рабочих» (1915 г., № 6).

По этим данным на 1.000 участников больничных касс приходилось в среднем ежемесячно увечий:

	До 1 сент. 1914 г.	С 1 сент. 1914 г. по 1 янв. 1915 г.	Увеличение в %%.
Путиловский завод . . .	15	21	40
Русско-Балтийский вагоностроительный завод (Рига)	11	14	27

К приведенным, в достаточной степени показательным цифрам отчет больничной кассы заводов Лесснера за 1915 г. делает следующие замечания: «Количество заболеваний, зарегистрированных в кассе, является сравнительно слабым отражением действительной заболеваемости, так как цифры кассы относятся к тем участникам ее, которые получали пособие по случаю болезни. А это лишь часть (а может-быть и меньшая часть) больных, обращающихся в заводский приемный покой. Раньше всего среди участников кассы много хроников с застарелыми болезнями или такими, которые не мешают им работать. В последние два года интенсивной работы, когда лишь сверхурочный заработок дает рабочему возможность одолевать дороговизну и справиться с элементарными потребностями, неудивительно, что бронхит, воспаление легких, катарр желудка и прочие хронические болезни выплывают наружу лишь тогда, когда участники кассы сва-

диозный скачок, который последовал вслед за этим кратковременным падением. Вообще же надо заметить, что произведенные некоторыми кассами обследования в связи с запрещением спиртных напитков показали, что последнее не имело существенного значения в среде пролетариата. Так, данные отчета кассы Лесснера опровергают распространенное суждение, что повышение несчастных случаев и заболеваний по понедельникам объясняется непомерным злоупотреблением вином накануне в воскресенье. По материалам кассы, после запрещения вина % увечий по понедельникам повысился на 4,8%, а % болезней на 1,2%.

ливаются с ног». Столь же неточны и цифры увечий, ибо «сами участники кассы во многих случаях игнорируют мелкие увечья (порезы, засорение глаз и некоторые „легкие“ ушибы), если они не причиняют им больших неудобств при работе. Стремление спешным заработком догнать дороговизну сильнее страха перед опасностью, что мелкое увечье может превратиться в большое несчастье». «Такие увечья совершенно ускользают от внимания кассы».

Правовые и экономические условия создавали для рабочего класса «медленное умерщвление». «Это медленное умерщвление, — писалось в воззвании РСДРП(б) «Война и дороговизна», — не так заметно: тут нет пушечной пальбы, тут нет гибели на виду у всех; незаметно, далеко от глаз сытой толпы, по сырым подвалам и чердакам медленно угасают рабочие из-за недоедания, плохих квартир, холода и ужасных санитарных условий».

Созданные войной, соединенными усилиями правительства и буржуазии условия «медленного умерщвления» беднейших классов не могли не вызвать энергичного отпора. Со стороны неорганизованной городской бедноты этот отпор выражался в продовольственных бунтах, подавляемых местной администрацией с максимумом жестокости.

Свое ходатайство об образовании военно-полицейских команд (о нем упоминалось выше) министерство внутренних дел подкрепляет следующей статистикой о количестве продовольственных беспорядков в 1915 году и в первые 5 месяцев 1916 года (таблицу см. на стр. 68).

Эту красноречивую статистику министерство сопровождает пессимистическим заключением: «Ожидать, что настроение масс населения улучшится в ближайшем будущем, едва ли возможно; наоборот, по единодушному отзыву всех губернаторов и градоначальников, брожение на почве недовольства дороговизной с каждым днем повсеместно увеличивается».

Усиливающееся продовольственное движение встречало жестокую расправу со стороны правительственных агентов. Неорганизованные выступления городской бедноты подавлялись расстрелами, тюрьмами, всей системой правительственного террора и, создавая беспредельное озлобление против правительства и его агентов, не могли в силу своей неорганизованности принести какого-нибудь облегчения.

Пролетариат, поставленный в условия политического, правового, экономического бесправия, со всей присущей ему

	1915 г.	1916 г. (первые 5 мес.).
В городах:		
Петроград	210	199
Москва	73	89
В губерниях:		
Владимирской	41	27
Московской	22	16
Пермской	19	5
Тамбовской	16	6
Тверской	26	16
Харьковской	20	12
В других местностях Европейской России	257	140
Всего . . .	684	510

энергией боролся за свое существование со всей окружающей его сворой врагов, и борьба пролетариата шла по единственно для него возможному пути — организованному.

«Стачки с требованием повышения заработной платы не меньше как на 50—100% — это наш первый ответ на дороговизну. Нашим вторым ответом на дороговизну должна быть революция». Так определяет пути борьбы пролетариата упомянутое выше воззвание ЦК РСДРП(б) «Война и дороговизна» в ноябре 1915 года.

В этих направлениях и развернулось массовое рабочее движение в годы войны.

IV.

Забастовочное движение в годы войны (с августа 1914 г. по декабрь 1916 г.) дало следующие цифровые итоги [1]:

	Число забастовок.	Число участников.	Общая продолжительность забастовок в раб. днях.
Политические забастовки .	465	468.980	895.597
Экономические „ .	2.047	1.205.230	5.898.307
Всего . .	2.512	1.674.210	6.793.904

Для сравнения приведем соответствующие цифры движения 1905 г. [2].

В 1905 г. возникло забастовок 13.110 с 2.709.695 участниками, бастовавшими в общей сложности 23.609.387 рабочих дней.

Таким образом, при грубом сравнении движения 1905 г. с движением военных лет, последнее кажется отнюдь не грозным. Однако, именно это подытоженное в приведенных цифрах движение привело к решительной победе над самодержавием. Для того, чтобы вполне понять, в чем заключалась мощь движения военных лет при сравнении его с дви-

[1] Цифровые сведения относительно забастовочного движения в этой главе представляют обработку статистических материалов фабричной инспекции. См. Сборник Центрархива, стр. 19, 294.

[2] Статистические сведения по 1905 г. здесь и ниже приводятся из работы В. Е. Варзара „Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за 1905 г.“. СПБ. Изд. м-ва торг. и пром. 1908 г.

жением 1905 года, необходимо иметь в виду следующие его особенности.

Территориальные границы забастовочного движения 1905 г. были крайне обширны, при чем совершенно исключительное значение в этом движении играли промышленно-развитые окраины — губернии Прибалтийского края, Польши, Закавказья, на долю которых приходилось более половины всех выступлений (7.709 забастовок из 13.110) и около половины участников их (1.183.543 забастовщика из 2.709.695). С другой стороны, движение 1905 г. захватывает в значительной степени предприятия мелкие и средние: из 13.110 забастовок на долю предприятий с числом до 100 занятых в них рабочих приходится 8.629 забастовок, до 500 рабочих — 3.173 забастовки и только 1.308 забастовок приходится на сравнительно крупные предприятия (более 500 занятых в них рабочих). Средний размер стачки по числу участников в ней равен 206 рабочим (для стачек политических — 189 рабочих, экономических — 243 рабочих).

Переход к движению военных лет, необходимо прежде всего отметить и особенно подчеркнуть чрезвычайную концентрацию, сгущенность массового движения во всех отношениях. Под влиянием военных причин сузились до последних пределов территориальные границы движения. Война парализовала движение на окраинах, непосредственно подвергшихся военным разгромам, оккупации и воздействию военных властей. Пульс промышленной жизни здесь, бившийся до войны особенно интенсивно, замер почти окончательно, и естественно, что в годы войны массовое движение на окраинах почти ничем себя не проявило. На долю Польши, Прибалтийского края, Закавказья приходится около $^1/_7$ общего числа всех забастовок военных лет и $^1/_{20}$ всех выступавших в годы войны забастовщиков. Забастовочное движение на окраинах в годы войны захватывает по преимуществу мелкие предприятия и носит разрозненный, малоорганизованный характер.

И не только окраины, где непосредственно развертывались военные события, но и губернии ближайшего тыла разделяют судьбы окраин. Таковы, например, губернии Минская и Витебская. В 1905 году здесь возникло 305 забастовок с 26.648 участниками, в годы войны — 10 забастовок с 454 участниками.

Таким образом, под влиянием военных причин территориальные границы забастовочного движения сильно сокра-

тились. Все движение, главная его сила сосредоточились в немногих промышленных губерниях центра России, где образовались, благодаря концентрации военной промышленности, мощные промышленные предприятия. Здесь, в сущности, и велась решительная борьба за освобождение рабочего класса.

Решительная борьба велась в Петроградской, Московской, Владимирской и Костромской губерниях; последние две — центр текстильной промышленности, пролетариат которой был поставлен в особенно тяжелые условия. В этих губерниях развилась военная промышленность, здесь по преимуществу были сосредоточены особенно мощные промышленные предприятия военного времени.

Рост рабочего населения в этих губерниях, особенно в Петрограде и Москве, на-ряду с сокращением числа мелких промышленных предприятий создавал благоприятные условия для борьбы пролетариата с капиталом и правительством, ибо вся мощь рабочего класса, не распыленная по мелким предприятиям, сосредоточивается на немногих заводах-гигантах, выступление которых способно было наносить чувствительные удары. В частности для Петрограда времен войны, стоящего во главе движения, эта концентрация военной промышленности является особенно показательной. В следующей таблице (цитирую ее по А. Г. Шляпникову, «17 год») достаточно ярко показано, какой высокой степени концентрации достигла военная промышленность в Петрограде.

Группы предприятий по числу рабочих.	Число предприятий в данной группе.	% их к итогу.	В них всего рабочих.	% их к итогу.
Имеющих менее 100 раб. . .	247	44,0	10.425	2,8
„ от 100 до 399 „ . .	175	31,2	35.821	9,6
„ „ 400 „ 699 „ . .	34	6,1	17.301	4,7
„ „ 700 „ 999 „ . .	27	4,8	23.099	6,2
„ 1.000 и более раб. .	78	13,9	284.671	76,7
Итого	561	—	371.317	—

К этой таблице можно сделать еще следующее добавление. По данным уполномоченного по продовольствию Петрограда, в 12 предприятиях, с количеством рабочих свыше 5.000 в каждом, было занято 124.472 человека, т.-е. более одной трети всего рабочего населения Петрограда. То же явление роста крупных промышленных предприятий за счет сходивших со сцены мелких наблюдается и в других отмеченных, как наиболее активные, губерниях Московской [1], Владимирской и Костромской.

Общая сумма забастовочного движения в этих губерниях за годы войны представляется в следующей таблице (см. стр. 73).

В % отношении к общему числу политических и экономических забастовок, числу участников и общей продолжительности их, эти цифры дают следующие итоги:

Политические забастовки в указанных четырех губерниях составляют около 87%, число участников их — 89%, продолжительность — 94% всей суммы забастовочного движения в годы войны; те же цифры для экономических забастовок составляют 54% числа забастовок, 71% участников и 70% продолжительности. В итоге все забастовки, политические и экономические, в губерниях Петроградской, Московской, Владимирской и Костромской, составляют около 60%, участники — около 80% и продолжительность — около 75% всей суммы забастовочного движения. В 1905 г. забастовочное движение в тех же четырех губерниях дало следующие цифры:

	Число забастовок.	Число участников.
Владимирская губ. . . .	166	155.183
Костромская „	69	48.335
Московская „	930	276.563
Петербургская „	1.861	627.756
Всего . . .	3.026	1.107.837

[1] Рабочее население в Московском фабричном округе на 1 января 1914 г. исчислялось в 771.612 человек, на 1 января 1917 г. — 798.638 чел.

	Политические забастовки.			Экономические забастовки.			Всего.		
	Число забастовок.	Число участников забастовок.	Общая продолжительность забастовок в рабочих днях.	Число забастовок.	Число участников забастовок.	Общая продолжительность забастовок в рабочих днях.	Число забастовок.	Число участников забастовок.	Общая продолжительность забастовок в рабочих днях.
Владимирская губ.	33	28.282	45.464	372	264.866	959.597	405	293.148	1.005.061
Костромская „	2	3.124	2.008	138	159.752	1.093.098	140	162.876	1.095.106
Московская „	113	39.279	61.215	364	271.295	1.389.905	477	310.574	1.451.120
Петроградская „	256	348.118	740.079	242	167.860	732.826	498	515.978	1.472.905
Всего. . .	404	418.803	848.766	1.116	863.773	4.175.426	1.520	1.282.576	5.024.192

Если сопоставить эти цифры с приведенными выше цифрами военных лет тех же губерний, то можно сделать следующие выводы:

Прежде всего, в 1905 году исследуемые губернии занимают в общем движении значительно более скромное место (приблизительно, движение в этих губерниях составляет 23% всего числа забастовок и 40% всех участников), чем то было в военные годы, и затем по сравнению с 1905 г. количество забастовок в этих губерниях падает вдвое (вместо 3.026 — 1.520). Падение идет за счет Петроградской и Московской губерний, тогда как в губерниях Владимирской и Костромской надлежит отметить рост забастовочного движения. Но, на-ряду с общим итоговым падением числа забастовок в годы войны, количество участников не только не падает, но, наоборот, увеличивается на 174.739 чел. Здесь в полной мере сказались те условия концентрации военной промышленности, о которых говорилось выше. Тогда как в 1905 году на каждую забастовку, как указывалось, приходилось 206 участников, в военные годы в одной забастовке в среднем участвовало 843 чел., а в Петрограде даже 1.036 чел.

Если проследить влияние концентрации военной промышленности на усиление мощности стачек на протяжении всех лет войны, то получим итоги еще более показательные, дающие наглядное представление о росте забастовочного движения. Количество участников забастовок, в особенности забастовок политических, растет. Так, в среднем, на одну политическую забастовку в первые месяцы войны (август—декабрь 1914 г.) приходится 406 участников, в 1915 г. их уже — 1.034, а в 1916 г. цифра достигает 1.410 участников.

Сужение границ массового движения шло далее и по линии принимавших участие в этом движении профессий. В 1905 г. в движении широко участвовали представители всех профессий. Правда, и тогда уже приобрели доминирующее значение текстильщики по группе обработки хлопка (7,6% всех случаев стачек и 28,7% числа всех участников) и металлисты (20,3% всех стачек и 27,5% всех участников), но все же на долю других профессий оставалась значительная часть участия в движении. В годы войны текстильщики и металлисты приобрели совершенно исключительное влияние, как видно из следующей таблицы:

	Политические забастовки.			Экономические забастовки.			Всего.		
	Число забастовок.	Число участников.	Общая продолжительность забастовок в рабочих днях.	Число забастовок.	Число участников.	Общая продолжительность забастовок в рабочих днях.	Число забастовок.	Число участников.	Общая продолжительность забастовок в рабочих днях.
Текстильщики . .	44	47.096	63.169	549	604.257	2.892.431	593	651.353	2.955.600
Металлисты . . .	323	390.268	795.124	431	364.483	1.913.536	754	754.751	2.708.660
Всего . .	367	437.364	858.293	980	968.740	4.805.967	1.347	1.406.104	5.664.260

Таким образом, текстильщики дают 23,6% (против 7,6% в 1905 г.) числа забастовок и 39,5% (против 28,7% в 1905 г.) числа участников, а металлисты — 30% (против 20,3% в 1905 г.) всех забастовок и 45% (против 27,5% в 1905 г.) числа участников, обе же эти группы вместе — 53,6% (27,9% в 1905 г.) общего числа забастовок, 84,5% (56,2% в 1905 г.) числа участников. Приведенные цифры красноречиво говорят о том, что всю, за малым исключением, тяжесть борьбы в военные годы вынесли на своих плечах текстильщики и металлисты. Последние всегда были передовым отрядом пролетариата, в годы войны им также принадлежит инициатива борьбы. Достаточно сказать, что из указанных выше цифровых итогов забастовочного движения на долю металлистов приходится 323 политических выступления (69,7% общего числа всех политических забастовок в годы войны) с 390.268 участниками (83% общего числа всех участников политических забастовок), общая продолжительность политических забастовок — 795.124 рабочих дня (88,7% всего количества дней политических забастовок). Забастовочное движение среди текстильщиков носит, как показывает таблица, главным образом экономический характер, что было вызвано, как мы увидим, тяжелым экономическим положением текстильщиков.

Исследуя по приведенным данным характер захваченных забастовочным движением предприятий, мы получаем те же итоги, к которым пришли и выше. Доминирующее значение в военные годы имеют исключительно крупные предприятия. Средняя численность одной забастовки текстильщиков в годы войны — около 1.100 участников (в 1905 г. — 780), металлистов — более 1.000 (в 1905 г. — 277).

На-ряду с отмеченными особенностями движения военных лет — сосредоточение основного ядра движения в узких территориальных рамках центра России, доминирующее участие в нем по преимуществу представителей передовых отрядов пролетариата, занятых в крупнейших созданных войной промышленных предприятиях, — на-ряду с этими характерными для движения военных лет чертами, придающими ему особенную силу и сплоченность, необходимо отметить еще одну черту, имевшую также решающее значение. В военные годы получают преобладание стачки длительные, упорные, свидетельствующие об организованности борющегося пролетариата, об его воле к победе. Средняя продолжительность одной забастовки — 2.704 раб. дня, тогда как в 1905 г.

на одну забастовку приходилось 1.800 раб. дней. В добавление к этому ярким показателем роста стойкости борющихся являются следующие данные. В 1914 г. в первые месяцы войны (август — декабрь) на одного забастовщика приходилось 0,50 дней политических забастовок, в 1915 г. — 1,41 раб. дня, в 1916 г. — 2,16 раб. дня. Последняя цифра вдвое больше итогов довоенного 1913 г. (на одного забастовщика тогда приходилось 1,04 дня забастовки).

Рассмотренные основные черты движения военных лет способствовали победе пролетариата над самодержавием. Численно менее значительная, чем в революцию 1905 года, рабочая армия активных борцов добилась победы, благодаря целому ряду причин. Однородность состава пролетариата, его единство, не ослабляемое чуждым элементом, непосредственные все более и более наглые атаки исконных врагов пролетариата — буржуазии и правительства, — война разоблачила до конца их хищническую, насильническую политику (об этом говорилось в предыдущих главах), — таковы были условия, воспитавшие в годы войны особую энергию, особую волю к победе пролетариата в его выступлениях. Сами эти выступления в виду того, что они протекали в тесных территориальных границах, способствовавших организационной связи пролетариата, в виду того, что они захватывали наиболее крупные соединения рабочей силы, удары которой имели особенно решающее значение, и в виду того, наконец, что выступавшие по преимуществу принадлежали к передовым профессиям пролетариата, особенно остро осознавшим свои классовые интересы, — в виду всех этих причин массовое движение пролетариата в годы войны завершилось его победой.

Переходя к детальному рассмотрению этого движения, необходимо прежде всего заметить, что было бы ошибочно делать из сказанного выше заключение, что вне указанных нами территориальных границ, — Петроградской, Московской, Владимирской и Костромской губерний, — и границ профессиональных, — текстильщики и металлисты, — рабочее движение в годы войны никак не проявлялось. Этого, конечно, не было. Отдельные профессии, даже в особенно разоренных войной отраслях промышленности, все же не оставляют окончательно арены борьбы, идя вслед за стоящими во главе движения текстильщиками и металлистами. С другой стороны, взрывы, происходившие в центре России,

находили отзвук всюду, где бился пульс промышленной жизни.

Из таких местных особенно мощных забастовок должно быть, прежде всего, отмечено участие в забастовочном движении рабочих Тульских меднопрокатных и патронных заводов (12.000 человек). Здесь было две забастовки. Первая возникла в июне 1915 г. Рабочие Тульских заводов, начиная с конца 1914 г., неоднократно обращались к администрации заводов с просьбами об увеличении платы. 12 июня 1915 г. заводоуправление объявило рабочим о добавочной на время войны плате. Объявленной прибавкой к плате заводоуправление преследовало цель, помимо увеличения платы, заставить рабочих не пропускать рабочих дней. При первой же получке с добавочной платой работницы патронной, снаряжательной и пачечной мастерских, которых главным образом касалась эта добавочная плата, поняли смысл ее и бросили работу, потребовав от заводуправления, взамен этой общей прибавки, увеличить расценки. В виду обещания заводоуправления дать ответ не позднее 24 июня, рабочие после краткого колебания приступили к работе. 24 июня рабочим завода было объявлено о согласии правления акционерного общества на пересмотр расценок патронной и пачечной мастерских и о добавочном вознаграждении для рабочих остальных мастерских в размере от 10 до 20 коп. в день для мужчин и 13 коп. для женщин. Эти уступки не удовлетворили рабочих, и 25 июня прекратили работу рабочие уже всех мастерских в количестве 10.748 человек. 29 июня на заводе было вывешено объявление, в котором снова предлагалось рабочим стать 30 июня на работу и указывалось, что в противном случае они будут рассчитаны, а ратники и запасные будут призваны на военную службу. С утра 30 июня совсем не приступали к работам гильзовая и пульная (3") мастерские, снаряжательная же и пачечная, хотя и начали работать, но, проработавши 3 часа, были остановлены другими рабочими. Забастовка сопровождалась, по обыкновению, увольнениями, арестами рабочих. Закончилась она 2 июля. Вторая очень длительная забастовка на Тульских заводах началась 19 января 1916 г. Поводом к этой забастовке послужили экономические причины — требования рабочих о повышении заработной платы, улучшении гигиенических условий, удалении некоторых чинов администрации. Однако, поскольку справедливые требования рабочих стали встречать противодействие администрации заводуправления и

местных властей, обрушившихся на рабочих различными репрессиями (аресты, отдача в солдаты), забастовка приняла политический характер — протест против репрессий и войны:

Особенное значение имела, также начавшаяся в январе 1916 г., забастовка на заводе «Общества Николаевских судостроительных заводов и верфей» (Наваль) в г. Николаеве, Херсонской губ. И здесь забастовка, начатая 11 января частью рабочих (4.000 из 14.000) за улучшение экономического положения, в скором времени захватила весь завод (за исключением снарядного отделения), и здесь администрация применяла всяческие меры репрессий, чтобы разбить единство рабочих, рассчеты с отданием в солдаты, аресты, привлечение к судебной ответственности, и не могла ничего сделать в этом направлении. Забастовка продолжалась два месяца.

Необходимо отметить также интенсивное забастовочное движение на Брянском заводе акц. о-ва Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода в местечке Бежица, Орловской губ. Забастовка началась 28 марта 1916 г. приостановкой работ в плужной и механической мастерских, где работало около 2.500 чел. Вскоре к бастовавшим присоединились рабочие гранатной, мостовой, котельной и вагонной мастерских, а затем забастовка охватила большинство мастерских завода. Бастовавшие требовали: 1) увеличения заработной платы от 10 до 70%, 2) выдачи, независимо от прибавки, продуктов из продовольственного магазина по удешевленным ценам, 3) улучшения материального положения работниц и 4) выдачи заработной платы также и за забракованные изделия. Забастовка продолжалась до 30 марта, когда на работу стали все отделы Брянского завода. Окончилась она согласием заводоуправления сделать прибавку рабочим. Пересмотр расценок должен был быть сделан заводоуправлением после совместного обсуждения вопроса о размерах этого повышения с представителями рабочих. В виду того, что заводоуправление не принимало никаких мер к пересмотру расценок, с середины апреля на Брянском заводе снова стало замечаться брожение, и 25 апреля забастовали рабочие механической, паровозосборной и других мастерских, в количестве 1.500 чел., а 26 апреля забастовал уже весь завод, 15.600 чел. Бастовавшие потребовали немедленного повышения платы, изменения закона о старостах и уплаты за время забастовки. Назначенные на 27 апреля выборы кандидатов в старосты

по закону 1903 г. не состоялись в виду нежелания рабочих. Заводоуправление, с своей стороны, соглашалось увеличить продовольственное пособие рабочим: одиноким до 30 коп. в день и семейным, имеющим более двух человек детей, до 40 коп. в день. Однако, уступки эти не удовлетворили рабочих. Забастовка продолжалась и в мае месяце. Число рабочих, принимавших участие в забастовке, колебалось от 15.054 до 6.481 чел. Работы на заводе возобновились при уменьшенном составе рабочих, ибо отправлено было в воинские части 1.549 военнообязанных призывов 1915 — 1918 г.г., не принято было на завод 300 чел., разошлось по разным местам и не возвратилось на завод 4.250 чел. Работы возобновились в общем на тех же условиях, при которых закончилась мартовская забастовка, т.-е. расценки были увеличены на 5 — 20%; новой уступкой со стороны завода явилось увеличение харчевых денег с 20 коп. до 30 коп. в день при семье из 2-х чел. и до 40 коп. при большем семейном составе.

В других местах происходили следующие наиболее крупные забастовки рабочих в борьбе за улучшение экономического положения:

В Воронежской губ. на трубочном заводе «В. Г. Столь и К°" (в январе 1916 г. 1.542 раб.), в Донской области на табачной фабрике Асмолова (в сентябре 1916 г. 3.400 раб.), в Екатеринославской губ. на Днепровском заводе Южно-Русского общества (в январе 1916 г. 6.900 раб.), на трубопрокатном заводе б. Шодуар (в апреле 1916 г. 4.345 раб.), на машиностроительном заводе Гартмана (в июле 1916 г. 5.131 раб.), в Нижегородской губ. на ткацкой фабрике промышленного товарищества (в январе 1916 г. 3.561 раб.), в Новгородской губ. на Кулотинской джутовой мануфактуре (в апреле 1916 г. 1.598 раб.), в Рязанской губ. на льнопрядильной фабрике «А. Зайцева сыновья» (повторные забастовки в августе 1915 и 1916 г.г., в которых участвовало от 2.055 — 2.095 раб.), на бумагопрядильной фабрике анонимного общества в Зарайске (повторные забастовки в апреле и сентябре — октябре 1916 г. с участием 1.600 — 1.727 раб.), в Саратовской губ. на металлическом заводе Донецко-Юрьевского общества (повторные забастовки в апреле и сентябре — октябре 1916 г. 2.635 раб.), в Смоленской губ. на Ярцевской мануфактуре (в июне 1916 г. 2.514 раб.), в Тверской губ. на Рождественской мануфактуре (повторные забастовки в октябре 1915 г., в январе и октябре 1916 г., в этих забастовках при-

нимали полностью участие все рабочие двух фабрик мануфактуры, в одной около 2.000, в другой около 4.000 раб.), на прядильной и ткацкой фабрике В. М. Рябушинского (повторные забастовки в феврале и июне 1916 г. с участием 1.582 — 2.522 раб.), на Русско-Балтийском заводе (повторные забастовки в мае и октябре 1916 г. с участием 1.320 — 2.925 раб.), на Тверской мануфактуре (в октябре 1916 г. 4.578 раб.), в Уфимской губ. на Усть-Катавском вагоностроительном заводе (в апреле 1916 г. 1.234 раб.), в Харьковской губ. на паровозостроительном заводе (повторные забастовки в октябре 1915 г., в апреле, в мае и в сентябре 1916 г., в каждой забастовке в среднем участвовало свыше 4.000 раб.), на Павловском рафинадном заводе Харитоненко (в феврале 1916 г. 2.103 раб.), на заводе Русского общества всеобщей компании электричества (повторные забастовки в июне и августе 1916 г. всего завода свыше 2.000 раб.), на заводе земледельческих машин «М. Гельферих-Саде» (повторные забастовки в июне и сентябре 1916 г. всего завода около 3.400 раб.), в Ярославской губ. на Ростовской льняной мануфактуре (в январе 1916 г. 1.529 раб.).

Этот перечень[1], отнюдь не исчерпывающий (в него нами включены только крупные выступления), в достаточной мере показывает, что пролетариат России даже в самых отдаленных от центра местах, в окружении воинствующей буржуазии и озверевших агентов правительства, не оставался безучастным в общей борьбе. Приведенные выступления, по преимуществу относящиеся к 1916 г., — яркие отзвуки развертывавшегося в центре промышленной России рабочего движения. И, если это местное движение имеет значение как отзвук движения в центре, если оно лишено совсем или, вернее, мало в нем проявляется планомерное развитие, движение в центре, наоборот, носит вполне планомерный характер усиления и роста, связанных теснейшим образом друг с другом, постепенно усиливающихся рабочих организаций.

Забастовочное движение в первые месяцы войны в полной мере отразило подавленное состояние рабочего класса. Самым показательным в этом периоде является первый месяц войны — август 1914 г., давший 24 забастовки с 24.688 участниками, бастовавшими в общей сложности 142.723 раб. дня. Эти цифры выявляют самую боевую, самую стойкую

[1] Составлен по материалам фабричной инспекции. См. Сборник Центрархива, стр. 19, 204.

часть рабочего класса, продолжавшую и в военных условиях начатую до войны борьбу. Борьба была упорная (средняя продолжительность августовских забастовок — 6 раб. дней), но, применив весь аппарат военного принуждения, на этот раз правительство победило, и в следующие месяцы (сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь того же 1914 г.) число забастовок не превышает одного десятка, а количество участников забастовок и продолжительность их колеблется в пределах одной-двух тысяч в месяц. Подъем забастовочного движения начинается с января 1915 г. В дальнейшем своем ходе и развитии оно переживает присущие нарастающему движению взлеты и падения. Движение военных лет в несколько ином масштабе в этом отношении повторило 1905 год. Октябрьской всеобщей забастовке 1905 г. предшествовало два взрыва — в январе и в мае, в промежутке между которыми движение характеризуется резким падением. Точно так же было и в военные годы. Наступательное движение может быть отмечено уже в январе, феврале, марте 1915 г. (в среднем в месяц — 25 забастовок с 16.000 участниками, бастовавшими 47.000 раб. дней), и с этого времени оно начинает непрерывно расти. В июне 1915 г. отмечаются границы первого подъема — 164 забастовки, 80.054 участника, 228.173 раб. дня. В следующие месяцы (июль и август) движение спускается с этих высот, но уже в сентябре 1915 г. намечается новый более мощный подъем — 184 забастовки (из них 115 политических) с 113.866 участниками (из них 87.621 участников политических забастовок), бастовавшими 224.482 раб. дня (на долю политических забастовок приходится 141.998 раб. дней). Следующие месяцы (октябрь, ноябрь, декабрь 1915 г.) дают резкое падение (в декабре — 47 забастовок с 17.077 участниками, бастовавшими 51.820 раб. дней), но уже в январе 1916 года намечается новый более решительный подъем—166 забастовок с 128.450 участниками, бастовавшими 525.570 раб. дней. Движение приобретает определенную устойчивость и в течение следующих месяцев (февраля, марта, апреля) не дает резкой кривой падения (в среднем в месяц — 124 забастовки с 100.000 участников, бастовавших 430.000 раб. дней). В мае 1916 г. новый подъем — 154 забастовки с 118.198 участниками, бастовавшими 769.227 раб. дней. За маем 1916 года опять следует несколько месяцев (июнь, июль, август, сентябрь) сравнительного падения (среднее месячное количество забастовок в указанные месяцы — 100, участников — около 70.000, дней забастовок — 320.000) и в октябре

1916 г. новый мощный подъем — с 198 забастовками, 187.134 участниками, бастовавшими 608.798 раб. дней. Октябрьский 1916 года взрыв вел непосредственно к революции. После трех промежуточных месяцев последовал взрыв февральский 1917 года, принесший с собой крушение старого строя.

Таким образом, путь забастовочного движения в годы войны определяется следующими этапами:

	Число забастовок.	Число участников.	Общая продолжительность забастовок в рабочих днях.
Июнь 1915 г.	164	80.054	228.173
Сентябрь 1915 г.	184	113.866	224.482
Январь 1916 г.	166	128.450	525.570
Май 1916 г.	154	118.198	769.227
Октябрь 1916 г.	198	187.134	608.798

О том, как интенсивно было забастовочное движение в месяцы подъема и какую роль играли все усиливающиеся взрывы, можно судить по тому, что общее число забастовок в эти месяцы составляет 34% всего количества забастовок в годы войны, количество участников — 37% и сумма дней забастовки — 31%.

Первые взрывы рабочего движения — июньский и сентябрьский 1915 г. — связаны с событиями в Костроме и Иваново-Вознесенске. Положение рабочих на текстильных предприятиях в губерниях Костромской и Владимирской со времени войны стало значительно ухудшаться. Здесь с самого начала войны свили прочные гнезда крупные хлебные спекулянты, создавшие непомерное вздорожание продуктов первой необходимости. Во Владимирской губ., по заявлению местного губернатора, «главным регулятором цен на продукты продовольствия» являются «исключительно» две торговые фирмы: «братьев Курашевых» и «братьев Латышевых». Эти фирмы, во главе которых стояли местные общественные деятели (гласные думы), как «документально» выяснил губернатор, «имея громадные запасы хлеба, искусственно повышали цену на муку» [1]. Несмотря на

[1] Сборник Центрархива, стр. 76 — 77.

это искусственное вздутие цен, на все возрастающую дороговизну, заработная плата не только не повышалась, но имела тенденцию к понижению, так как текстильные фабрики с наступлением войны перешли на изготовление требуемых военным ведомством сукон из грубых сортов и почти прекратили выработку наиболее тонких сортов, дававших рабочим наибольший заработок. По свидетельству начальника Костромского жандармского управления (его секретное донесение в департамент полиции от 14 июня 1915 г.), «ежемесячный средний заработок каждого рабочего при выработке заказов военного ведомства понизился».

«Так как в это же время, — продолжает то же донесение, — рабочие видели, что, благодаря массовым заказам, фабрикант зарабатывает больше, чем до выполнения заказов военного ведомства, то естественно среди них началось брожение с целью урегулировать свой заработок и повысить его, при чем на большинстве фабрик рабочие избрали для этого свой старый путь — объявление забастовки и предъявление требований».

Рабочие крупнейшей Костромской большой льняной мануфактуры (Коншиных) так и поступили: предъявили требования и забастовали. Движение началось 1 июня 1915 г. Минимальные требования рабочих о выдаче квартирных денег в размере взрослым 2 руб., подросткам 1 руб. и малолетним 75 коп. в месяц были, однако, отвергнуты наживающимися на военных поставках промышленниками. 2 июня забастовали 3.000 рабочих, а 3 июня с утра — все 6.611 человек, работающих на мануфактуре. «3 и 4 июня, — как сообщал костромской губернатор Мякинин, — администрацией завода и рабочими велись переговоры, и 4, казалось, было достигнуто соглашение. Рабочие все время вели себя спокойно, при первом требовании расходились». Однако, это спокойное настроение сменилось 5 июня настроением для губернатора «тревожным». Соглашение было сорвано администрацией мануфактуры, вывесившей в 1 час дня 5 июня объявление о расторжении договора и закрытии фабрики на неопределенное время. О дальнейших событиях рассказывает думский запрос [1]: «В 9 часов вечера того же 5 июня на Солдатской улице собрались рабочие в количестве нескольких сот человек» (в речи Хаустова в защиту запроса указано: «примерно чело-

---

[1] Сборник Центрархива, стр. 211—214. Донесения костромского губернатора и деп. полиции, см. дело деп. полиции, 4 делопр., № 30, ч. 2,

век 700 или 800») «и пошли по направлению к Бельгийской мануфактуре. А. В. Шевалдышев [1] сообщил о появлении рабочих на улице в полицию, которая снеслась по телефону с Бельгийской мануфактурой и получила ответ, что часть рабочих мануфактуры покинула мастерские, часть же продолжает работать, но что порядок на фабрике нарушен не был. От Бельгийской мануфактуры рабочие пошли дальше по направлению к Зотовской мануфактуре, перед зданием которой натолкнулись на отряд пешей и конной полиции. Конные городовые бросились на рабочих, смяли толпу и, проскакав всю улицу, вернулись к исходному пункту. Рабочие тем временем подошли к Зотовской мануфактуре, некоторые из них вошли во двор. Во дворе мануфактуры оказался скрытым отряд солдат и полиция, арестовавшая девять человек рабочих в возрасте от 16 до 19 лет. Среди собравшихся на улице рабочих разнесся слух, что арестованных, запертых в каменной сторожке фабрики, бьют. Рабочие потребовали от полиции освобождения своих товарищей. Полиция отказалась».

«Прибывший на место костромской губернатор д. с. с. Мякинин, — рассказывает о последующих событиях департамент полиции, — лично пытался образумить вооруженную камнями толпу, требовавшую освобождения арестованных товарищей. Объявив состоявшей почти исключительно из молодежи, женщин и подростков толпе, что освобождение задержанных их товарищей выполнено быть не может, так как последние подлежат преданию суду, д. с. с. Мякинин вызвал конвой для арестованных. С наступлением вечера, когда нерасходившаяся и значительно увеличившаяся толпа стала настойчивее требовать освобождения арестованных и когда на чинов полиции, принужденных под давлением массы отступить, полетели булыжники, то конным стражникам было приказано разогнать скопище нагайками. Мера эта оказалась неисполнимой, так как нападавшие, свалив телефонные столбы, устроили баррикаду, из-за которой в стражников посыпался уже целый град камней, причинивших ушибы 14 стражникам, 4 городовым и пом. полицеймейстера Красовскому. Тогда стражникам было приказано дать залп, но, так как он, повидимому, был безрезультатен и отхлынувшая было толпа стала наступать на наряд полиции

---

[1] Директор Костромской большой льняной мануфактуры, городской голова Костромы.

с удвоенной энергией, то последовал новый залп, заставивший толпу рассеяться». При расстреле было убито, по сведениям думского запроса, двенадцать рабочих и ранено 45.

Столь энергичная деятельность местных властей нашла соответствующее одобрение свыше. Товарищ министра внутренних дел Джунковский в ответ на отчетную телеграмму губернатора в тот же день ответил ему: «Действия ваши одобряю. Выясните зачинщиков, предать их суду». Во исполнение этого предписания были арестованы и преданы суду 18 человек за подстрекательство к забастовке в предприятии, работающем на оборону, и 15 человек за насильственное нападение на чинов полиции.

Расстрелами же закончилось и движение рабочих в августе 1915 года в Иваново-Вознесенске. Тяжелое экономическое и правовое положение рабочих, резкое недовольство войной вызвали забастовочное движение в Иваново-Вознесенске. В этих забастовках, носивших, по свидетельству фабричной инспекции, «демонстративно-политический характер» — протеста против войны, приняли участие 32 предприятия с 25.182 забастовавшими рабочими. «10 августа, в первый день забастовки,—рассказывает думский запрос [1],—объявив общую забастовку, рабочие Иваново-Вознесенска целый день обсуждали создавшееся положение, около же 7½ час. вечера многотысячная, но совершенно безоружная толпа рабочих пошла на площадь к городской управе. Здесь двигавшаяся масса была встречена залпом, последовавшим без всяких предупреждений, как сообщают нам об этом лица, бывшие в толпе. Упали убитые и раненые. Толпа бросилась бежать; вдогонку новые выстрелы — новые жертвы». По сведениям «Социал-Демократа» (№ 47, 1915 г.), в Иваново-Вознесенске было убито 100 и ранено 40 рабочих. Расстрелы рабочих в Костроме и Иваново-Вознесенске «гулким эхом отдались по России» [2] и создали полосу подъема в рабочем движении.

Отмеченный нами сентябрьский взлет забастовочной волны носит ярко-политический характер и захватывает по преимуществу крупнейшие предприятия Петрограда и Москвы. Основной причиной этих забастовок является протест против самодержавия и войны, непосредственной причиной

---

[1] Сборник Центрархива, стр. 214 — 215.

[2] См. изданную по поводу расстрелов прокламацию комитета Тверской группы (такое название носила одна из работавших в Москве большевистских групп). Меницкий, т. II, стр. 62.

во многих предприятиях был протест против репрессий Во главе стачечного движения в Петрограде идет Путиловский завод и Путиловская верфь, где 2 сентября начинают забастовку 17.593 рабочих. Путиловский завод постоянно привлекает внимание охранительных властей старого режима, внимание это особенно усиливается в конце августа 1915 г, когда охранка стала наблюдать на заводе «особое оживление», явившееся «результатом активной деятельности партийных рабочих и вольнонаемных служащих правления больничной кассы Путиловского завода, где за последнее время повторно отмечено было розыскной работой отделения особо интенсивное группирование наиболее активных сил революционной социал-демократической среды» (отношение охранного отделения в деп. полиции от 31 августа 1915 г., № 18196) [1]. В ночь на 30 августа охранка арестовала организовавшуюся на заводе большевистскую группу, и это создало непосредственный повод для давно подготавливавшегося протеста. За Путиловским заводом последовали другие петроградские фабрики и заводы (всего бастовало в Петрограде 33 предприятия с 84.313 рабочими), а с 4 сентября движение перекидывается в Москву, где бастуют 22.092 рабочих в 76 предприятиях. Сентябрьские забастовки, несомненно, подняли настроение рабочей массы и создали благоприятные условия для дальнейшего движения в более широком масштабе. Подготовка к выступлению особенно деятельно стала вестись в Петрограде. Охранное отделение, с большой тревогой наблюдавшее эту подготовку, в конце ноября (отношение в деп. полиции от 30 ноября 1915 г., № 226) отмечает усиленную организацию Петербургским Комитетом большевиков в отдельных фабрично-заводских предприятиях особых стачечных комитетов, которые, в свою очередь, формируют из своих представителей районные стачечные комитеты. Во главе движения должен стать общегородской стачечный комитет из партийных представителей и делегатов от районных стачечных комитетов, который впоследствии примет на себя функции Совета рабочих депутатов. Сообщая об этом плане организации, предложенном Петербургским Комитетом и усиленно обсуждавшемся на заводских и партийных собраниях, охранка отмечает, что в настоящее время «замечается желание перенести стачечную

---

[1] Доклад охранного отделения., см. в деле деп. полиции, ос. отд., № 5, ч. 57, за 1915 г.

кампанию на улицу с стремлением захватить широкие слои населения».

Ноябрь и декабрь проходят в усиленной организационной работе. Рабочие Петрограда, по словам охранки, смотрят на наступающую годовщину 9 января как на день начала второй революции. В целях ослабления предполагающейся забастовки и вооруженного выступления, охранное отделение произвело 19, 21, 27 и 30 декабря 1915 г. массовые аресты среди большевиков. Несмотря, однако, на эти меры, движение рабочих 9 января знаменует собою, несомненно, новое направление массового рабочего движения. Этот день отмечен не только забастовками протеста, в которых принимают участие в Петрограде 45.155 рабочих 31 предприятия, он сопровождается уличными демонстрациями, краткое описание которых дает то же охранное отделение (отношение от 9 января 1916 г., № 3432) [1].

Демонстрации начались на Выборгской стороне, отличавшейся «особой повышенностью настроения». «Выходившая с завода „Старый Лесснер“ группа рабочих двинулась к заводу Нобель с целью снять рабочих этого завода, но была рассеяна встретившим ее нарядом полиции; в то же самое время все рабочие завода „Новый Лесснер“ двинулись плотной массой с пением „марсельезы“ и двумя красными флагами по Большому Сампсониевскому пр., но толпа, встреченная нарядом полиции, по предложению пристава спокойно разошлась по домам. В 11 час. дня у клиники Вилье собралась группа рабочих и направилась по Большому Сампсониевскому пр., но тут же была рассеяна подоспевшим нарядом конных городовых».

Здесь произошел очень значительный инцидент, показавший, что в среде петроградского гарнизона созрело уже сочувствие и желание поддержки рабочего движения. Во время столкновения рабочих завода «Новый Лесснер» с жандармами, проезжавший мимо военный автомобиль умышленно направил мотор на взвод жандармов и свалил одного из них вместе с лошадью. «Увидевшие это рабочие, — рассказывает охранное отделение, — закричали ура, на что ехавшие в автомобиле шесть нижних чинов, размахивая снятыми с головы шапками, ответили такими же криками ура».

«В 7 час. вечера вышедшая с завода Нобель группа рабочих намеревалась толпой двинуться к клинике Вилье, но была

[1] Этот доклад см. в Сборнике Центрархива, стр. 236 — 240.

разогнана подоспевшим нарядом полиции. Попытка устроить демонстрацию с выбрасыванием красного флага наблюдалась также и среди рабочих Петроградского Металлического, что на Полюстровской набережной, завода, вышедших в числе 7.068 человек и намеревавшихся пройти к Финляндскому вокзалу на соединение с рабочими других заводов, прекратившими в это же время работы. Толпа была встречена нарядом полиции, при чем старшим помощником пристава 1 участка Выборгской части графом Татищевым был отобран красный флаг, после этого демонстранты спокойно разошлись по домам. Совершенно аналогичную попытку произвести демонстрацию сделали рабочие завода „Айваз", вышедшие из мастерских с тремя небольшими красными флагами. Демонстранты были встречены нарядом полиции, заметив который, спокойно разошлись по домам».

Эти краткие официальные рассказы даже в малой степени не способны передать того возбуждения, которым был охвачен пролетариат Петрограда в январские дни. Возбуждение это было столь велико, что и в следующие дни на некоторых фабриках и заводах продолжались попытки демонстративных выступлений, и в следующие месяцы даже можно найти отражение того боевого настроения, которым был охвачен петроградский пролетариат в январские дни 1916 года.

Из этих последующих движений, ведущих свое начало с январского выступления, прежде всего следует отметить февральское движение на Путиловском заводе [1] и потому, что оно само по себе имело значительный характер, и потому, что оно вызвало волну сочувствия не только в Петрограде, но и во всей промышленной России. Забастовка на Путиловском заводе началась на экономической почве: рабочие электрического цеха, предъявив требование о повышении заработной платы и получив отказ от администрации завода, не пожелавшей даже вступить в переговоры с рабочими, 2 февраля забастовали, а 5 февраля забастовка охватила уже весь завод. «Забастовочное движение рабочих Путиловского завода, — констатирует охранное отделение (отношение в департамент полиции от 28 февраля 1916 г., № 6972), — в последнее время приняло новую фазу и, по сведениям секретной агентуры, возникнув исключительно

[1] О февральском движении на Путиловском заводе см. Сборник Центрархива, стр. 252 — 269.

на экономической почве с предъявлением требования о повышении заработной платы, уже к 5 февраля в рабочее движение были внесены и признаки политического протеста, так как заводский коллектив „большевиков-ленинцев“ начал агитацию за устройство забастовки в возможно широком масштабе, как протест против репрессий в отношении рабочих и милитаризации труда». Забастовка охватила весь Путиловский завод. Несмотря на поголовные аресты партийных работников, произведенные в конце февраля — начале марта, аресты и высылки путиловцев, забастовка с перерывами продолжалась весь февраль.

Подводя итоги путиловской стачки, Нарвский районный комитет партийной (большевистской) организации РСДРП в своей прокламации писал: «Товарищи путиловцы в этой двухнедельной борьбе отлично узнали свою способность энергично отстаивать свои интересы и еще раз убедились, что капитал в борьбе с пролетариатом не одинок. Всякий раз, когда мы, рабочие, встаем на защиту своих попранных прав, на помощь ему выступает царское правительство и пускает в ход свой вооруженный кулак. С первых же дней нашей стачки царское правительство в союзе с буржуазией старалось обессилить и расстроить наши ряды. На предъявленные нами справедливые требования они ответили локаутом, арестами, ссылками и каторгою, но этого для них мало: две тысячи наших товарищей, одетые в шинели, были посланы в армию, которая превратилась в каторгу. Вот, товарищи, результаты нашей борьбы, но это не должно ослабить нашу боевую энергию в предстоящей борьбе с новым эксплуататором-правительством, которое взяло в свои руки завод и вместе с тем нас под свою „отеческую опеку“».

Движение не ограничилось одним Путиловским заводом, забастовки солидарности возникли и на других петроградских заводах. «Петербургский пролетариат, — продолжает листовка Нарвского комитета, — остался верным своим революционным традициям и энергично выступил в количестве более 100.000 человек с протестом и сейчас он устраивает сборы на пострадавших товарищей. Оказывая эту поддержку, он знает, что этим самым он приобретает нового борца за рабочее дело в лице путиловских рабочих». Нарвский комитет не ошибся: действительно, «отеческая опека» правительства оказалась не легче опеки промышленников, и путиловцам не раз в течение 1916 и 1917 г.г. приходилось выступать на борьбу с новым «хозяином».

Возбужденное состояние не покидало рабочих, особенно петроградских, и в следующие месяцы. Забастовочное движение, как указывалось, в феврале — апреле 1916 г. имеет постоянное стремление к возрастанию, давая к маю месяцу новый подъем и незначительное падение в следующие за маем месяцы. Характер забастовочного движения в это время почти исключительно экономический—борьба за повышение, отставшей от неимоверно возросших цен на продукты первой необходимости, заработной платы. Характеризуя этот переломный момент, Петербургский Комитет в листовке «Стачечное движение и задачи момента» (июнь 1916 года) говорит:

«Движение открыто еще не вышло из стадии экономической борьбы за повышение заработной платы, как следствие растущей дороговизны. Массы еще недостаточно сознают, что при настоящих условиях всякое движение пролетариата должно неизбежно вылиться в протест против войны и требование немедленного прекращения ее. Надо лишь сильнее и сильнее раскачать маятник революции и довести дело борьбы народных масс до той высоты, когда бы пробил час свержения власти воров и убийц романовского отродья». «Из экономической борьбы с капиталом,—продолжает та же листовка, — в стенах фабрик и заводов движение должно превратиться в борьбу широко политическую, в борьбу за власть, в гражданскую войну. Лозунги: долой войну и долой царскую власть должны быть провозглашаемы при каждой стачке и должны выноситься на улицы демонстрациями».

В этом направлении и пошло дальнейшее движение пролетариата, все сильней и сильней стал раскачиваться маятник революции. Первые проблески политической борьбы появились еще в апреле 1916 г., когда в Петрограде в день Ленского расстрела (4 апреля) бастовали 8.000 рабочих на 4 предприятиях. В этом же месяце произошла длительная забастовка всего Невского судостроительного завода (6.200 рабочих). Забастовка начата была 180 рабочими новоснарядной мастерской завода, требовавшими увольнения мастера. Увольнение забастовщиков послужило поводом для забастовки-протеста всего завода. Забастовки-протесты против увольнения и ареста рабочих происходили в эти месяцы и в других местах. Такие забастовки возникли в Ростове-на-Дону (в июне 1916 г. на фабрике акционерного общества В. И. Асмолов и К°), в Москве (в июне 1916 г. на машиностроительном заводе Л. А. Михельсона), в Харькове (в июне 1916 г. на

заводе Русского паровозостроительного и механического общества бастовали 5 дней 4.680 рабочих, требуя освобождения из-под ареста старосты инструментального отдела завода и члена правления больничной кассы; забастовка прекратилась только после освобождения арестованных; на том же заводе в июле бастовали 5.000 рабочих, требуя принять обратно уволенных рабочих; эта забастовка была поддержана другими харьковскими заводами, в частности заводом земледельческих машин т-ва «М. Гельферих-Саде»), в Сормове (в июле забастовали 12.115 рабочих Сормовского завода, требуя обратного приема на завод отданных в солдаты двух рабочих) и в целом ряде других городов.

Таким образом, на-ряду с напряженным экономическим забастовочным движением в летние и осенние месяцы 1916 г., месяцы сравнительного политического затишья, не прекращалась и усиливалась политическая борьба. Поводы политических забастовок этого времени с достаточной яркостью свидетельствуют о полном единении рабочей массы, о созревшей в ее среде организованности, дающей возможность выступать всем против правительственных попыток расколоть, разъединить, обессилить монолитную рабочую массу. Эта организованность рабочей массы должна была способствовать новому подъему политической борьбы. Все условия для такой борьбы к осени 1916 г. были на-лицо. Петербургский Комитет РСДРП (б) в прокламации от октября 1916 г. [1], обращенной к пролетариату Петербурга, дает такую вполне исчерпывающую и яркую оценку положения:

«Продовольственный кризис, отсутствие продуктов первой необходимости и растущая не по дням, а по часам дороговизна — это все последствия ведущейся ныне борьбы на истощение. Для России, кроме того, дело усложняется еще полным расстройством хозяйственной жизни страны и, в первую голову, средств сообщения, к которым привело ее господство разбойничьей царской шайки; наконец, огромную роль играет и та волна бесстыднейшей спекуляции, которая залила своей грязной пеной всю страну. Когда же нажиться, как не теперь, вот вся идеология современных „хозяев жизни“, и всякий — от министра до лавочника — спешит урвать свою долю добычи. Крепостническое дворянство, под видом „твердых цен“ вздувающее цены на хлеб, сахарозаводчики, припрятывающие запасы сахара, чтобы вздуть на него

[1] Шляпников. «Канун 17 года», стр. 233 – 240.

цены, петербургские городские заправилы, наживающиеся на тухлой рыбе и тухлом мясе, — все прикладывают тут свои грязные лапы, и над всей этой свистопляской зарвавшихся хищников парит все тот же двуглавый орел — символ Романовской монархии, на крови и золоте старающийся укрепить свое господство».

«Что могут и что должны делать народные массы и, в первую голову, пролетариат? Как бороться с продовольственным кризисом, с надвигающимся призраком голода? Что противопоставить натиску хищников-мародеров?» — спрашивает цитируемая листовка Петербургского Комитета. «Вы должны твердо запомнить, — дается ответ в прокламации, — что для того, чтобы устранить последствия, вы должны устранить причины; чтобы устранить дороговизну и спастись от надвигающегося голода, вы должны бороться против войны, против всей системы насилия и хищничества». Петербургский Комитет заканчивает призывом к решительной борьбе. «Сплоченными рядами, под сенью широко развернутых красных знамен революционного социализма, мы выступим решительно и победим. Да здравствует наша борьба!»

Приведенная прокламация Петербургского Комитета послужила сигналом к давно назревавшей среди пролетариата Петрограда политической стачке. «Как и в предыдущие годы, — рассказывает А. Г. Шляпников («Канун 17 года»), — движение началось и проявилось особенно организованно и революционно на Выборгской стороне. 17 октября началась забастовка на заводе Рено. Рабочие пошли снимать другие заводы. Появилась полиция, начала разгонять. Особенно крупные, многочисленные группы рабочих были около завода „Новый Лесснер“. Рядом с этим заводом были расположены казармы 181 запасного пехотного полка. Между солдатами и рабочими отношения были чрезвычайно дружественные. Среди толпившихся рабочих были солдаты». «Когда полиция начала свирепствовать, — продолжает А. Г. Шляпников, — и напала с шашками и нагайками на толпу, солдаты соседней казармы, смотревшие на улицу через низкий забор, не выдержали, повалили забор и вместе с рабочими побили и разогнали полицию. Властями были вызваны казаки для ареста солдат и рабочих. Но казаки не решились действовать, и их убрали». Это сближение солдат 181 запасного пехотного полка с рабочими, отмеченное и департаментом полиции, возбудившим (отношение 25 октября № 110080)

перед начальником Петроградского военного округа Хабаловым ходатайство о переводе казарм этого полка из рабочего района, так как «это обстоятельство несомненно более всего способствует нежелательному сближению солдат с рабочими»[1], — это сближение являлось одной из самых значительных побед октябрьского движения. Само движение приобрело небывалый за все время войны грандиозный характер. С 17 октября по 29 октября бастовало 115 предприятий с 138.076 участниками. Начавшаяся 17 октября забастовка, по мысли Петербургского Комитета, не являлась последней схваткой в борьбе против царской монархии, — она была только одним из этапов в этой борьбе, а потому уже 20 октября Петербургский Комитет призвал к окончанию забастовки. Предлагая временно закончить начатую войну с самодержавием, — «она принесет нам действительную победу, если мы сумеем во всеоружии согласованности развивать ее», — Петербургский Комитет в своей прокламации призывал: «Возвращайтесь теперь к станкам с тем, чтобы покинуть их снова, чтобы всеобщей стачкой в союзе с армией повести последний штурм за низвержение самодержавия, за установление демократической республики, восьмичасового рабочего дня, конфискации помещичьих земель».

Рабочие Петрограда 20 октября прекратили забастовку, но уже 26 октября им снова пришлось оставить станки для объявленной по призыву Петербургского Комитета забастовки-протеста против суда над матросами и солдатами, принадлежащими к военной организации Петербургского Комитета. В день суда 26 октября забастовали 130.000 рабочих, продолжавших стачку в течение трех дней. Объявленный промышленниками и правительством локаут бастовавших 26 октября предприятий вызвал новую бурю возмущения в самых широких кругах петроградского пролетариата. Петербургский Комитет в прокламации от 1 ноября так формулировал задачи пролетариата в связи с объявленной ему правительствующими классами войной: «В ответ на закрытие заводов мы призываем всех, еще работающих, оставить работу с требованием: немедленное открытие предприятий. Работы и хлеба! Пусть предательские замыслы разбить наши ряды встретят еще бо́льшую сплоченность и единодушие! Долой локаут! С этим лозунгом

---

[1] Сборник Центрархива, стр. 309.

идите от завода к заводу, от предприятия к предприятию! Оставим работу, пока не будут приняты все до одного выброшенные теперь на улицу! Нужно отстоять свое право жить и бороться! Чтобы об этих требованиях знало все население города, чтобы спор между рабочими и их угнетателями вынести из глухих углов городских предместий, пойдем, организуя демонстрацию с кличем:

«Да здравствует стачка за снятие локаута!»

Очевидно, почувствовав всю серьезность положения, промышленники и правительство немедленно отменили локаут. Заводы и фабрики были открыты 1 ноября.

Октябрьское движение в Петрограде перекинулось в Москву, где в ноябре 1916 г. бастовали с политическими лозунгами 10.867 рабочих на 14 предприятиях. Октябрьское и ноябрьское движение являлось несомненно прелюдией к неизбежной революции. Департамент полиции отмечает в эти месяцы «сильно приподнятое настроение рабочих Петрограда» (телеграмма директора департамента полиции м-ру вн. дел от 15 ноября 1916 г.). Петербургский Комитет, — сообщается в той же телеграмме, — намерен «устроить на заводах ряд митингов на темы о текущем моменте и войне». Это свое намерение Петербургский Комитет осуществил в полной мере. Такие митинги в октябре-ноябре 1916 г. происходили на ряде петроградских заводов. На митингах принимались предлагавшиеся Петербургским Комитетом резолюции о современном положении, продовольственном кризисе, отношении к Государственной Думе, неизменно заканчивавшиеся призывами стать на путь решительной борьбы против царской монархии и правящих классов под лозунгом: «Долой войну!». «Конец 1916 года, — отмечает департамент полиции, — пробудил среди социал-демократов большевиков мысль о необходимости создавать боевые организации, вооружаться и все выступления сопровождать активными действиями». Днем выступления в Петрограде была намечена годовщина кровавого воскресенья — 9-ое января 1917 года. Охранное отделение, принимая предохранительные меры, арестовано перед 9-ым января весь состав Петербургского Комитета РСДРП (б), 3 нелегальных техники, 2 легальных типографии во время печатания большевистских листовок и значительное количество наиболее активных работников. Этим, по заявлению департамента полиции, «попытки подполья отметить 9-ое января были ослаблены в значительной степени, и спокойствие стачки оказа-

лось следствием отсутствия объединяющего и руководящего центра — Петербургского Комитета» [1].

Однако, несмотря на это, 9-январская стачка превзошла по своим размерам не только прошлогоднюю в этот день, но и все вообще стачечные выступления за годы войны. Количество бастовавших больше даже, чем в бурные октябрьские дни (1916 года)». «Блестящий успех забастовки превзошел все самые смелые ожидания» (письмо исполнительной комиссии в бюро ЦК. Шляпников «17 год»). Число забастовщиков, по подсчетам исполнительной комиссии, определялось в 160—200 тысяч человек. По мнению Шляпникова, «более близкой к истине, но все же минимальной цифрой являлось 300.000 рабочих, бастовавших в этот день». В некоторых районах (Выборгском, Невском, Петербургском, Московском) забастовка приобрела характер всеобщий или во всяком случае приближалась к нему. На многих заводах Выборгской стороны устраивались митинги, с которых рабочие выходили с пением революционных песен, а кое-где и с красными флагами; демонстрации с красными флагами были и за Московской заставой, где на улице выступал оратор.

Столь же грандиозный характер носило движение в день 9 января в Москве. «Еще в конце минувшего (1916) года, — доносит начальник Московского охранного отделения в департамент полиции (от 11 января 1917 г. № 296264), — в местном социал-демократическом большевистском подполье был поставлен на очередь вопрос о подготовке ко дню 9 января всеобщей в г. Москве забастовки с устройством уличных демонстраций». Охранное отделение произвело массовые аресты среди большевистских деятелей, но, «несмотря, однако, на эти аресты, благодаря энергии некоторых оставшихся на свободе членов названного подполья», удалось сорганизовать Московский Комитет, выпустивший ко дню 9 января листовку.

«Мы переживаем, — писалось в этой листовке [2], — небывалое время, кровавые дни: под царским знаменем, за дело капитала бьются на фронте миллионы рабочих, остальные стонут под тяжестью дороговизны и всей экономической разрухи. Разбиты рабочие организации, придушен го-

---

[1] Материалы деп. полиции о 9 января 1917 г. в Петрограде и Москве см. в Сборнике Центрархива, стр. 314 — 322.

[2] Сборник Центрархива, стр. 320.

лос рабочих. Изнасилованы душа и тело рабочего». «Где выход? — спрашивает листовка. — Предатели рабочего дела, гвоздевцы, зовут и нас, оставшихся в тылу, под знамена буржуазии. Нет! Конец войне и всем насилиям положит только революционное выступление рабочего класса под своим, под красным знаменем социализма». «Нужно вырвать власть, — продолжает листовка, — из рук царского правительства и передать ее в руки правительству, созданному революцией, для заключения такого мира, который нужен рабочему классу, для создания такого политического строя, который нужен рабочим». Московский Комитет в заключение призывает московских рабочих объявить в день 9 января всеобщую забастовку: «Бросайте, товарищи, дружно работу, выходите на улицу, подымите голову».

Призыв Московского Комитета нашел широкий отклик среди московского пролетариата. С утра после митингов 20% (по сведениям А. Г. Шляпникова [1]) московских заводов забастовали, после обеда число это увеличилось до 30%. В течение дня в городе происходили демонстрации. С утра на Тверской бульвар, по призыву Московского Комитета, собралось до 3.000 рабочих. Однако, в виду собранной в значительном количестве заранее полиции, демонстрировать было невозможно. «На бульваре появились, — рассказывает А. Г. Шляпников, — отряды конной полиции. Товарищи, сговорившись, небольшими группами направились на Театральную площадь... В начале третьего часа на Театральной площади собралась толпа рабочих с небольшим количеством студентов. Запели „марсельезу“ и с развернутым красным знаменем, на котором было написано: „Долой войну!“, „Да здравствует РСДРП!“, прошли от Неглинной улицы до половины Охотного ряда и обратно. Толпа выросла до 1.000 человек, и движение трамваев по этому узлу приостановилось. Прохожие останавливались, образуя большие толпы наблюдающих. Слышались одобрительные возгласы от проходивших в толпе солдат». Около гостиницы Метрополь демонстрация была рассеяна полицией, арестовавшей 15 человек. Такие же демонстрации происходили у Красных ворот, на Лубянской площади, на Елоховской ул. и на Пресне.

Январские 1917 года забастовки и демонстрации очень подняли настроение рабочих, и в сущности то, что писал на-

---

[1] „17 год“, стр. 25 — 27.

чальник Московского губ. жандармского управления (от 12 января 1917 г.) о настроении рабочих Коломенского завода[1], — достаточно кому-нибудь громко сказать «бросай работу», «и все настолько нервно напряжены, что работу бросят», — такое настроение в рабочей среде сделалось всеобщим. Рабочий класс стоял накануне решительной схватки с самодержавием, силы его для такой борьбы окрепли, — и февральское рабочее движение, непосредственно перешедшее в вооруженную борьбу с самодержавием, естественным образом не могло не перейти в победоносную революцию.

Революция победила, царская монархия развалилась в несколько дней. Назреванию революционного кризиса и быстрому его разрешению способствовало, по определению В. И. Ленина[2], «сочетание целого ряда условий всемирно-исторической важности». «Без трех лет величайших классовых битв и революционной энергии русского пролетариата 1905—1907 годов была бы невозможна столь быстрая, в смысле завершения ее начального этапа в несколько дней, вторая революция. Первая (1905 года) глубоко взрыла почву, выкорчевала вековые предрассудки, пробудила к политической жизни и к политической борьбе миллионы рабочих и десятки миллионов крестьян, показала друг другу— и всему миру — все классы (и все главные партии) русского общества в их действительной природе, в действительном соотношении их интересов, их сил, их способов действия, их ближайших и дальнейших целей. Первая революция и следующая за ней контр-революционная эпоха (1907—1914 г.г) обнаружила всю суть царской монархии, довела ее до „последней черты“, раскрыла всю ее гнилость, гнусность, весь цинизм и разврат царской шайки с чудовищным Распутиным во главе ее, все зверства семьи Романовых — этих погромщиков, заливших Россию кровью евреев, рабочих, революционеров, этих „первых среди равных“ помещиков, владеющих миллионами десятин земли и идущих на все зверства, на все преступления, на разорение и удушение любого числа граждан ради сохранения этой своей и своего класса „священной собственности“. Могучим ускорителем назревавшего в этих условиях революционного кризиса была империалистская

---

[1] Сборник Центрархива, стр. 322—323.

[2] «Первый этап первой революции», Собрание сочинений, т. XIV, ч. I, стр. 5.

война, которая с объективной неизбежностью должна была чрезвычайно ускорить и невиданно обострить классовую борьбу пролетариата против буржуазии, должна превратиться в гражданскую войну между враждебными классами... Революционные рабочие и солдаты разрушили до основания гнусную царскую монархию».

Определяя Февральскую революцию как «начальный», первый этап борьбы пролетариата, В. И. Ленин видел неизбежность перехода к конечному, «второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства» [1]. Пролетариат в союзе с крестьянством «может пойти и пойдет, — заканчивает В. И. Ленин первую статью, — используя особеннности теперешнего переходного момента, к завоеванию сначала демократической республики и полной победы крестьянства над помещиками, а затем к социализму, который один даст измученным войной народам мир, хлеб и свободу».

---

[1] «О задачах пролетариата в данной революции», Собрание сочинений т. XIV, ч. I, стр. 17.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕВРОПЕЙСКАЯ ВОЙНА И ПРОЛЕТАРИАТ.

Непрерывно растущий европейский капитал вечно стоит перед роковой задачей — завоеванием все новых и новых рынков сбыта. Он везет свои товары в отдаленные колонии, он наводняет ими более отсталые в промышленном отношении страны, как Персия, Турция и Россия, — и все же новые груды товаров ждут места сбыта, и новые свободные капиталы ищут места применения. И в погоне за рынками международный капитал становится националистичным, старается вырвать всякий новый рынок из рук своего соседа. Соперничая друг с другом, немецкий, французский, английский и пр. капиталы враждебно сталкиваются не только на территории экономически отсталых стран, которые они привыкли считать своей законной добычей, но и стремятся вытеснить экономически сильного соседа-соперника с его же собственного внутреннего рынка. Европейская буржуазия, сплоченная единой верой в капитал и единой идеей наживы, превращается в ряд озлобленных хищников, готовых перегрызть друг другу глотки. И, выбрасывая на рынок дешевые товары, каждый соперник в то же время готовит пушки, винтовки и броненосцы для обеспечения успеха своим торговым завоеваниям.

За последние десятилетия и конкуренция капиталистов отдельных стран и вооружения их правительств росли в угрожающих размерах. Никто не сомневался, что скопившиеся тучи разразятся военной грозой. Подготовлялись военные силы, велись закулисные переговоры, создавались оборони-

тельные союзы. Весь вопрос был лишь в том, кто кого перехитрит, кто кого лучше обманет, кто удачнее выберет момент для нападения на противника. И ясно было, что мишенью ненависти и вражды главных европейских стран явится именно Германия, подчинившая своему экономическому влиянию Россию, отнявшая 40 лет тому назад у Франции одну из самых богатых и промышленных областей, наводнившая Англию своими фабрикатами и грозящая сравняться с нею силами на море. Напрасно буржуазные «патриоты» всех воюющих стран вопят, что на их отечество напал кровавый враг, что они помимо воли вовлечены в войну, что им надо защищать родину, иначе враг захватит ее и погибнут все «культурные ценности». Так стараются оправдать свое правительство буржуазные политики и Франции, и Германии, и России, и Англии. И одно уже то, что никто из них не хочет принять ответственности за нападение, а каждый старается переложить ее на противника, лишний раз подтверждает, что все одинаково повинны, ибо каждый готовился к войне и каждый ждал момента, когда можно схватить соперника за горло. Старание же свалить ответственность на врага есть лишь гнусное лицемерие, рассчитанное на возбуждение патриотизма в политически невоспитанной, малокультурной, но любящей родину, мелкобуржуазной среде. Буржуазия ведет свои войны чужими руками: для этого есть крестьянство, есть пролетариат и есть «хитрая механика» военно-государственной организации, при помощи которой можно заставить чуждые интересам буржуазии слои народа идти проливать кровь за владельцев капитала. Но, чтобы «хитрая механика» работала хорошо, не так, как в японскую войну, буржуазия и ее правительство стараются возбудить патриотизм и кричат о нападении на отечество, о необходимости защищать его. К сожалению, происки буржуазии оказались в значительной мере успешными. Не только серая масса крестьянства поверила тому, что капитал есть отечество, а сокращение прибыли капиталистов равнозначно гибели культуры, но и второй Интернационал, который долго держал знамя революционного пролетариата, в лице представителей виднейших социалистических партий оказался в хвосте шовинистически настроенных господствующих классов. С.-демократы Германии, Франции, Бельгии и Англии, не оказав перед началом войны должного сопротивления правительствам своих стран, дали им деньги на ведение братоубийственной для пролетария бойни. В самый

ответственный момент в истории рабочего движения, в грозное время величайшего напряжения всех общественных сил, оппортунистические вожди западно-европейского социализма растоптали красное знамя революционного пролетариата, не сумев подняться выше точки зрения производительных сил собственной страны. В Бельгии и Франции они даже вошли в министерства, взяв на себя ответственность за действия правительства; жалкими фразами о «защите отечества» силятся они прикрыть измену социализму. Нет оправдания социалистам, создающим теории взаимного истребления друг друга рабочими разных стран. Действительность оправдала взгляд революционных с.-д., указывавших на растущую опасность оппортунизма, на стремление его унизить социалистическую революцию до «мирного врастания в социализм», революционную тактику пролетариата — до «реальной» и «либеральной» политики рабочего класса.

Наши русские оппортунисты не остались в долгу перед своими собратьями в Европе. «Не противодействие войне» — вот жалкая позиция наших социал-патриотов. В угоду победе над германским милитаризмом и расцвету российской промышленности они принесли в жертву общие интересы рабочего класса всего мира.

Но, к счастью, не все с.-д. пошли на поводу у капитала. Во всех странах оказались бо́льшие или меньшие группы, не поддавшиеся общему увлечению, оставшиеся верными знамени международного социализма. Для них Интернационал не пустое слово, не парадный съезд раз в четыре года для обмена речами и любезностями. Они знают и ни на минуту не забывают, что международное братство рабочих есть необходимый плод развития современного общества, есть залог победы рабочего класса над капитализмом и осуществление социалистического строя.

Социал-демократия всегда и всюду является врагом войн, ведущихся в интересах буржуазии, для расширения и укрепления ее господства. Ибо такие войны приводят в конце концов не к победе над каким-то воображаемым врагом, угрожающим отечеству, а к порабощению рабочего класса и в победившей и в побежденной стране.

В странах побежденных на пролетариат тяжелым бременем ляжет расплата за колоссальные военные издержки, совершенные враждебным ему правительством; в странах торжествующих окрепшая буржуазия с удвоенной силой будет стремиться раздавить революционный пролетариат.

Но, вместе с тем, момент крупнейшего в мировой истории столкновения экономических интересов капиталистов есть момент, когда революционное выступление пролетариата может иметь наибольший шанс на решительную победу.

Пролетариат России здоровым чутьем понял, что бойня, затеянная правительствами европейских государств, несет ему новые тяжелые бедствия. Мир, заключенный европейской дипломатией современных государств, упрочит лишь положение крупной буржуазии.

Сомнений в направлении политики России по заключении мира не остается: порабощение Галиции, уничтожение остатков финляндской конституции, травля инородцев, разгром рабочих организаций, осуждение в ссылку рабочих депутатов Государственной Думы и пр. — ясно говорят, что готовит русское правительство пролетариату и демократии.

Не в лучшем положении очутится пролетариат и демократия других европейских стран. О назревающем конфликте с правительством говорят заявления революционных с.-демократов всех воюющих стран.

На смену погубленного оппортунизмом второго Интернационала придет третий Интернационал, Интернационал революционного пролетариата.

В какой бы момент ни вспыхнула гражданская война, война пролетариата и демократии с буржуазией и правительством своей страны, российский пролетариат будет готов поднять красное знамя революции.

Борьба выходит за пределы национальных государств. Современный капитализм естественным ходом своего развития стал в противоречие с им же созданными политическими границами. Демократические правительства, созданные победоносной революцией, будут приведены к необходимости объединиться в федерацию европейских государств, в Соединенные Республиканские Штаты Европы.

Объединенный пролетариат против объединенной буржуазии!

Соединенные Штаты Европы — арена последнего боя за социализм!

Да здравствует гражданская война!

Да здравствует Третий Интернационал!

Да здравствуют Соединенные Республиканские Штаты Европы!

Да здравствует социализм!

Петербург, 7 апреля 1915 года.

Петерб. Комитет РСДРП.

(С печатного подлинника).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Товарищи! Вот уже год, как земля захлебывается в нашей крови. Подкошены миллионы цветущих жизней, разорены целые края и народности, калеки, как привидения, плетутся на каждом шагу, а голод протягивает к рабочему свои костлявые руки. Да, это все еще не конец. Буржуазия усиленно мобилизуется. На вновь открытых земскими и городскими союзами мастерских и заводах заготовляются новые смертоносные орудия и снаряды. В ряды войск призываются 18-летние юноши, а за ними последуют ратники ополчения 2 разряда. Подготовляется новая бойня, новый год кровавых жертв. Мы, товарищи, умеем жертвовать собою, когда этого требует наше рабочее дело. Это мы уже не раз на деле показали. Было бы ошибочно и непростительно, если бы мы охотно и сознательно проливали кровь в пользу нашего заклятого врага — буржуазии. Вот почему следует задуматься над тем, чем же является война. С трибуны Гос. Думы и всевозможных съездов, при содействии печати нас стараются уверить, что это — война народная, что мы должны бороться за веру, славянство и родину, за прогресс и человечество. Мы знаем, товарищи, что это все — явная ложь. История нам говорит, что войны всегда велись господствующими классами в целях наживы, хотя прикрывались такими же громкими фразами, как сейчас. В наш капиталистический век войны вызываются соперничеством буржуазии национальных государств. Капиталистические классы живут лишь одною мыслью о наживе и стремятся произвести как можно больше товаров. Скоро накопляется такое количество товаров, что сбыть их на внутреннем рынке невозможно. Накопляются не только товары, но и капитал; является необходимость сплавить его на внешний рынок—за границу.

К этому прибавляется еще стремление наживы на счет государств. К этому стремятся все государства. Тут сталкиваются их интересы, которые нельзя уладить мирным путем, а только войной. Примером этого служит русско-японская война, в которой обе стороны хотели разжиться на счет дряхлого Китая. И то же самое мы видим в настоящей войне: австрийская буржуазия протянула свои щупальцы к Сербии; по своей старой болезни, к Ближнему Востоку тяготела Россия и выступила в роли защитницы Сербии, скрывая под громкими фразами освобождения славянства те же завоевательные цели. Выход своим капиталам искала и Германия, давно выступившая серьезной соперницей не только с Францией, но и с Англией. С одной стороны, она стремилась открыть себе рынки таких отсталых государств, как Россия и Турция, с другой — побить английскую промышленность. Вообще стремление всей буржуазии сводилось к одному — обеспечить рынок для своих товаров. Но свободных колониальных земель уже нет. Все державы оградили себя от чужих капиталов высокими таможенными стенами, хотя для своих капиталов хотели бы видеть эти стены раскрытыми. Осталась лишь одна возможность удовлетворить жажду наживы — раздвинуть силой границы своего государства или заставить силой раскрыть двери своим капиталам. В результате — война, в ней национальная буржуазия борется за преобладание на мировом рынке.

Но для ведения войны буржуазии нужна армия. А армия составляется из народа. Нужно этот народ убедить в том, что предпринятая авантюра — дело народа. Вот почему опять сыплются красивые фразы об освобождении славянства, об избавлении мира от милитаризма. Вот почему обе стороны стараются представить эту явно завоевательную войну войной оборонительной. Вот почему говорят, что к войне не готовились и ее не хотели. Но и в мирное время переполненные казармы, ассигнование народных миллионов на нужды армии, бешеное состязание в вооружении — нам говорят, что все государства готовились к войне и хотели ее. Один только международный пролетариат в ней ничуть не заинтересован. Ему нечего питать вражду к своим инородным товарищам. У него нет противоположных интересов, а только общая порабощенность, общий враг в лице буржуазии и стремление свергнуть ее гнет. Еще ни одна война пролетариату ничего, кроме тяжелых ран, не дала. Даже так называемая Отечественная война ничего не дала народу. Он

остался крепостным, как и раньше. Голод, язвы, ежовые рукавицы правительства дали себя знать пуще прежнего. Да и эта война ничего не принесет народу. Штык сменится фабричным станком и сохой. Жизненные силы пролетариата мало-по-малу будут высасывать фабричные стены, труд, голодовка и каторга.

Нет, товарищи, мы не можем связывать с этой войной никаких положительных задач. Стоя под знаменем международной с.-д., мы до конца должны остаться решительными противниками войны. Настоящую войну мы должны стремиться всеми силами немедленно превратить в гражданскую войну. Задача момента—не совместная работа с правительством и буржуазией под знаменем защиты отечества, а укрепление своей нелегальной организации, объединение всех своих сил для решительной борьбы с царской монархией. Товарищи, пусть же наша кровь прольется за наше рабочее дело, за освобождение труда, за свободу. На призыв буржуазии сплотиться и позабыть партийную рознь мы ответим новой борьбой с ней, на натравливание отдельных народностей — международным лозунгом: пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Довольно братской крови!
Долой царскую монархию!
Да здравствует революция!
Да здравствует демократическая республика!

Тверская группа РСДРП.

Июль 1915 г.

(Ив. Меницкий. «Революционное движение военных годов», том I, стр. 60 — 62)

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВОЙНА ВОЙНЕ!

Товарищи граждане! Опять грозный призрак войны! Опять русское правительство ведет народ к пропасти! Опять десятки тысяч трупов и сотни тысяч обездоленных и осиротевших семейств! Опять нищета и разорение крестьянских и рабочих масс, опять банды оголтелых «ура-патриотов»

кричат о чести и достоинстве родины, опять они требуют от русского народа доверия к русскому правительству! Тому правительству насилия и гнета, которое не устает обагрять свои руки в крестьянско-рабочей крови, правительству девятого января! Правительству еврейских погромов и ленского расстрела! Тому правительству, которое обирает и спаивает народ, окружив его стаей больших и малых волков, рвущих народное тело!

И вот это правительство затевает сейчас войну, зальет огромным потоком крови всю Европу только в своих интересах и в интересах кучки хищников-капиталистов, ищущих новых мест сбыта своих товаров и увеличения своих богатств...

Не честь и счастье родины нужны русскому правительству. Ему нужно патриотическим угаром и громом пушек оглушить сознание народа и кровью, пролитой на поле битвы, затушить требования революционного народа.

Нет, правительство не обманет больше народа! Он ради своего счастья, ради своей свободы грозно и единодушно заявит:

Долой войну!

Долой войну, во что бы то ни стало!

Долой войну во имя существования наших жен и детей!

Долой войну, лишающую нас мирного труда!

Долой войну во имя международного братства народных масс!

Через голову правительства русский рабочий народ протягивает руку своим немецким и австрийским братьям-трудящимся и сливается с ними в одном лозунге:

Долой войну!

Да здравствует братство народов!

Руководящий коллектив Бакинской
организации РСДРП.

(Прокламация, изданная большевистским коллективом Бакинской организации между 17—20 июля 1914 г., является одной из первых по времени социал-демократических прокламаций, выступившей с лозунгом: «Долой войну». Прокламация печатная. «Памятники», стр. 173).

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи!

Сотни тысяч, миллионы рабочих и крестьян оторвали от семей, от мирной работы и посылают навстречу смерти. Берут наших отцов, братьев, мужей, сыновей и гонят на убой, заставляют убивать наших братьев, убивать таких же рабочих только других стран. Каждую минуту рекой может политься кровь, и сейчас уже льются целые моря слез по всему миру.

За что же, для чего все это делается? Чьи интересы защищать будут те миллионы наших братьев, которых мобилизуют сейчас по всей Европе?

Прежде всего — интересы капиталистов и помещиков, интересы наших эксплуататоров. Чтобы они могли получать прибыль, они должны приобрести рынок для продажи своих товаров. Рабочих посылают завоевывать эти рынки.

У нас в России голодают миллионы крестьян, нищенская заработная плата у большинства рабочих. Чтобы внутри страны могли промышленники найти сбыт своим товарам, нужно улучшить положение рабочих и крестьян, нужно увеличить их покупательную силу. Вместо того, чтобы дать землю крестьянам, повысить заработную плату рабочим и этим создать внутренний рынок для товаров, правительство пытается захватить чужие земли.

Нам говорят, что эта война является защитой свободы и независимости наших братьев — сербов.

Не верьте этому, товарищи!

Сербию сделали только предлогом; колониальная политика русского правительства сделала неизбежной эту войну.

Это ищут рынка для промышленников, это стараются сохранить земли за помещиками, не желая дать их крестьянам и обрекая их на нищету и голод. Это стараются рабочих держать в тех невыносимых условиях, в каких они живут сейчас. Для этого кровавое самодержавное правительство захватывает Персию и Армению. Там оно столкнулось с интересами немецких эксплуататоров, и начинается кровавая, невиданная, всемирная война.

Товарищи! Нас заставляют проливать кровь, наших братьев гонят на убой, чтобы еще больше увеличить гнет

нищеты и эксплуатации. Хотят вечным сделать господство кровавого царского самодержавия, заставляют нас самих ковать для себя цепи.

Товарищи, мы должны все, как один, сплотиться для великой борьбы за освобождение родины от гнета помещичьего самодержавия.

Только революция, только свержение этого кровавого правительства, конфискация помещичьих земель и наделение землей крестьянства, только 8-часовой рабочий день и демократическая республика дадут возможность России развиваться и без кровавых завоеваний!

Долой самодержавие насильников!

Долой войну!

Да здравствует демократическая республика!

Да здравствует революция!

Да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия!

Да здравствует социализм!

Типография Киевского комитета РСДРП.

Июль 1914 г. 13,000.

(«Памятники», стр. 198—199).

Товарищи!

Снова мы перед войной! Снова по бедным и убогим рабочим углам раздается плач жен и детей; снова застонала наша деревня, лишенная лучших работников и последней скотины! Снова нас поведут умирать тысячами «за веру, царя и отечество»! За отечество! Какое тут отечество, когда в нем расстреливают и вешают, как врагов? Какое отечество, когда мы мрем с голоду в лапах капиталистов? Какой тут царь, когда мостовые у его дворца политы кровью рабочих, когда его опричники сдавили трудящуюся Русь железными кольцами на радость богачам? Какая тут вера и какой бог? И не нужно этого бога насилья, кнута и виселицы! Итак, за что идем умирать мы и наши братья? Австрийский тиран мстит Сербии за убийство своего наследника, а нас за это будут расстреливать! В угоду преступным капризам правителей народ губит свои лучшие силы и лучших людей! Наши братья социалисты Западной Европы давно сознали

ненужность и зверства войны и теперь заявили во всеуслышанье свой протест. Присоединимся же, товарищи, к их голосу и вместе скажем: «Долой войну! Долой кровавую бойню!».

Группа костромских социалистов.

Кострома, 19 июля 1914 г.

(Прокламация гектографированная. «Памятники», стр. 202).

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Переживаемый момент, когда все народы Европы стоят друг против друга с оружием в руках, когда ежедневно в грандиозных битвах гибнут десятки тысяч людей и когда в этой кровавой бойне принимают участие миллионы наших товарищей с.-д. всех стран, — требует исключительно серьезного к себе отношения со стороны рабочего класса. А между тем до сих пор почти не было слышно нашего голоса. Это вынужденное молчание наше объясняется тем, что правящие классы всех стран, готовясь к этой войне и зная, что только в лице рабочих и с.-д. они имеют единственных убежденных противников затеянной ими мировой авантюры, поспешили принять все меры, чтобы наш голос в эту минуту не был услышан. С этой целью почти повсюду были закрыты все рабочие с.-д. газеты, общества и союзы, воспрещены всякие собрания, упразднена неприкосновенность переписки, введено военное положение и т. д. За буржуазною прессою осталась, таким образом, монополия выражать общественное мнение всего мира, и она принялась ревностно обрабатывать и фальсифицировать его, раздувая повсюду шовинизм, сея семена человеконенавистничества и вражды, предавая на каждом шагу интересы широких масс. По отношению к нам правительство и буржуазия прибегли к специальной политике лжи, провокации и подтасовки фактов. Выхватывая и тенденциозно раздувая отдельные факты, характеризующие отношение к войне отдельных социалистически-оппортунистических групп и лиц, либеральная пресса делает отсюда вывод о сочувственном якобы отношении к войне всей с.-демократии. С негодованием отвергая эту грязную клевету на рабочую партию, мы подчеркиваем свое отрицательное

отношение к этой войне, как типичному проявлению империалистской политики правящих классов, и заявляем, что никакими ухищрениями и насилием правительству буржуазии не удастся зажать рот рабочим организациям и заглушить подлинный голос рабочих масс.

Оценивая создавшееся положение, исходя из основных принципов нашего миропонимания и стоя настраже интересов трудящихся масс, мы считаем, что настоящая война является неизбежным последствием захватной политики капиталистических государств, вечно стремящихся к приобретению новых рынков и расширению своего экономического господства. Полным извращением правды является утверждение буржуазной прессы о том, что эта война ведется якобы во имя высших интересов культуры и прогресса, для обеспечения свободы экономического и национального развития Европы и освобождения ее от гегемонии немецкого капитализма и милитаризма. На самом деле, она ведется за утверждение путем милитаризма господства отдельных капиталистических групп на мировом рынке, и эта узко-эгоистическая борьба не имеет ничего общего с идеалами демократической культуры.

Рабочие и крестьянство вовлечены в эту борьбу правящими классами путем лжи, обмана, насилия. Правящие классы, пользуясь школами, церковью, печатью, воспитали в массах чувство шовинизма и, спекулируя на народном невежестве, опираясь на грубое насилие в лице постоянного войска и полиции, мобилизовали громадные армии и двинули их навстречу друг другу. Но эта политика грубого насилия, лжи и обмана не может затемнить классового сознания трудящихся. Пролетариат и широкие народные массы лишь в силу необходимости подчиняются игу милитаризма, сознавая, что только окончательная победа социализма положит конец милитаризму и авантюристской политике держав. Каков бы ни был исход войны, неизбежным последствием будет для всех вовлеченных в нее народов — обнищание, голод, безработица и всякого рода эпидемии, словом — полное разорение широких масс. Эта война со всеми ее последствиями прежде всего обрушится на рабочий класс и крестьянство, поставляющих в армию главную массу солдат и несущих все тяжести налогов. Толкая рабочих на братоубийственную бойню, буржуазия надеется поселить между ними рознь, ослабить международную солидарность трудящихся и отвлечь их внимание от их прямых задач и

общего врага — международной буржуазии. За последние годы воинствующий империализм не раз уже вызывал острые международные конфликты, и не раз уже народы Европы находились накануне мировой войны. В отдельных случаях международному пролетариату дружными выступлениями удавалось повлиять на предотвращение войны, как это было, напр., во время столкновения Германии и Англии по так назыв. марокккскому вопросу. В целях протеста против надвигавшейся опасности мировой войны был созван особый международный социалистический конгресс в Базеле в 1912 г. В августе н. г. должен был состояться международный социалистический конгресс в Вене, на котором предполагалось внести конкретные предложения о борьбе с милитаризмом и предотвращении европейской войны всеми средствами. Но события опередили нас.

Настоящая война, вскрывая язвы и противоречия капиталистического строя, в то же время открывает глаза рабочим на истинное положение вещей. Вызывая небывалый экономический кризис, эта война подкапывается под самые устои буржуазного общества и открывает рабочим новые виды в их борьбе за социализм. Учитывая все условия переживаемого момента, Самарский комитет РСДРП обращается с призывом ко всем партийным работникам и рабочим г. Самары принять деятельное участие в строительстве партийной работы. Необходимо, прежде всего, решительно отмежеваться от всех шовинистически настроенных либеральных групп и оппортунистических элементов, выдвигающих своим лозунгом борьбу с последствиями войны (участие в работах городских и сельских попечительств, в общеземской и общегородской организациях, участие в сборах пожертвований на нужды войны и помощь семьям запасных и т. д.). Всякая работа в этом направлении при современных условиях, облегчая правительству его задачу по призрению семей раненых и запасных, является в то же время прямою поддержкою ему в деле ведения этой кровавой войны, уносящей ежедневно тысячи пролетарских жизней и опустошающей целые страны. Мы не должны забывать, что правительство начало эту войну, не спросясь мнения народа и во вред самым насущным интересам его. Призывая к забвению внутренних распрей в начале войны, правительство имело в виду лишь ослабление и уничтожение либеральной оппозиции и революционного протеста народных масс и использование всех живых сил страны в целях своей крова-

вой авантюры. Этот призыв к обществу совпал с небывалым усилием и разгулом реакции по всей стране. Репрессии за последнее время не только продолжаются, но и усиливаются. Ежедневно происходят повсюду аресты и обыски. Закрываются все свободомыслящие газеты и журналы. Вся печать подвергнута предварительной жандармской и военной цензуре. В виду всего этого мы должны сплотиться вокруг партийных организаций, готовясь к предстоящей борьбе, лозунгами которой являются прекращение войны и свержение самодержавного правительства. Необходимо сейчас обратить особое внимание на усиление и развитие агитации и пропаганды применительно к условиям текущего момента. Мы должны развивать в широких массах правильный взгляд на текущие события, повсюду разоблачая патриотическую и либеральную ложь.

Товарищи! Пред нами громадные исторические задачи и ответственная тяжелая работа. И в ней нас не должны смущать ни условия ее, ни происки наших врагов, ни единичные случаи уклонения отдельных лиц и групп из нашей среды от правильного и верного пути пролетарской борьбы и выдержанной классовой политики. Вступайте в ряды партии, несите в массы пропаганду правды, указывайте ей на верный путь освобождения от кошмаров милитаризма и ига капитализма. Развивайте свои силы к предстоящей борьбе за прекращение войны, за свержение самодержавия, за демократическую республику.

Долой войну!

Да здравствует международная солидарность рабочих всего мира!

Да здравствует международный социализм!

Да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия!

Самарский комитет РСДРП.

(Прокламация гектографированная, выпущенная в двадцатых числах октября 1914 года местным большевистским комитетом. «Памятники», стр. 217 — 219).

Товарищи рабочие!

Сегодня день 1-го Мая, день нашего праздника, день, когда мы должны заявить, что требуем для себя человеческого существования: мы требуем — высокой заработной

платы, 8-часовой рабочий день. Наша конечная цель — добиться, чтобы фабрики и заводы принадлежали рабочим, а земля — крестьянам и тем, кто ее обрабатывает.

Сегодня мы не выходим на улицу, но пусть не думают наши враги, что у нас нет сил — мы готовимся к решительной борьбе.

Товарищи! Никогда еще мир не видал столько горя и слез, сколько он видит сейчас. Никогда еще не гибло бесполезно столько братьев наших и товарищей на полях войны. Море крови залило землю. Миллионами убитых покрыты поля, миллионы калек выбрасываются в лазареты, а оттуда по деревням и по городам. За что же ведется война? За что русские рабочие и крестьяне убивают немецких крестьян и рабочих? Что случилось? Почему смоленские рабочие и крестьяне, одетые в солдатские шинели, должны убивать немецких солдат? Убивают потому, что правительства разных стран уверили их, что они враги друг другу, и натравили русских на немцев, а немцев на русских. Но мы, рабочие, не враги друг другу, мы — товарищи. Рабочим война не нужна, а нужна она русским, немецким, английским и другим помещикам, нужна царям с их правительствами, нужна фабрикантам и заводчикам. Каждый из этих царей хочет усесться поплотнее на своем троне. Каждый помещик хочет побольше почета и повыше чин. Каждый фабрикант и заводчик хочет высосать еще кровь в виде золота. Этим негодяям и этой шайке разбойников нужна война! Она им теперь уже выгодна, посмотрите, как все вздорожало. Отчего? Оттого, что наши «патриоты» — купцы, фабриканты, дворяне и помещики — наполняют свои карманы золотом. Кровь убитых рабочих и крестьян, слезы и горе овдовевших жен и детей эти мерзавцы превращают в золото и наедают себе брюхо, когда осиротелые семьи запасных голодают.

Товарищи!

Наступает время сказать этим негодяям — русским и немецким: долой русского и немецкого императоров! Долой продажное правительство всех стран! Долой всех, кто пьет народную кровь!

Мы хотим, чтобы человек пользовался плодами своего труда. Мы хотим, чтобы не страдали миллионы трудового народа для удовольствия кучки беззастенчивых жуликов. Мы хотим, чтобы народ сам решал свои дела. Мы требуем созыва Учредительного Собрания!

Мы будем воевать, но пусть знают, что мы воюем не против немецких и других рабочих, а против германского, русского и других императоров и правительств, против ненужной и безумной траты на вооружение (на милитаризм).

Мы боремся против кучки негодяев, называющих себя правительствами разных стран.

Мы ведем войну против всех гадин и пауков, что сосут кровь из рабочих и крестьян.

Товарищи, организуйтесь и готовьтесь к борьбе!

Долой самодержавие!
Да здравствует социализм!

Объединенная группа социалистов.

Смоленск, май 1915 г.

(С подлинника).

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи рабочие!

Вот уже больше четверти века, как рабочие всего мира празднуют свой пролетарский праздник 1-ое Мая. Первое Мая — праздник труда, праздник международной борьбы всех народов за лучшее будущее, за царство социализма, за торжество идей братства, равенства и свободы.

Из года в год, в день Первого Мая, рабочие всех стран организуют смотр боевым силам. Рука об руку, плечо с плечом идут они стройными рядами по улицам столиц, городов и местечек, а над их головами развеваются красные знамена с ярко начерченными на них лозунгами международного пролетариата: восьмичасовой рабочий день, всеобщее, прямое и тайное избирательное право, отмена постоянной армии и замена ее народным ополчением. И с каждым новым Первым Мая кадры рабочего воинства все увеличивались и увеличивались.

Росла и крепла сила международного пролетариата. Со страхом и гневом капиталисты всех стран и их верные слуги — буржуазные правительства — смотрели на эту силу. И современная война, с такою силою обрушившаяся на евро-

пейские народы, является одним из предугаданных ударов сильных мира сего по силе рабочего класса, по его международной солидарности.

В самом деле, кем и почему начата настоящая война? Народами? Нет! Ни один из воюющих народов этого не хотел, и никто его о том не спрашивал. Современные войны в своей основе имеют чисто завоевательную, империалистическую политику. Постоянная армия и кровопролитные войны нужны капиталистической буржуазии для охраны своей безопасности внутри страны, для борьбы с врагом внутренним и для хищнического завоевания новых рынков, новых территорий, новых барышей для своих карманов, новых бешеных нажив.

Так и война настоящая. Она начата не потому, что в Сербии убили наследника австрийского престола, что России необходимо было встать на защиту независимого славянства. Нет, не потому! Этот горючий материал войны накоплялся давно, и в основе его лежит борьба за экономическое преобладание и политическое влияние капиталистических государств на мировом рынке, Балканском полуострове и Малой Азии. Итак, не по желанию народов, а по воле тех, в чьих руках находится капитал, богатство и власть, к границам воюющих государств были стянуты миллионы людей на кровавый бой, на беспощадное истребление друг друга. Свыше девяти месяцев продолжается по размерам неслыханная, по жестокости беспримерная война народов. Три четверти года, изо дня в день десятками тысяч, молодые, здоровые люди, дети народа, устилают своими трупами перевалы Карпат, поля Галиции, Франции, Малой Азии и кровью своею окрашивают воды Немана и Днепра, Днестра, Вислы и Сены.

Реки крови, море слез, горы трупов и миллионы калек, вдов и сирот — таковы будут итоги современной войны. Народы Европы задыхаются в этом кровавом кошмаре войны и со страхом и ужасом ждут ее последствий: смертоносных эпидемий, нищеты и разорения, хронических голодовок на долгие годы.

И мы, рабочие, в свой день борьбы, в день 1-го Мая, теперь, как никогда раньше, должны выдвинуть и бороться за наши требования, которые наиболее отвечают современному моменту:

Долой кровавую войну!

Да здравствует мир, заключенный истинными представителями воюющих народов, на основе национального самоопределения.

Долой постоянные армии! Да здравствует разоружение народов, как истинная гарантия долговечности мира!

Да здравствует Учредительное Собрание, выбранное на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, которое одно только может явиться действительным выражением воли народа и в заключении мира и в установлении гражданских прав и государственных порядков всех стран.

Долой преступное русское самодержавие, которое является одним из виновников этой войны!

Да здравствует демократическая республика!

Товарищи рабочие, агитируйте везде и всюду за эти требования, организуйтесь и входите в ряды своей Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Спешите, ибо недалек тот момент, когда придет день расплаты с врагами рабочего класса.

«Он будет строг, потомства суд, он долго ждет, но верно судит».

Тифлисская организация РСДРП.

Май 1915 г. Типография организации № 6.

(С печатного подлинника).

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРАВДА О ВОЙНЕ.

Страшное бедствие обрушилось на русский народ, на народы почти всей Европы. Миллионы рабочих и крестьян оторваны от труда, дававшего им и их семьям средства для жизни, и по воле командующих государствами шаек бездельников, пауков и трутней брошены в кровавый водоворот войны. Кровь леденеет в жилах, когда читаешь в газетах, как изо дня в день то сотни, тысячи, а то и десятки тысяч выбывают из строя: они умирают под пулями своих братьев — таких же рабочих и крестьян, или безногими, безрукими ка-

леками размещаются по лазаретам, чтобы потом возвратиться в родные семьи и из кормильцев стать тяжкой обузой семьи, пойти по миру просить подаяния. Нищета и голод ждут жен и детей несчастных солдат. В полях не убран хлеб, в городах и заводах их гонят с квартир, нечем топить и нечем кормиться: два рубля десять коп. в месяц — вот как щедро вознаграждает казна жену, потерявшую детей и кормильца; один рубль десять коп. — вот, по мнению этих насильников, цена отцу, оторванному от малолетнего ребенка.

Кто затеял эту войну? Кому нужна она? Чья преступная рука посылает под расстрел полки солдат, обрекает на голод и вымирание их жен и детей? По газетам так, будто весь пожар разгорелся от маленькой искры. Вот как пишут в газетах: какой-то серб за деревьями не сумел увидать леса и, задумавши помочь народному горю, убил наследника австрийского престола. Австрийское правительство потребовало тогда от сербского короля, чтобы тот пустил в Сербию австрийских палачей вешать и сажать в тюрьмы всех, кого они найдут нужным. Сербское правительство на это не вполне согласилось, заявив, что оно само сумеет расправиться с кем надо и только пригласит австрийских чиновников помогать ему в этом деле. На это Австрия ответила бомбардировкой столицы — Белграда. В защиту сербского короля вступился русский царь и двинул войска к австрийской границе. В осаде Австрии Вильгельм германский увидел угрозу соседу и себе и объявил войну России. Дальше дошел черед до Франции, Англии, Бельгии и Японии, и кровавый пожар охватил уже чуть не половину всего мира и готов разлить свое пламя еще дальше. Все правительства всех воюющих государств заявляют, что они не хотят войны, они только вынуждены вступиться будто бы в защиту правды и справедливости. Все правительства издают манифесты к народу, зовут народ на помощь к себе. Наш царь Николай не успел еще смыть со своих рук кровь петербургских рабочих, расстрелянных сотнями во время забастовок в июле месяце, и тоже разразился несколькими манифестами, призывая русский народ к единению с ним в преступной войне, а во время приема двадцать шестого июля членов Думы договорились до того, что назвали эту братоубийственную войну «ниспосланной нам богом». Все выходящие теперь с разрешения правительства газеты с восторгом и умилением разносят по стране эту лживую брехню. Все партии, начиная с «союза русского народа» и вплоть до присвоивших себе название

«партии народной свободы» — кадетов и даже отчасти трудовиков, называющих себя также социалистами, стремятся перекричать друг друга и, призывая народ к единению с правительством, уговаривают забыть внутренние распри, забыть о том, что у нас в России довольно своих кровопийц, отложить хоть на время заботу о себе и помочь царю расправиться с немцами. Все газеты, все партии поют в один голос. Не участвует в этом хору только рабочая социал-демократическая партия. Не слышно только голоса рабочих газет. Им не нашлось места на этом пиру обезумевших преступников. Объявив войну, царское правительство первым долгом позаботилось закрыть рабочие газеты, рассадить их руководителей по тюрьмам, объявить по всей стране военное положение и чрезвычайную охрану. Призывая народ на борьбу «за правду и мир» — слова царя в Москве, русское правительство, прежде всего, зажало рот рабочей «Правде», объявило войну рабочим газетам. Больше немецких пуль боится оно рабочей «Правды». Но нам не заткнешь рта. Мы создадим тайные типографии. Из душного подполья мы громко скажем правду товарищам рабочим и крестьянам.

Не по приказу безумного Вильгельма германского началась эта бойня, в которой суждено погибнуть сотням тысяч солдат. Не нужна она ни русским, ни немецким, ни французским или английским рабочим и крестьянам. Не от засилья чужеземцев тесно крестьянам на земле, не вмоготу жить рабочим на заводах и фабриках. Не в чужих землях, а у себя дома — в России, в Австрии, в Англии — везде на спинах рабочих и крестьян расселись капиталисты и помещики, выжимающие из своего народа пот и кровь. Они распоряжаются и всеми действиями правительства. По их велению цари, короли, президенты, министры командуют народом, объявляют войну, заключают мир. Австрийские купцы, заводчики и фабриканты разорили в конец австрийских крестьян и рабочих. Некому им стало продавать товары, выделываемые на их фабриках, и вот они решили объявить войну Сербии, разорить сербских трутней и паразитов и самим присосаться к телу сербского народа, продавая ему по высокой цене свои товары. Русские капиталисты тоже заинтересованы в балканских делах, а главное — они боятся усиления Турции, что Турция отнимет у русских купцов и промышленников возможность в-три-дорога продавать изделия российских фабрик в Персии и соседних с ней азиатских

областях. Германские капиталисты жаждут ослабления России. Они во что бы то ни стало хотят добиться того, чтобы их дешевые товары свободно продавались в России, чтобы были отменены высокие пошлины, которыми обложило в интересах русских заводчиков царское правительство немецкие товары при ввозе их в Россию. В то же время немецкие помещики хотят поставить побольше препон ввозу в Германию русского хлеба; они хотят грабить германских горожан и рабочих одни, без участия русских хлебных торговцев, которые скупают хлеб по дешевым ценам у русских голодных крестьян и везут его продавать в Германию. Английские капиталисты, которым давно уже не по нутру конкуренция германских промышленников, особенно заинтересованы еще и в том, чтобы выгнать немцев из далекой Африки и одним грабить несметные богатства жарких стран, сбывая в эти так называемые колонии по дорогим ценам свои товары, помещая там свои капиталы, строя там железные дороги, вывозя из колоний тамошние изделия для продажи их по высоким ценам в Европе. Интересы французского капитала подобны интересам капитала английского. Вместе с тем, капиталисты и помещики всех стран одинаково заинтересованы в возможно большей эксплуатации рабочего класса, в беспрепятственном обирании в свою пользу рабочих и крестьян. И все они, без различия национальностей, боятся и трепещут того, что жертвы их алчности и жадности сознают свои интересы, объединятся под знаменем рабочей партии и сбросят со своих плеч иго международного капитала. Войнами с чужеземцами хищники и паразиты стремятся отвлечь внимание рабочих и крестьян от борьбы за свои интересы, направить их на их же братьев, живущих в другом государстве. Но не удастся им сбить с толку сознательных рабочих социал-демократов. Они знают, против кого им нужно бороться, кто их настоящие враги и неприятели. По всем странам Европы, по всем крупным городам прокатилась волна рабочих митингов и демонстраций. Сознательные рабочие всех стран громко протестуют против войны, требуют прекращения братоубийственной бойни, требуют низвержения того строя общества, при котором правительства, — верные приказчики капиталистов и помещиков, — помимо воли народа, вопреки его интересам, объявляют войны, обрекают на смерть сотни тысяч рабочих и крестьян, обрекают на голод и нищету их жен и детей. Сознательные рабочие России присоединяют свои протестующие

голоса к голосу пролетариев всех стран. Товарищи рабочие и крестьяне! Не давайте обманывать себя вашим врагам! Организуйтесь под знаменем Российской Социал-Демократической Рабочей Партии! Объединяйтесь с рабочими всех стран в общей борьбе против эксплуатации, против насилия и против произвола! Требуйте прекращения войны! Требуйте замены теперешнего порядка, при котором жизнью и благосостоянием народа распоряжается правительство по воле капиталистов и помещиков, новым порядком, когда народ сам будет распоряжаться своей судьбой через свободно избранных народных представителей! Требуйте демократической республики!

Долой войну!

Да здравствует международная социал-демократия!

Долой царское самодержавие!

Да здравствует демократическая республика!

Уральская группа социал-демократов.

1914 год.

(Печатная прокламация. «Памятники», стр. 232 — 234).

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Граждане и гражданки! Мы стоим перед грозным призраком небывалого в мировой истории кровопролития. Подготовляется оно правительством тех классов, которые во всех странах пожирают добываемые народами богатства и которые, не довольствуясь угнетением и грабежом внутри своих стран, постоянно разжигают вражду и ненависть между другими народами и при первом удобном случае, под тем или иным предлогом, наталкивают их друг на друга, чтобы захватить добычу, поработить их и укрепить свое классовое господство.

В числе втянутых в международную бойню государств оказалась и Россия. И вот, то правительство, которое за спиной народа бесконтрольно ворочает всем его достоянием, теперь бесцеремонно распоряжается и его жизнью. Оно гонит нас точно стадо баранов в чужие края, чтобы там, молча и не понимая ради чего, убивать каких-то неведомых

нам «врагов» и быть ими убитыми на далеких полях, не зная за что.

Граждане! Не верьте басням господствующей шайки и их наемников о необходимости и целесообразности войны. О заступничестве за свободу славян кричат те, кто держит внутри своей страны в невежестве и бесправии весь народ. Вы знаете цену всем царским манифестам и обещаниям. Слово царское есть грязный плевок главного палача и обманщика, которое он держит только до тех пор, пока не минует грозящая опасность господам положения.

Последствия войны для народа одинаково гибельны и в том случае, если даже она будет выиграна, ибо это укрепляет положение господствующих паразитов и увеличивает силу их эксплуатации чужого труда.

Рабочий класс всех стран восстает и должен восставать против всех военных затей буржуазных классов.

Если же рабочие и крестьяне не в состоянии будут остановить начатую буржуазией военную кампанию и господа положения силой навяжут им оружие, то надо брать это оружие, но не для того, чтобы идти в чужие страны и позорно там убивать таких же угнетенных и оскорбленных господствующими классами крестьян и рабочих, как они сами, — а для того, чтобы избегнуть господства эксплуататоров, этого источника всех народных бедствий, и в славном бою добиться полного народного самоуправления, то-есть демократической республики.

Долой войну!

Да здравствует социализм и международное братство!

Да здравствует демократическая республика и революционная социал-демократия!

Харьковская организация РСДРП.

(Печатная прокламация группы Харьковских большевиков распространялась в июле 1914 г. на Харьковском паровозостроительном заводе. «Памятники», стр. 237 — 238).

Работы М. ФЛЕЕРА по истории революционного движения.

1. Хрестоматия по истории Октябрьской революции. Ленинград. Раб. изд-во «Прибой» 1925 г., 282 стр.

2. Рабочее движение в годы войны. Материалы по истории рабочего движения в России под общей редакцией А. Лозовского. Центрархив. Москва. Изд. «Вопросы Труда» 1925 г., 364 стр.

3. Путиловский завод в 1917 — 1918 г.г. «Борьба классов». 1924 г. № 1 — 2, стр. 288 — 299.

4. «Правда», орган ЦК и ПК РСДРПб. Март — октябрь 1917 г. Библиографическое описание «Красная Летопись» 1923 г., № 9, стр. 219 — 243, и 1924 г., № 11, стр. 225—251.

5. К истории Корниловщины. «Красная Летопись», 1924 г., № 10, стр. 201 — 217.

6. К истории рабочего движения 1917 года. «Красная Летопись», 1925 г., № 13, стр. 239 — 243.

7. Избрание В. И. Ленина в Учредительное Собрание. «Красная Летопись» 1926 г., № 1, стр. 21—22.

8. Рабочая Красная Гвардия в Февральскую революцию. «Красная Летопись», 1926 г., № 1, стр. 23 — 43.

9. Временное Правительство в борьбе с аграрной революцией. «Красная Летопись» 1926 г., № 2. стр. 5 — 15.

10. Петербургский Комитет большевиков в годы империалистической войны. «Красная Летопись», 1926 г., № 4 и след.

11. Верховное командование в первые дни революции. «Красный Архив» 1924 г., № 5, стр. 219 — 236.

12. В. Чернов и июльские дни. «Красный Архив» 1924 г., № 5, стр. 268 — 270.

13. Временное Правительство после Октября. «Красный Архив» 1925 г., № 6, стр. 195 — 221.

14 Пенсионная практика Временного Правительства. «Красный Архив» 1925 г., № 8, стр. 246 — 250.

